

"Научи меня умирать"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Мацуо Монро

Научи меня умирать

Год за годом все то же:

Обезьяна толпу потешает

В маске обезьяны.

Мацуо Басё

Глава 1

Каждый раз, когда начинается сезон дождей, я вспоминаю о той обезьяне. Передо мной взлохмаченное море. Дождь омывает потемневшую листву вечнозеленых дубов и серые валуны на побережье, жемчужно-серая пелена застилает горизонт.

Каждый год одна и та же картина. Каждый год одни и те же воспоминания. Обезьяна... Не появившись она однажды, не было бы и всей этой истории. А быть может, не было бы уже и меня самого. Сейчас, когда я смог заново собрать свою жизнь из осколков, я это понимаю. Хочется обо всем забыть. Я пытался это сделать, пытаюсь и сейчас. Но каждый раз, когда наступает лето и вместе с ним приходят дожди, на меня наваливаются воспоминания.

Впрочем, история началась не с появления обезьяны – она пришла чуть позже. Началось все с девушки по имени Вик. Да, точно, именно с нее...

Гортензии умываются первыми каплями летнего дождя, а мне на ум приходит тот день, когда я познакомился с Вик.

Так ее звали. Отец ее был морским пехотинцем США на одной из баз в Йокогаме, американцем французского происхождения, отсюда и такое странное имя.

Вик... Как и почему она появилась в моей жизни, я до сих пор не могу понять. Точнее, если верить обезьяне, непонятно, почему я появился в жизни Вик.

Как опасная болезнь. Нет никаких явных симптомов, вроде бы все в порядке, но она уже разрушает организм. Медленно, неуклонно, неотвратимо. Словно хватываясь – бороться уже поздно. Дело зашло слишком далеко. Вылечиться нельзя, можно лишь научиться жить с этой болезнью. Кажется, что в один миг стал дряхлым стариком, хотя на самом деле это превращение длилось годами.

Так же получилось и с Вик. Она прокралась тихо и незаметно в мою жизнь. Просочилась по капле. И когда я это заметил, было уже поздно что-либо менять. Смертельная болезнь по имени Вик.

Первый раз я увидел ее в букинистическом магазине. Не самое подходящее место для знакомства. Впрочем, для меня тогда все места были неподходящими. Конечно, я встречался с девушками. Но редко знакомился сам. И никогда не относился к ним серьезно. Служебные романы, где все получается само собой, короткие и ни к чему не обязывающие, как разговор с попутчиком в поезде; девушки на пару ночей, подхваченные в баре; одноразовые встречи в клубах знакомств. Все просто и необременительно. Никаких обязательств, никаких

продолжений. Два человека спасаются от одиночества осенним вечером. Два человека спасаются от одиночества летним вечером. Два человека спасаются от одиночества зимним вечером. Два человека спасаются от одиночества весенним вечером. Вот и все.

...Первый раз я встретил Вик у букиниста. Около стойки стояла высокая, небрежно одетая девушка. Свободная футболка, надпись на спине «Don't worry», мятые льняные штаны в тонкую красную полоску и босоножки. Все приобретено в каком-нибудь магазинчике на Такесита-дори. [1] Темно-красные волосы с ярко-желтыми прядями топорщатся в разные стороны. Весь ее вид говорил: у меня есть дела и поважнее, чем стоять перед зеркалом.

А потом она обернулась и что-то спросила у меня. И я понял, что она действительно может не думать о том, как выглядит. Человек с таким лицом не может выглядеть плохо. Как не может плохо выглядеть заходящее за гору солнце или сама гора, за которую заходит солнце. Нет, она не была красивой. Нос чуть больше, чем нужно, губы слишком тонкие, острые скулы, глаза чересчур широко расставлены... Все чуть-чуть слишком. Сразу было видно, что она метиска. В стране, где на дверях баров вешают таблички «Только для японцев», это едва ли не преступление. Но ее лицо, собранное из отдельных несуразных деталей, приковывало к себе взгляд, разбивало вдребезги мгновение настоящего и заставляло замереть само время. Мельком глянув на него, уже невозможно было отвести глаза.

Оно притягивало
Огонек керосиновой лампы и мотылек.
Опаленные крылья.

Об этом я подумал, увидев ее лицо.

Я не расслышал вопроса, и мне пришлось переспросить. Она посмотрела на меня так, словно я наступил ей на ногу – с удивлением и возмущением. Позже я понял, что она всегда смотрит так, если кто-то недостаточно внимательно ее слушает. Отпущенная человеку жизнь слишком коротка, чтобы повторять одно и то же два раза. Так считала Вик. Впрочем, на то у нее были веские основания.

Она повторила вопрос. Я ответил. Она отвернулась.

Больше ничего. Мимолетное соприкосновение двух мирков. Едва заметное касание. Для нее оно ничего не значило. Для меня, по большому счету, тоже.

Меня поразило ее лицо.

Я знал, что долго его не забуду.

Но в этом не было ничего общего с сексуальным интересом. Вообще ничего здесь не было. Просто очень необычное лицо.

Лицо, останавливающее время.

Потом она ушла. Я хотел заговорить с ней, но, пока собирался с духом, она ушла. Угловатые, резкие движения, нервная походка. Эти штаны, слишком широкие внизу, обвивающиеся при ходьбе вокруг худых щиколоток.

Такая вот встреча.

Здесь, наверное, нужно немного рассказать о себе. Но я этого делать не буду. Чем больше мы

говорим о себе, тем труднее остаться самим собой. Настоящее «Я» растворяется в словах, тает, как туман над рекой Тикуго в рассветный час.

Я не хочу превращать самого себя в тень того фантома, который создается при помощи слов. Так что ограничусь тем, что скажу: я – это я. Я хожу, ем, сплю, думаю и чувствую. Живу так же, как миллионы других людей. Во всяком случае, принципиальных отличий не замечал.

Мне тридцать лет. У меня неплохая работа в рекламном агентстве. Точнее, у меня чертовски хорошая работа в чертовски крупном рекламном агентстве. У меня небольшая, обставленная по последнему слову моды квартира на востоке Накано. Я люблю коктейли и терпеть не могу громкую музыку. Я люблю читать и терпеть не могу плохое освещение в комнате. Нужно, чтобы было светло, как в эпицентре ядерного взрыва, либо чтобы царил абсолютный мрак. Говорит это что-нибудь обо мне? Ничего. Только то, что у меня, как и у всех, есть свои заскоки.

Странно, но никто не интересуется по-настоящему важными вещами. Кем работаешь? Сколько получаешь? Куда едешь отдыхать? Какая машина, и когда ты менял ее последний раз? Вот и все, что интересует других. Ну, плюс еще «какое любимое блюдо?» и «есть ли семья?»... Даже если я подробно и добросовестно отвечу на все эти вопросы, что вы узнаете обо мне? И никому не придет в голову спросить, что я чувствую, когда летней ночью смотрю на двух мерцающих в темноте светлячков. Или когда слушаю шелест ветра в зарослях тростника туманным осенним утром.

Хотя, спроси меня кто-нибудь об этом, вот так, вдруг, я бы решил, что с этим парнем не все в порядке. Необычное, пусть даже и желаемое, очень часто заставляет нас устрично захлопнуть створки ... Мы давно превратились в моллюсков. Мы можем быть открытыми, только пока вокруг все спокойно и привычно. Любое отклонение от правил воспринимается как угроза самому существованию.

Я моллюск. Я лежу в прохладной темной воде на глубине в несколько десятков метров. Мне тихо и спокойно... Меня окружают лишь пушистые водоросли. Я привык к их ленивому колыханию. Они привыкли к моей неподвижности. Нам уютно и скучно вместе. Невыразимо скучно... Когда я умру, рядом не окажется никого, кто взялся бы это опровергнуть. Потому что моя жизнь неотличима от смерти.

Лицо девушки преследовало меня еще несколько дней. Стоило закрыть глаза, оно было тут как тут. Неправильное и противоестественно притягательное. Раздражающе навязчивое. Как непрошенный гость.

Но постепенно ежедневные мелкие заботы и хлопоты сделали свое дело – лицо стало появляться все реже и реже, а потом забылось вовсе. Наши заботы – надежный щит.

вернуться

1

Небольшая улица с недорогими бутиками, где любит покупать вещи не очень состоятельная молодежь.

Каждое утро некое подобие зарядки, стакан апельсинового сока, йогурт или тарелка хлопьев. Путь на работу. Костюм Paul Smith, рубашка Brioni, галстук Kiton, туфли Versus. Мы живем в мире брендовой дифференциации населения. Портфель от Montblanc скажет о тебе больше,

чем ты смог бы рассказать о себе на двухчасовой исповеди. Запонки от Cartier лучше всяких слов показывают, чего ты добился в жизни.

Никого не интересует, как ты чувствуешь себя, когда приходит пора гасить свет в спальне и оставаться один на один с самим собой. Часы Titoni, ручка Montegrappa, зажим для галстука Dunhill – значит, ты в полном порядке. Значит, ты не зря прожил последние десять-пятнадцать-двадцать лет.

Что с того, что по ночам ты вынужден глотать снотворное? Зато под окнами стоит Toyota Mark II – и значит, тебе нечего волноваться.

Костюм Mexx, рубашка Givenchy, галстук Nina Ricci. Путь на работу. В бесконечном потоке трудовых муравьев.

Телефонные разговоры, тексты, отчеты. Все бумажки переписаны по несколько раз, на каждой проставлен номер, номер занесен в табличку, таблички и бумажки разложены по папкам, которые в свою очередь переписаны, пронумерованы, занесены в другие таблицы и разложены по другим папкам. Я пишу, переписываю, укладываю, нумерую, снова пишу. Так до бесконечности. Стрелка ползет убийственно медленно. Я завидую львам, которые спят двадцать один час в сутки. У них на заботу о пропитании уходит лишь три часа. У меня – куда больше. Потому что забочусь я не столько о себе, сколько об обществе, в котором живу.

Каждый вечер я прихожу домой. Телевизор, книга, пиво, суси. Иногда захожу в бар. Gin and It, Bacardi Cocktail, Bellini, brandy Egg-Nog, Daiquiri. «Льда побольше, и отфильтруйте воду»... Наутро все повторяется. День сменяется днем, сезон – сезоном, год – годом.

Большинство людей искренне рады такому положению вещей. Для них этот замкнутый круг не ловушка. Следование естественному ходу событий, вечный круговорот жизни. Они не протестуют. Они просто сходят с ума.

В моем доме, выше этажом, парень уже третью ночь изо всех сил выбивает футон. Каждую ночь. Ровно в два часа. Глухие хлопки. Бон-бон, бон-бон [2]... Ритмичность автомата. Неумоимость автомата. Он работает в Sony. Утром я вижу его из окна. Костюм Hugo Boss, рубашка Cerruti, туфли Alberto Guardiani. Идеальная манекенная прическа. Лишенное выражения лицо. Целеустремленность карпа. У этого парня все в полном порядке. За него нечего волноваться, он на правильном пути.

...Уже третью ночь бон-бон. Он тронулся. Вечный круговорот жизни подмял его под себя, расплющил, пережевал и выплюнул. Теперь он видит в выбивании футона особый сакральный смысл. Единственное спасение... Ведь ночью не так важно, какой лейбл украшает твой пиджак. Ночью ты остаешься наедине с самим собой.

Полгода назад похожая история случилась с соседом снизу. Он пытался головой пробить стену своей квартиры. С завидным упорством. Звуки были другие, но целеустремленность и неумоимость та же. Длилось это четыре ночи. Потом он исчез. Родственники позаботились и уpekли его в психушку. Теперь он следует естественному ходу событий там.

Наши заботы – наши щиты. Бренды – гербы на наших щитах. И именно они наши подлинные хозяева.

Порой я тоже нахожу в мелких заботах плюсы. Например, когда надо забыть чье-то необычное лицо.

Щит из сиюминутных дел сослужил хорошую службу. Я перестал вспоминать о той девушке из магазина. Но стоило мне забыть ее, как она появилась снова.

В тот день дождь стих. Небо низкое, унылое, как вой брошенной хозяином собаки. Вот-вот заморосит снова. Я вышел на станции Ёёги. Не торопясь, прошел пару кварталов до почты, повернул направо и издали увидел ее.

Она читала книгу на скамейке в скверике напротив букинистического магазина. Лица не было видно. Но я узнал ее сразу. Те же самые дурацкие штаны. Футболка другая, а штаны те же. Рядом с девушкой зонтик – рукотворный символ сезона дождей.

Когда я поравнялся с ней, она подняла голову и посмотрела прямо на меня. Словно дожидалась моего появления в сквере и из-за этого забросила все свои дела. На миг мне стало досадно – только избавился от этого лица, как от надоевшей занозы, и вот опять оно.

Я остановился. Девушка смотрела на меня. Она продолжала держать книгу раскрытой. Начал накрапывать дождь.

В тех местах, на которые упали капли, бумага темнела, вздувалась крошечными вулканами, краска расплывалась. Страница, похожая на лицо неопрятного старика.

Внутри у меня что-то неприятно кольнулось. Тревожное предчувствие. Слишком уж случайной была встреча. Мне захотелось захлопнуть створку раковины.

Сделать это было очень просто – нужно всего лишь пройти мимо. Всего-то. Но вместо этого я остановился. И чем дольше я стоял, глядя на нее, тем отчетливее понимал, что никуда мне уже не деться. Опаленные крылья. Ошибка мотылька.

- Вы что-то хотели спросить? – сказал я.

Девушка рассеянно посмотрела на книгу, словно только сейчас сообразив, что держит в руках, захлопнула ее, поднялась и нерешительно сделала несколько шагов ко мне.

- Какой сегодня день? – спросила она.

Отличный вопрос, учитывая обстоятельства, в которых он задан. Я ожидал чего-нибудь более скучного – признания в любви или предложения вступить в какую-нибудь тайную секту... «Какой сегодня день!» Было от чего прийти в замешательство. Я в него и пришел.

На всякий случай я переспросил:

- Извините, что?

И снова на лице удивление и раздражение:

- Вы плохо слышите? Я спросила, какой сегодня день.

- День недели или число? – уточнил я.

- И то и другое.

- Воскресенье. Восьмое июня.

- Спасибо, - сказала она и, словно размышляя вслух, вполголоса добавила, - значит, ровно через неделю...

Я с трудом удержал на языке очередное «простите, что?».

Дождь усилился. Мелкая водяная пыль омыла блестящие, словно покрытые воском, листья магнолий, нежно-розовые лепестки гортензий и светло-серые плиты, которыми была выложена дорожка в сквере. Картина для урбанизированного варианта хайку. Короткие глухие хлопки раскрывающихся зонтов. Мимо нас сновали люди, превратившиеся вдруг в огромные ходячие грибы. Шляпки у грибов самых веселых расцветок. Сумасшедшие грибы.

Мы стояли друг напротив друга и молчали, выпав из этого слоя реальности. Нам было не до зонтов и не до гортензий.

Девушка ушла в себя, размышляя, по-видимому, о том, что будет ровно через неделю. Я же просто смотрел на ее лицо. Все вопросы куда-то исчезли. Время замерло.

- Вы будете здесь через неделю? - спросила она.

- Не знаю. Если успею прочитать то, что купил сегодня.

- Приходите.

- Зачем?

- У меня через неделю день рождения. Я вас приглашаю. Встретимся здесь... Придете?

Я кивнул. По-моему, это был гипноз. Наверняка гипноз. Иначе какого черта я кивнул?

- Часов в одиннадцать, идет?

- Хорошо.

Определенно гипноз.

Она постояла еще несколько секунд, потом тряхнула головой, словно утвердилась в какой-то мысли, неожиданно развернулась, ни слова не говоря, и пошла к выходу из сквера. Ни «до свидания», ни «спасибо». Намокшие брюки не обвивались вокруг ее щиколоток.

вернуться

2

Традиционное обозначение в комиксах-манга звуков выстрелов. Здесь намек на тревожность звуков.

Глава 2

Лишь проснувшись в воскресенье утром, я вспомнил, что приглашен на день рождения.

Желания идти куда-нибудь у меня не было. Серая хмарь за окном. Не до прогулок. Хотелось остаться дома и провести тихий, спокойный выходной. Десяток писем, на которые надо

ответить. На кухне гора невымытой посуды. Белье, ждущее отправки в прачечную. Дел хватало и без девушек с неадекватным поведением.

Я провалялся в постели с полчаса, раздумывая, как поступить. Проще действительно никуда не идти. Я ей ничем не обязан. Но вроде как пообещал. И потом будет неловко встретить ее в магазине. «Почему же вы не пришли?» – «Извините, но мне нужно было помыть посуду, а, кроме того, не хотелось общаться с сумасшедшими».

Да и не обязательно она должна быть сумасшедшей... Скорее, одинокой. Одиночество и не на такие поступки толкает. Особенно одиночество жителя мегаполиса. Чем больше людей живут в одном месте, тем дальше они друг от друга. Все в полном соответствии с законами природы. Молекулы тем сильнее отталкиваются друг от друга, чем сильнее сжимается тело. Но оттолкнуться совсем не могут. Нужна связь с другими. Постоянная, ясно ощущаемая связь... Вот ради этого ощущения человек и совершает всякие идиотские поступки. Как выкручиваются в такой ситуации молекулы, я не знаю. Тоже наверняка есть какие-то хитрости. Хотя не думаю, чтобы они приглашали на свой день рождения первую встречную молекулу.

Я рефлексировал, пока часы не показали девять. Потом все-таки выбрался из-под одеяла и отправился в ванную. Почистил зубы, долго стоял под душем, плюнув на всякую экономию, тщательно побрился. Гель для душа *Basala* от *Shiseido*, антибактериальная пена для бритья от *Biotherm*, крем после бритья *Biotherm*, туалетная вода *Jungle* от *Kenzo*, дезодорант-стик *Jungle* от *Kenzo*. Бренды везде. Твой запах скажет другим, кто ты есть в этом мире. «От него пахнет дешевым одеколоном», – мы произносим как: «Эй, парни, с ним не стоит иметь дело. Это неудачник и слабак».

Когда я закончил, было без четверти десять. Еще полчаса до выхода. Я пошел на кухню и сварил себе кофе. Неторопливо выпил пару чашек, стоя у окна и глядя на плантации ходячих грибов. Вскоре мне предстояло стать одним из этих генетических чудовищ.

До букиниста я добрался быстрее, чем рассчитывал.

Все было как в прошлый раз. Тот же дождь. Те же мокрые магнолии. Те же хлопки раскрывающихся зонтов. Дежа вю. Только девушки не было видно. Я посмотрел на часы. До назначенного времени оставалось десять минут. Мелькнула мысль, что еще есть возможность уйти.

Мимо прошла стайка школьниц. Дождь не смог перебить запах жевательной резинки и дешевых духов. Поколение приклеенных к синюшным ногам гольфов. Одна из них посмотрела на меня и сказала что-то вроде: «Какой мрачный дядечка». Ее подруги захихикали.

- Ты и в самом деле мрачный дядечка, – слышалось за спиной.

- Я обернулся. Похоже, эти нелепые штаны у нее единственные.

- Привет, – сказал я.

- Привет. Давно ждешь?

- Да нет. Только пришел. С днем рождения.

- Спасибо... Я тебе соврала, – сказала она. – День рождения у меня зимой. Одиннадцатого февраля. Такое вот невезение. [3]

Честно говоря, я не особенно удивился. Она производила впечатление человека, от которого можно ожидать всего, чего угодно.

- Обиделся? - спросила она.

Судя по тону, ей было все равно, обиделся я или нет.

- Да нет. Даже не очень удивился.

- Почему?

- А тебе хотелось, чтобы я удивился или обиделся?

- Да нет, - передразнила она меня. - Просто любой другой так бы и сделал.

Я пожал плечами. Раз ей все безразлично, то и мне нечего воспринимать все всерьез. Будем оба холодными и безразличными. Как дохлые пингвины.

- Меня зовут Вик.

Так я узнал ее имя.

- Вик... - повторил я.

- Да. Сейчас ты спросишь, откуда у меня такое имя.

- Ну, и откуда у тебя такое имя?

Она внимательно посмотрела на меня. Карие глаза. Темный янтарь. Правый чуть косил. Это было заметно, если она смотрела в упор. А так обычные глаза. Насколько глаза могут быть обычными.

- У меня один глаз косит, - сказала она.

Это не было извинение. Смущения я тоже не уловил. Просто констатация факта. Как если бы я сказал «У меня темные волосы». Только мне бы и в голову не пришло об этом говорить.

- Я вижу.

- Просто меня бесит, когда люди пытаются не замечать чужих недостатков. Делают вид, что все в полном порядке. А у самих на физиономии написано «вот какой я тактичный»... Еще у меня жуткий шрам на груди.

- М-м-м - промычал я. Что тут можно было сказать?

- А как тебя зовут?

- Котаро.

- Понятно... А с моим именем все просто. Отец француз. Американец французского происхождения. Мамочка не устояла перед обаянием гайдзина. Потом он уехал. Осталось от него только это имя.

- Хорошее имя.

- Ну да... Не ты ведь с ним живешь.

Я пожал плечами. Огляделся. Мне надоело изображать гриб. Ноги совершенно промокли.

- У тебя какие планы на сегодня? - спросил я.

Она также пожала плечами. Похоже, ей нравилось обезьянничать.

- Никаких. Вообще-то я вытащила тебя, чтобы провести вместе этот выходной.

- Странная ты.

- Не странная. Просто делаю что хочу. И говорю что хочу.

- Непросто, наверное, приходится.

- Не сложнее, чем другим. Они тратят время и силы, чтобы быть такими, как все, а я - на то, чтобы быть собой. Затраты одинаковые. Результат разный.

- Как насчет кофе?

- Идет. Только платишь ты. У меня ни иены.

Мы вышли из сквера. Повернули направо. Прошли несколько кварталов, пока не наткнулись на небольшую кофейню. Вик не проронила ни слова. Шла с таким видом, будто решала сложнейшую математическую задачу. Полностью в себе. Остановившийся взгляд. Несколько раз она чуть не налетала на прохожих. Я вовремя оттащивал ее в сторону. Но она, похоже, даже не заметила этого. Интересно, как она ходит одна?

Мы взяли по капучино и сели за столик. Посетителей было немного. Компания галдящих школьниц и влюбленная парочка. Парочка заморожено смотрела на экран карманного компьютера. Вскоре школьницы, не переставая галдеть, выкатилась из кофейни. Сразу стало тихо. Парочка продолжала медитировать.

Вик молча пила кофе. Я тоже помалкивал. Непонятно, как себя с ней вести. Просто сидел и смотрел на ее лицо. На этот раз время не хотело останавливаться. Может, дело тут в дневном свете? Без него лицо как лицо... Хотя в магазине время остановилось. Загадка. Я вздохнул и уставился в окно.

Глупое положение. Зачем я здесь? Вот сейчас она допьет кофе, встанет, скажет «пока» и пойдет по своим делам. С таким видом, будто так и должно быть. А я останусь ломать голову, к чему была эта встреча. Глупое положение. Глупейшее. Можно, конечно, попытаться уговорить ее на секс... Только после того, как я ее уговорю, придется еще уговорить себя.

Я посмотрел на нее. Ни капли сексуальности. Хотя и фигура неплохая, и лицо... Тут она подняла голову и перехватила мой взгляд.

- Думаешь, переспать со мной или нет?

Говорит то, что думает. Мне это нравилось все меньше. Не оставалось ничего другого, как ответить тем же.

- Да.

- Ну и как? Ответ положительный?
- Пока не определился.
- Когда определишься, дай знать. Мне интересно.

И снова уткнулась в свою чашку. У меня было три варианта, как поступить. Номер первый - встать и уйти. Номер второй - нагрубить, встать и уйти. Номер третий - остаться и сидеть молча. После недолгих размышлений я выбрал третий. Было интересно, чем все закончится. И все-таки хочу я с ней переспать или нет?

- Знаешь, - сказала Вик, - говорят, что когда человек падает с большой высоты, при ударе о землю его подбрасывает на несколько метров. Вылетают глаза. Тело превращается в мешок с дроблеными костями. При этом многие умирают, не долетев до земли.

вернуться

3

Официальный праздник День основания государства.

Нет, спать я с ней не хочу. Это точно. Можно представить себе этот секс. На самом интересном месте она вдруг замирает и говорит что-то вроде: «Когда человека насмерть сбивает машина, с него слетают ботинки, как бы крепко ни были завязаны шнурки». С нее станется.

Вслух я сказал:

- И что?
- Да ничего.
- Это все объясняет.

Я кинул взгляд на парочку. Они по-прежнему не отрывались от компьютера. Однажды в поезде я видел, как две школьницы с сотовыми телефонами, сидя рядом, обменивались сообщениями. Похоже, эта парочка такая же чокнутая.

- Котаро.
- Что?
- Ты не злишь на меня, ладно?
- Стараюсь. Но может, ты скажешь, зачем я тебе понадобился? По-моему, тебе неплохо и одной.
- Подожди. Я тебе все объясню. Когда нужно будет.
- Вот сейчас и нужно.
- Если скажу сейчас, ты не поймешь. Это непросто... Я и сама еще толком не разобралась. Как только в голове все уляжется, скажу. Кстати, ты решил, хочешь со мной переспать или нет?

- Не хочу, - честно ответил я.

- И правильно. Мне один парень говорил, что со мной спать, все равно что онанизмом заниматься.

- Почему?

Она пожала плечами:

- Наверное, он имел в виду, что меня нет в этот момент. То есть тело-то есть. А сама я далеко. Я ведь иногда даже не помню, было что-то или нет. Догадываюсь, что было, раз рядом кто-то лежит. Но как и что именно - не помню. Будто выключили меня, кончили, а потом снова включили. Так что тебе со мной скучно будет. Но если захочешь, обращайся, нет проблем.

- Учту.

«Если захочешь, обращайся»... Будто книгу предлагает почитать. Впрочем, какая разница? Обращаться я не собираюсь. А что собираюсь? Этого я не знал. Сидел и попивал уже остывший кофе. Если уж меня занесло с ней в кафе, то буду пить кофе. Как будто это я и собирался делать сегодня. Убедить себя бывает непросто. Нужна некоторая тренировка, конечно. Но постепенно привыкаешь. Привыкаешь не жалеть о том, что получилось так, а не иначе.

- Эй, - сказала Вик. - Пойдем, пройдемся. Надоело сидеть.

Мы поднялись и вышли на улицу. Когда выходили из дверей, я последний раз посмотрел на парочку. Ничего не изменилось. Они были поглощены компьютером. Даже позы не изменились. Да что же они там увидели?

Мы были буквально в двух шагах от парка Ёёги. [4] Я решил пойти туда. Не люблю толкаться на улицах. К тому же в саду храма Мэйдзи цвели ирисы. Если гуляешь безо всякой цели, гуляй там, где красиво. Это еще один мой заскок. Вик же было все равно куда идти. Она опять решала задачку. Я снова стал поводырем.

В парке людей тоже хватало. Но не было уличной суеты.

Суетливость - альфа и омега человеческой природы. Самозабвенно делать из несовершенного мира совершенный - главная задача. Как будто природа справляется недостаточно хорошо. Потом то, что удастся исправить, нужно вобрать в себя. Посмотреть, послушать, потрогать, понюхать. Употребить. Проглотить.

Это называется - «получить новые впечатления».

Это называется - «получить информацию».

Это называется - «узнать мир».

Потом переработанные впечатления выбрасываются обратно. В виде слов, воплей, жестов. Держать их в себе невозможно. Обычный процесс поглощения, переработки и избавления от остаточных продуктов. Информация выблевывается, впечатления испаряются с поверхности кожи, воспоминания выводятся с мочой.

Польза чашки заключается в ее пустоте. Мы это хорошо знаем. И стремимся быстрее освободиться от продуктов переработки. Чтобы тут же заполнить себя снова.

Мы боимся сидеть без дела. Боимся чего-то не успеть. Как будто можно успеть все. Как будто то, что мы успеем кому-нибудь нужно. Суета – смысл нашей жизни.

Но суета везде разная. В парках с ней можно мириться. От впечатлений, полученных в парке, людей не пучит. Потому здесь более или менее спокойно.

- Эй, – окликнула Вик.

Я забыл, что она рядом. Потрясающее умение исчезать, находясь все время рядом. Причем без усилий. Все получалось само собой.

Если долго молчать, люди попросту перестают тебя замечать. Перестань болтать – и станешь человеком-невидимкой. Окружающие замечают не нас, а наши реакции на них. Стоит никак не отреагировать на их поступки или слова, ты исчезнешь.

- Эй, – повторила она. – Где это мы?

- Это парк Ёёги. Вон храм Мэйдзи. Ты что, никогда здесь не была?

- Была, конечно... Наверное. Не помню. Скорее всего, была. Только не помню ничего.

- Как тебе удастся стать невидимкой?

- Кем-кем?

Я сказал ей, что думал о невидимости.

- Чушь, – фыркнула она.

- Ну, чушь, так чушь.

- Я с детства была такой невидимкой. Меня постоянно теряли. Не я терялась, а меня теряли. Понимаешь разницу? Я могла стоять рядом с матерью, в двух шагах, и она меня не видела. Озиралась и звала по имени. Мне каждый раз хотелось крикнуть: «Мама, я здесь!» Но почему-то я этого не делала. Ждала, пока мама меня заметит. Жутко, когда мать тебя не видит, хотя ты совсем рядом. Она и в комнате меня умудрялась потерять... Почему так было, как ты думаешь?

- Я уже рассказал свою теорию. Ты решила, что это чушь.

- А мне кажется, человек рождается невидимкой. Просто с возрастом он учится управлять своей невидимостью. Вот как я. Раньше я пропадала независимо от своего желания. Раз, – Вик щелкнула пальцами, – и меня нет, все ищут. А я стою и тихонько плачу. Мне страшно – а вдруг так и не найдут? Вдруг я останусь невидимой навсегда? Что мне тогда делать?.. Потом постепенно научилась исчезать, когда мне нужно. Иногда ведь и это нужно...

- А сейчас?

- Что сейчас?

- Сейчас ты исчезла, потому что тебе было нужно?

- Нет. Теперь, когда мне нужно, я становлюсь видимой. А так предпочитаю быть невидимкой.

- Почему?

- Будешь задавать много вопросов - опять исчезну, - сказала она без всякого выражения.

Мне показалось, что она и вправду может исчезнуть по собственному желанию. Причем в прямом смысле. Стать невидимой.

- Знаешь, ты тоже странный.

- Да ну?

- Серьезно. Я это еще тогда заметила, в магазине. Когда первый раз тебя увидела. Подумала: вот странный парень. Тебе разве никто не говорил, что ты странный?

- Нет. С другой стороны, никто не говорил и что я нормальный. Я не очень-то схожусь с людьми. Во всяком случае, не настолько, чтобы говорить о таких вещах.

- А тут и говорить нечего. Сразу видно. Ты ведь тоже невидимка. Да и вообще, - она опустила голову, - Все мы невидимки.

- Ну это уж как-то слишком мрачно.

- Ты хорошо знаешь своих соседей? Если из них кто-нибудь умрет, кто-нибудь одинокий, ты это сразу заметишь? Например, если умру я, меня хватятся самое раннее через неделю... В лавке напротив моего дома, где я обычно покупаю соба, подумают: «Что-то давно не видно той девчонки». Но будет ли кому до этого дело? Ну, нету и нету... А потом в газетах напишут: «По адресу такому-то найден труп девушки... Причина смерти выясняется... Тело обнаружили соседи, когда почувствовали подозрительный запах, и тут же позвонили в полицию...» - все в таком духе. И это если еще напишут, что вряд ли. Никакой ведь сенсации нет. Вот если бы я бросилась с крыши Токио-но То [5]... Да и тогда пошумели бы немного и все... Умер еще один человек-невидимка.

Вик замолчала. У нее было такое лицо, будто она только что одним махом взлетела на последний этаж этого самого Токио-но То. На верхней губе выступили бисеринки пота. Плечи мелко подрагивали. Мне показалось, что она плачет. Но это была нервная дрожь.

- Послушай, к чему эти разговоры? Ты ведь не собираешься умирать? Зачем... - начал было я.

Но она остановилась, посмотрела мне в глаза и произнесла медленно и четко:

- Именно это я и собираюсь сделать.

вернуться

4

Район Токио. На территории Ёёги разбит большой муниципальный парк.

вернуться

5

Здание мэрии Токио. Самое высокое в городе (243 м).

Глава 3

- Именно это я и собираюсь сделать, - сказала Вик.

Я отреагировал единственным доступным мне в этой ситуации способом. Глупо хмыкнул.

- Нечего хмыкать.

- Ты чем-то больна?

- Нет.

- Что же тогда?

- Я решила умереть. Убить себя. Вот и все. Что тут непонятного?

И опять этот взгляд. Удивление и упрек.

- Непонятно, зачем. Ты влипла в какую-то историю?

- Да нет, - она пожала плечами, будто я спросил, не болит ли у нее голова.

- Люди не убивают себя просто так, без всякой причины. Это тебе не напиток. И не по магазинам пробежаться.

- При чем тут магазины? - удивилась она.

- Я так, к примеру... Короче, нужна веская причина.

- Ты-то что в этом понимаешь?

- Тебе любой скажет. Это же очевидно.

- Ну и засунь это «очевидно» себе в задницу, - Вик зло пнула ногой камешек. - Вот ведь придурок! «Это очевидно», - передразнила она меня.

- Перестань...

- Это ты перестань. Если ничего не понимаешь, лучше помалкивай.

- Просто хочу тебя понять, вот и все, - сказал я.

Я не верил, что она говорит серьезно. Крик о помощи. Попытка привлечь к себе внимание. Желание перестать быть невидимкой. Все понятно. Одиночество.

Кого-то оно толкает к проституткам, кого-то в клубы знакомств или клубы по интересам. Ну а кого-то - к таблеткам.

Где-то я читал, что женщины пытаются покончить с собой в три раза чаще, чем мужчины. В три раза чаще их попытки заканчиваются пшиком. Мужчины берутся за дело реже, но почти всегда доводят его до конца.

Чего-чего, а женских разговоров о самоубийствах я наслушался. В средней школе второй ступени две девчонки откровенничали со мной на эту тему и показывали какие-то флакончики с таблетками. Еще одна была в университете. Та постоянно носила с собой опасную бритву. Насколько я знаю, все три сейчас замужем. Утром собирают мужьям бенто, вечером раздевают их, пьяных, и укладывают спать. Чтобы утром снова собрать бенто. Теперь им некогда думать о самоубийстве. Теперь у них есть дела поважнее.

С Вик, я был уверен, произойдет нечто похожее. Если человек говорит о том, что решил наложить на себя руки, значит, все не так плохо. Аксиома. Слова выпускают наружу чудовищ, живущих внутри. Эти твари не переносят открытых пространств. Назови его по имени – оно тут же теряет силу. Покажи его другим – оно умирает. Больше пользы в словах я не вижу.

- Ты думаешь, что это пустая болтовня? – прищурилась Вик.

Правый глаз косил сильнее обычного.

- Нет. Я думаю, тебе нужно об этом с кем-то поговорить.

- То есть думаешь – болтовня.

- Да нет же. Я верю, что тебе на самом деле приходится несладко. И ты действительно начинаешь думать о том, что жизнь не такая уж замечательная штука. Но, поверь, самоубийство – не выход. Умереть всегда успеешь. Все мы рано или поздно умрем. Смерть неизбежна. Так зачем ее торопить?

Я говорил, будто читал написанный каким-нибудь новомодным проповедником текст. Верил ли я в то, что говорю? По отношению к ней – да. По отношению к себе... Иногда самоубийство мне кажется выходом. Точнее, не самым плохим способом поставить точку. Но если ты способен приставить ствол какого-нибудь *Colt Combat Commander* к собственному виску, это вовсе не значит, что позволишь повторить подобный трюк другому.

- Да прекрати ты молоть чепуху! Я не прошу отговаривать меня. И не хочу делиться своими проблемами. Доказывать что-то тем более не буду. Моя смерть, – мое дело. И только мое. Ты не лезь.

- Я вообще-то и не лез. Ты сама об этом заговорила. А я высказал свое мнение...

- Засунь его себе в задницу.

Других слов она не знает, что ли? Обычно я терплю людей. Терплю их словечки, манеру говорить, поведение, шутки, вопросы, запах... Некоторых приходится терпеть больше, некоторых меньше. Вот и вся разница. Терпеть Вик становилось все сложнее. Необычное лицо и необычное имя еще не повод быть сукой.

- Ладно, не злись, – лениво протянула она. – Не такая уж ты важная птица, чтобы не мог засунуть в задницу свое мнение.

Вот так. Довольно обидное пожелание. Я подумал, что и добропорядочный отец семейства, и бомж, и растлитель малолетних одинаково обидятся, если кто-то предложит им засунуть свое мнение себе же в задницу. Ведь каждый считает себя достойным уважения. Потому что человек, и точка.

Я решил не обижаться на Вик. Человек говорит то, что хочет. Сам я так не могу. Но это не

повод для обиды.

За разговором я не заметил, как мы прошли мимо стадиона, и вышли на Инокасира-дори. Ничего себе прогулка! Я промок, проголодался и порядочно устал.

- Не хочешь поесть? - спросил я Вик.

Она уставилась на меня пустыми глазами. Видимо, опять исчезала ненадолго.

- Давай поедим, - повторил я.

- Не знаю... Не уверена, что хочу.

- Зато я хочу.

Лицо у нее изменилось. Сейчас предложит засунуть мои желания в задницу.

- Если ты не хочешь есть, можешь отправляться домой или куда там тебе нужно, - опередил я. - Мне надо перекусить. Так что я сейчас зайду вон в тот ресторанчик, а ты решай сама, что будешь делать.

И ускорил шаг. Она пошла следом. Мне было все равно.

Мы заказали якисобу. Я взял себе «Кирин», [6] она - рисовый чай.

Ели молча. Вернее, ел только я. Вик, насупившись, попивала чай. Еда ее не интересовала.

Не обращать внимания. Не реагировать. Такую я дал себе установку. Это действительно ее жизнь и ее смерть. Пускай читают мораль те, кто в эту мораль верит. Я не верю. Раньше верил, а теперь нет. Теперь я за свободу выбора. Хотя и в нее не очень-то верю...

Индивидуальность в наши дни воспринимается хуже, чем сексуальная связь со школьницей. Свобода выбирать - привилегия изгоев.

Современный мир избавляет человека от необходимости мыслить. Глаза нам заменяет воспитание, мысли - правила, собственное мнение - стереотипы, желания - рекламные ролики. Все уже придумано, зафиксировано, разложено по своим местам... Не думай, а слушай, смотри и запоминай. О тебе уже позаботились. Мой голову *этим* шампунем, спи на *этих* кроватях, носи *эти* джинсы. Да, конечно, у тебя есть право выбора, но к чему оно? Пока ты будешь выбирать, размышлять, анализировать, время уйдет. Вот и не забивай голову всякой ерундой. Живи комфортно, пусть каждый твой день будет праздником безграничного потребления.

Кто-то плывет поперек течения. Дело вовсе не в мужестве. Дело в усталости. Настоящая усталость породила больше героев, чем мужество. Я не собираюсь в герои. И не хочу быть отступником. Просто слишком устал быть, как все. Это тяжелый труд. Многие не замечают этого. Многих убивает стремление быть, как все. Понимать это страшно. Не понимать - глупо. Ловушка.

Я стою на краю пропасти. Через нее переброшен узкий мост. Противоположный конец теряется в густом влажном тумане. Я не знаю, есть ли он вообще, этот конец. Мост тихонько раскачивается и скрипит. Скрип в крошечной вязкой тишине. Тревожно-тоскливый. Я не знаю, куда ведет этот мост. Возможно, в никуда. Чтобы узнать, что там, нужно сделать шаг вперед. Ступить на прогнившие, жалобно стонущие доски. Смертельно

опасный шаг. Но не сделать его я не могу. Кто-то ждет меня в тумане. Кто-то зовет меня. Наверное, это я сам...

- Да что с тобой? – голос Вик вернул меня в чавкающую суету ресторанчика.
- Что?
- Я тебя уже третий раз зову, а ты не слышишь.
- Извини, задумался.
- О чем это?
- О свободе выбора. Есть такая штука в жизни. Вот о ней я и думал.
- Много надумал?
- Не то чтобы очень.
- Я хотела тебе объяснить, почему я решила умереть, – аккуратно отодвинув чашку в сторону, сказала Вик.
- Ты уверена, что стоит это делать? Я имею в виду, объяснять. Это ведь твое дело.
- Теперь уверена. Ты тот, кто мне нужен.
- Нужен для чего?
- Если не будешь перебивать, все узнаешь.
- Ладно, рассказывай.

вернуться

6

Сорт пива.

- Здесь не очень удобно разговаривать. Давай найдем место потише?
- Где ты сейчас найдешь место потише?
- Тоже верно, – она вздохнула.

Я взял еще пива. Найти какое-нибудь тихое заведение было можно. Даже в это время. Но мне не хотелось выходить на улицу. К тому же, чем больше вокруг людей, тем легче стать невидимкой. Если при этом не смотреть по сторонам, можно примириться с действительностью. Хотя бы на время.

- Даже не знаю, с чего начать... – Вик говорила тихо, внимательно следя за своим пальцем, который выводил причудливые узоры на льняной скатерти. Мне показалось, что палец живет отдельно от нее. – Ты когда-нибудь думал о том, как ты умрешь? Не о смерти вообще, а именно о том, какая она будет у тебя? Есть ведь тысячи вариантов. Десятки тысяч...

По телевизору, в газетах, в книгах все это описывается. Иногда в таких подробностях, что становится жутко... Но такое «жутко» ненастоящее. Типа того страха, который испытываешь, когда в фильме ужасов полусгнивший мертвец неожиданно хватается кого-нибудь за горло. От неожиданности ты вздрагиваешь, пульс учащается, ладони потеют... Это страх. Но он не идет ни в какое сравнение с тем, что ты испытываешь, если тебя на самом деле покойник за что-нибудь схватит. Чувствуешь разницу?

Так же и со смертью по телевизору. Кого-то убили, расчленили и развезли по разным помойкам. Ты говоришь: «Вот ужас!», а потом переключаешь на другой канал и спокойно допиваешь свое пиво. Где-то там, глубоко внутри, на мгновение ты допускаешь мысль, что на месте расчлененной жертвы мог быть ты. Но не задерживаешься на этой мысли. Она лишь скользнула по самому краешку твоего сознания.

А что если додумать ее до конца? Заставить себя почувствовать тот ужас, который испытывает человек, когда на темной улице его внезапно хватают сзади за шею. Представь. Ты идешь из бара. Закончился обычный день. Таких были сотни. И будет еще столько же. Шум в голове. Земля немного покачивается... У тебя приподнятое настроение. Единственное, что омрачает его, – завтра надо идти на работу. Но всерьез задумываться над этим не хочется. На работу и на работу. Зато после нее завтра ты опять придешь в этот бар...

Впрочем, загадывать не хочешь. Ведь может статься, что завтра ты слишком устанешь для похода по барам. Или подвернется что-нибудь поинтереснее. Или придется надолго задержаться на работе... Нет, решаешь ты, лучше не загадывать, и сворачиваешь на темную улицу, чтобы срезать дорогу к дому. По ней ты тоже ходил сотни раз. Обычная улица. Ты даже не смотришь по сторонам, потому что тебе знакомы здесь каждый дом. Идешь и думаешь о своем. И вдруг слышишь сзади шаги. Оглядываешься. Это еще один поздний прохожий. Ничем не примечательный. Гуляка, засидевшийся допоздна за чашкой sake. Ты тут же теряешь к нему интерес. А зря... Потому что парень вовсе не так пьян, как ты думаешь. Он долго стоял в щели между домами, поджидая тебя. В кармане его поношенной куртки острый тяжелый нож. Похожий на нож для разделывания рыбы... Его пальцы вспотели, сжимая полированную рукоятку.

Ты идешь все так же неторопливо. Шаги приближаются. Но ты не чувствуешь никакой тревоги. С тобой не может случиться ничего страшного. Да, ты, в принципе, знаешь, что когда-нибудь умрешь. Но еще не скоро. Очень не скоро... Настолько не скоро, что и думать о об этом смешно. Еще будет время подумать о смерти. Лет через сорок. Куда больше заботит тебя то, как провести завтрашний вечер.

Шаги уже совсем близко, но ты не обращаешь на них никакого внимания. И вдруг чувствуешь тяжелое горячее дыхание рядом со своей щекой. А твое горло с жуткой силой сдавливает чья-то рука. Ты ничего не понимаешь. Первая мысль – глупая пьяная шутка. Но сразу за ней накатывает страх. Происходит что-то непонятное, необъяснимое, неправильное. Так не должно быть. Ты судорожно хватаешься за эту стальную руку, пытаешься оторвать ее от своего горла. Но пальцы бессильно соскальзывают. Тебе уже не хватает воздуха. И постепенно испуг превращается в ужас. Это не шутка. Это все всерьез. ЭТО происходит на самом деле. Но надежда остается. Может быть, ему нужны деньги? Да, просто ограбление. Зачем кому-то тебя убивать? Это просто ограбление... Все поправимо. Ты готов отдать все, что у тебя есть... Пытаешься об этом сказать, но из горла вырывается лишь хрип.

И тут чувствуешь, как в спину, чуть повыше почек входит длинное холодное отточенное лезвие. Ты не понимаешь, что это нож. Просто спину пронзает боль. Чудовищная боль... А потом еще раз. И еще... Твои внутренности искромсаны. Там что-то булькает, лопается, рвется,

течет...

Но и сейчас, несмотря на весь ужас, ты еще не отдаешь себе отчета в том, что происходит. Смерть была от тебя слишком далеко, чтобы поверить в нее. Этого не может быть, думаешь ты. Это просто не может происходить со мной!

- Перестань! - не выдержал я.

Люди за соседними столиками обернулись.

- Нет, подожди... Не прячься от этого. Так вот, ты уже не человек. Ты извивающийся от боли комочек нервов. Ты падаешь на землю и, как сквозь туман, слышишь торопливо удаляющиеся шаги. Наваливается тяжесть... Будто на тебя положили сверху каменную плиту. Ты лежишь весь в собственной крови. Горячо и липко... И очень больно. Тошнота. В глазах темнеет. Но даже теряя сознание, ты не можешь поверить, что вот оно и случилось - ты умираешь. Не через сорок лет, а сейчас. Не в своей постели, окруженный родственниками. А на пропахшей мочой холодной и темной улице. И изменить уже ничего нельзя. Все окончательно и бесповоротно. И уже совсем близко...

- Да перестань же ты!

Но Вик будто не слышала меня. Все так же, не поднимая от стола глаз, она абсолютно лишенным интонаций голосом продолжала:

- Самое страшное - то, что ты никак не можешь смириться. Завтра тебе нужно идти на работу. Завтра тебя ждет девушка. Завтра, завтра, завтра... Но никакого завтра не будет. Уже через несколько минут ты навсегда провалишься в темноту. Тебе хочется выть от этой несправедливости. Твоя смерть не может быть такой! Грязной, жуткой и очень болезненной. И нелепой. Абсолютно бессмысленной. Продолжая цепляться за мысль, что это все происходит не на самом деле, ты падаешь в пустоту. Навсегда...

Она, наконец, замолчала. Я вздохнул с облегчением. Богатое воображение - палка о двух концах.

- Ты хотел бы так умереть? - спросила Вик.

- Пожалуй, нет... Хотя есть способы умереть и похуже.

- Ну да. Есть еще хуже. Ты можешь умереть от рака, от инсульта, от гриппа, от СПИДа, от сердечного приступа, от цирроза печени, от отравления... Тысячи вариантов, один другого хуже. И что получается? Где твоя дерьмовая свобода выбора? Умереть рано или поздно придется. Как и когда - неизвестно... У тебя не остается в этом поганом деле ни капли свободы. Можешь сдохнуть, как собака, сегодня, а можешь умереть, как великий герой, лет через двадцать. Но решаешь не ты. В большинстве случаев ведь как? Живешь себе живешь, радуешься, а потом бац! - у какого-нибудь грузовика отказывают тормоза, и тебя соскребают с асфальта. Лично мне эта идея не нравится. Если уж я живу так, как хочу, то и умереть желаю по собственному выбору, а не по прихоти придурочного маньяка или из-за алкоголика за рулем. Самоубийство - вот настоящая свобода выбора. А не твои idiotские нравоучения...

Она опять замолчала, переводя дух. Определенная логика в ее словах есть. Но все равно дикость.

Я так и сказал.

- И потом, зачем убивать себя сейчас? К чему такая спешка?..

Она меня перебила, выдав фразу, которую, судя по всему, не раз проговаривала перед зеркалом:

- С каждым прожитым днем вероятность умереть не так, как ты хочешь, увеличивается. На достаточно длинном промежутке жизни шансы выбрать смерть вообще равны нулю. Мы с тобой сейчас сидим, болтаем, а где-то на другом конце Токио водитель заправляет свой грузовик, который через пару часов размажет нас по асфальту.

Меня передернуло.

- Ты не пробовала обратиться к психологу?

- Пошел ты!

- Я не хотел тебя обидеть... Но думать вот так - ненормально, поверь. Зачем превращать жизнь в реквием по себе?

- Ты так ничего и не понял, - она налила из чайника уже остывший чай. - Ничего не понял, а казался не таким уж и дураком. Самоубийство - это свобода выбрать свою смерть. Возможность обмануть, опередить то, *что* этим вопросом занимается. Можешь называть судьбой, кармой, чем хочешь...

- А если самоубийство и есть твоя судьба? Кого ты в этом случае обманываешь? Где здесь свобода? Изначально было решено, что ты выбросишься из окна в возрасте двадцати двух лет. Ты этот трюк и исполнишь. Думая, что всех обманула. На самом деле, обманули тебя. Такая мысль тебе в голову не приходила?

Она озадаченно посмотрела на меня. Похоже, я попал в цель. Ничего сложного. Чем человек моложе, и чем умнее рассуждения у него, тем легче сбить его с толку. Романтика и идеализм не лучшие советчики.

- Ты и вправду казался умнее, чем есть на самом деле. Да плевать мне, кто кого обманет. Что за игры?.. Главное, что умру так, как хочу, и тогда, когда посчитаю нужным. Если это совпадет с кармой или тому подобной дребеденью мне-то что?

Вот так. Похоже, излишний романтизм и идеализм - моя проблема. Наверное, вид у меня был донельзя глупый. Вик рассмеялась. Рассмеялась громко и свободно.

На нас опять смотрело ползала.

Мне расхотелось с ней спорить. Хватит с меня философии. Есть дела и поважнее, чем спорить о свободе выбора с неуравновешенной и закомплексованной девчонкой.

- Ну, хорошо. Теперь скажи, зачем тебе понадобился я, и закончим на этом. Мне еще кучу дел надо переделать.

Она надулась. Еще бы! Неуважение к жизни - это еще терпимо. Но, когда кто-то ни во что не ставит твою смерть, становится чертовски обидно.

Время шло. Вик молчала. Лицо у нее было таким же, как тогда, в букинистическом магазине. Из простого и не слишком красивого оно вдруг превратилось в нечто, не относившееся этому

миру.

Оно само было целым миром. И при пересечении с моей реальностью останавливало время. Мне показалось, что не оно принадлежит Вик, а девушка является лишь продолжением этого лица. Оно было похоже на фантастическую маску, созданную в другом измерении и заброшенную в наш мир. Маска, предназначение и смысл жизни которой непостижим. Эта маска могла бы жить и сама по себе. Но, чтобы не привлекать лишнего внимания, ей дали тело молодой девушки. Большую часть времени маска прячется где-то внутри. Изредка она выходит из своего убежища, чтобы взглянуть на этот мир. Тогда-то и останавливается время. Оно не выносит вмешательства иномировой жизни. И замирает...

Я посмотрел на часы. Стрелки моих «гамильтонов» намертво прилипли к циферблату. Я огляделся. Пожилая женщина за соседним столиком замерла, не донеся до ярко покрашенного рта чашку с кофе. Над чашкой застыло облачко пара. Через толстый слой пудры проступила частая паутина морщин. Словно женщина собралась чихнуть.

На противоположном конце зала один гомосексуалист с лиловыми волосами протянул зажигалку другому, в ярко красной рубашке с изуродованным пирсингом лицом. Огонек зажигалки похож на причудливый драгоценный камешек. Кончик длинной сигареты остановился в нескольких миллиметрах от него.

Официантка склонилась над пожилым иностранцем. Рот у того приоткрыт. В черном провале пластмассово белеют зубы. Глаза полуприкрыты, видны только желтоватые белки. Его супруга, иссохшая, похожая на ветку мертвого дерева, неумело сжимая в узловатых пальцах палочки, тянется к чашке с рисом. Брови нахмурены - тонкие, бледные, как брюхо дохлой рыбы. Губы плотно сжаты.

Поразительно, какие отталкивающие лица у замерших людей. Застывшая улыбка официантки - жуткий оскал мертвеца. Морщинистое лицо женщины с чашкой кофе - потрескавшаяся посмертная маска...

Музей восковых фигур.

Сад камней.

Войлочная тишина. Не слышно даже шороха дождя за окнами.

Словно во сне я повернул голову и бросил взгляд на Вик. Девушки не было. Тело почти растаяло, растворилось. О том, что оно было здесь, напоминала легкая, подрагивающая дымка.

На меня смотрела маска. Отдаленно она была похожа на лицо Вик. Но теперь в ней не осталось ничего человеческого. Белая, как снег горной вершины. Кроваво-красный овал рта. В провале глаз космическая пустота. Две черные дыры, искривляющие пространство и время.

Я почувствовал, как эти дыры медленно начинают засасывать меня.

Раствориться в этом беспредельном ничто. Слиться с ним. Стать его частью. Сопротивляться было невозможно. Да и не хотелось... Руки, ноги, голова - все налилось свинцом. Тело не подчинялось мне. Сигнал мозга просто не доходил до конечностей. Нервные связи разрушены. Connection is impossible. Repeat attempt. [7]

И тут маска заговорила. Она сказала голосом Вик:

- Все-таки ты полный придурок. Я уже жалею, что связалась с тобой.

Мир оттаял. Вздохнул. Зашевелился. Зашелестел.

Женщина сделала глоток и чуть поморщилась, когда раскаленный кофе обжег нёбо.

Официантка выпрямилась и засемила к стойке. Вежливая улыбка медленно трансформировалась в гримасу «провались-эти-гайдзины-пропадом».

Гомосексуалист глубоко затынулся и выпустил струйки дыма через тонкие ноздри.

Старая иностранка воткнула палочки в гохан и хмуро заковыряла в нем.

Я вытер испарину со лба. Похоже, что скоро и я стану выбивать футон по ночам. А может, начну вытворять еще что похуже.

Мне хотелось думать, что все это было игрой воображения. Очень качественной, правдоподобной игрой. На худой конец – галлюцинацией. Но глубоко внутри я был уверен, что никакая это, к чертям, не галлюцинация. Вот так, просто, без всяких доказательств и попыток объяснить. Не галлюцинация и все.

- Что у тебя с лицом? – донесся до меня голос Вик.

- Да ничего. Наверное, просто устал, – соврал я. – Была тяжелая неделя. И непростой выходной.

Мы, японцы, гении намеков. Но Вик не обратила на этот мастерский намек никакого внимания. Ее волновало только одно – собственные бредовые идеи.

- Я решила сказать тебе, зачем ты мне нужен, – проговорила она таким тоном, что я, по идее, должен был рассыпаться в благодарностях.

- Говори.

- В этом городе у меня нет ни друзей, ни даже знакомых. Я переехала сюда не так давно. Раньше жила в Йокогаме. Впрочем, – она усмехнулась, – и там никого у меня не было...

Она взъерошила волосы. Мужской жест. Но у нее получилось очень естественно. Естественнее, чем это получается у некоторых мужчин.

- Так вот, – продолжила Вик, – я не хочу, чтобы мой труп обнаружили пару недель спустя абсолютно незнакомые люди.

- Ты хочешь, чтобы твой труп нашел я? Представляю себе! «Моси-моси, [8] привет, это я, Вик. Сейчас я начинаю глотать таблетки, будь добр, приезжай ко мне часа через четыре. Ключ будет под ковриком» – «Понял, приеду обязательно, только доварю рис»... Сама-то понимаешь, что говоришь?

- Ну, не совсем так, – серьезно сказала она. – Я пока еще не знаю, как все устроить, но подумаю. Время есть... И потом, дело не только в обнаружении трупа. Я хочу, чтобы кто-нибудь был со мной в последние дни. Но главное – я хочу, чтобы отец думал, что жива.

- Что?!

- Я хочу. Чтобы. Отец. Думал. Что я. Жива. - четко сказала Вик.

- Зачем тебе это?

- Я люблю его, - просто сказала Вик. - Люблю и все. Хотя, честно говоря, любить его особенно не за что... Каждый год, поздравляю его с днем рождения. Посылаю открытку... Иногда он мне отвечает. Редко. И никогда не подписывает открытки. Слов нет, просто картинка. Три года назад это был Большой каньон. Пять лет назад - Статуя Свободы. Банальщина ... Но лучше, чем ничего. Так вот, я хочу, чтобы он продолжал получать открытки после моей смерти. Конечно, вряд ли он заметит, если они вдруг перестанут приходить... Но... Исчезать бесследно противно. Чем-то напоминает сперму, высыхающую на простыне.

- Там как раз след остается... - вставил я.

- Отстань. В общем, я хочу, чтобы ты отправлял открытки моему отцу, после того как... Ну, сам понимаешь.

вернуться

7

Связь невозможна. Повторите попытку.

вернуться

8

Аналог нашего «алло».

- Нет. Не понимаю. Называй вещи своими именами. Говори: после того, как я убью себя. Или: после того, как я умру.

- Зачем? И так все понятно...

- Если ты скажешь это, может быть, тебе станет понятнее, что ты собираешься сделать.

- Отстань.

- Я серьезно.

- Придурок.

- Я серьезно.

- Иди в задницу!

- Хорошо. Только учти один момент. Почти каждый самоубийца переживает один очень неприятный момент. И это не имеет никакого отношения к физической боли. Все дело в точке возврата. Когда делаешь шаг с крыши небоскреба и понимаешь, что уже ничего не исправишь. Никак. Никакими силами и молитвами. Ты понимаешь истинное значение слова «поздно». И последние мгновения жизни превращаются в бесконечно горькое сожаление о сделанном.

- И к чему ты это говоришь?

- К тому, что если ты даже не можешь называть вещи своими именами, это сожаление будет чудовищным.

Вик со скучающим видом посмотрела в окно. Потом зевнула. Потом принялась изучать облупившийся лак на ногтях.

- Ладно, мне пора, - я поднялся из-за стола.

- Оставь телефон.

- Может, хоть раз скажешь «пожалуйста»?

- По-жа-луй-ста, - сказала она так, что ее услышал весь зал. Даже два гомика посмотрели в нашу сторону.

Вик заметила это. Оттянула вниз левое веко и показала язык. [9]

Я взял ее за локоть, вытащил из-за стола и выволок на улицу.

- Ты мне руку чуть не сломал! - прошипела Вик.

- Чего ты так переживаешь? Собираешься убить себя, а волнуешься из-за перелома...

- Придурок.

- Придумай что-нибудь новое.

- Придурок.

- Все, пока! - я развернулся и зашагал к Ёёги-Уехара.

- Эй!

Я не обернулся.

- Дай свой телефон!

У нее был очень пронзительный голос.

Глава 4

Я закрыл за собой дверь. Хотелось одного - рухнуть в кровать. Ничего не видеть и не слышать. А главное, ни о чем не думать. При воспоминании о замерших людях в ресторане и уставившейся на меня маске бросало в дрожь. Не пора ли мне самому к врачу...

Я заставил себя принять душ. Потом сварил кофе и принялся отвечать на письма. Когда встал из-за компьютера уже начало темнеть.

Я отправился на кухню и перемыл всю посуду. Отличное занятие, если начали сдавать нервы.

После посуды принялся наводить порядок в квартире. Тоже помогает неплохо. Когда я закончил, голова была совершенно ясной. Исчез противный кисловатый привкус во рту.

Восковые фигуры в ресторане – лишь смутное воспоминание о давнем сновидении.

Сидя перед телевизором, я съел холодный удон, запивая лапшу пивом. По всем каналам в новостях твердили об одном и том же. В одной из школ Нагои одиннадцатилетняя девочка убила свою одноклассницу. Ножом для разрезания бумаги. На вопрос, зачем она это сделала, девочка ответить не смогла.

Показали растерянного сорокадвухлетнего отца убитой школьницы. По нему было видно, что случившееся он до конца не осознал. Я подумал, что осознать такое непросто.

Какой-то чиновник от образования выступил с речью о необходимости уделять больше внимания воспитанию подрастающего поколения.

Вспомнились слова Вик. Для девочки смерть была более чем неожиданной. Но это ни на что не повлияло. Нож для резки бумаги... И все. Неотвратно и окончательно.

Все чаще кажется, что мир катится к концу. Даже дети начинают так легко убивать... Хотя, как ни парадоксально, детям это простительно. Они плохо понимают, что делают. Смерть им не понятна. Пустой звук. Слишком абстрактная штука для детского мозга. То ли дело взрослые.

Пора ложиться спать. Я здорово вымотался за день. Не физически. Морально. Вик со своими идеями о смерти, маска, убитая девочка... Слишком много для одного дня.

Особенно для человека, который не делает из смерти кукла.

Уснул я сразу. Удивительно. Думал, что это будет нелегко. Все-таки впечатлений мне хватило. Но едва голова коснулась подушки, все мысли куда-то исчезли. И я начал проваливаться в темноту. Защитная реакция мозга...

Но толком поспать не удалось.

Телефонный звонок.

Я посмотрел на часы. Два часа ночи. Хуже ночного телефонного звонка – только ночной звонок в дверь. Никому не придет в голову сообщать хорошие новости ночью. С этим ждут до утра. Другое дело новости плохие. Они не терпят отсрочки. Забавно устроен мир. Хорошее никогда не торопится. Зато с плохим такая спешка...

Я взял трубку после шестого звонка. Этого и следовало ожидать. По бесконечно длинным проводам до моего уха добрался голос Вик.

- Спишь?
- Два часа ночи. Что я, по-твоему, должен делать?
- Откуда я знаю! Может, трахаешься.
- Как ты узнала мой номер?
- А мне вот не спится...
- Как ты узнала мой номер?
- Тебе не говорили, что ты жуткий зануда?

- Я сейчас повешу трубку.
- Проследила за тобой, узнала, где ты живешь. А дальше все просто.
- Ты следила за мной? - я нашел силы удивиться.
- Ночью ты соображаешь еще хуже, чем днем. Да, я следила за тобой. И что такого? Если бы ты не повел себя, как последний придурок, и оставил бы свою визитку, мне не пришлось бы тащиться за тобой в Накано.
- Понятно, - промямлил я. Возмущаться было не по силам. Ночью нормальные люди спят, а не возмущаются.
- Почему ты сбежал от меня?
- От тебя, пожалуй, сбежишь! - иногда я могу быть очень саркастичным парнем.
- Я сейчас прочитала, что подкожная инъекция большой дозы инсулина вызывает гипогликемическую кому. Знаешь, что это такое? Потеря сознания из-за отсутствия сахара в крови и быстрая смерть мозга. Чем больше доза, тем быстрее отъезжаешь. Можно за несколько минут... Или вот еще. Можно замочить сто граммов табака на несколько дней, потом...
- Очень интересно...
- Может, дослушаешь? - раздраженно сказала она.
- Еще пара таких идиотских звонков, и тебе не придется ломать голову над тем, как лучше расстаться с жизнью. Я все сделаю сам.
- Мне надо с кем-то посоветоваться.
- Только не со мной. Пожалуйста.
- У меня больше никого нет.
- В два часа ночи меня тоже нет!
- Хорошо-хорошо. Не будь занудой. Позвоню завтра. Пока.

И бросила трубку.

Несколько минут я тупо слушал гудки. Потом нажал сброс и повалился на подушку. Черт! Непохоже, что она по собственной воле оставит меня в покое. Разве что если сделать все, о чем она просит... Да, и такие мысли могут прийти в голову, если тебя будят среди ночи, чтобы сообщить о волшебных свойствах инсулина.

Я поворочался с полчаса, потом встал и сходил на кухню за пивом. Вытянул с книжной полки первую попавшуюся книгу и уселся в кресло. Нужно отвлечься. Думать по ночам занятие неблагоприятное. Наутро все светлые мысли покажутся бредом.

Ночной я отличаюсь от дневного меня точно так же, как сам день от ночи.

Книга оказалась «Преступление и наказание» Достоевского. Очень актуально. Как раз то, что мне нужно, чтобы поднять настроение! Я давно заметил: если не везет, то не везет во всем. Но

искать что-нибудь другое лень. Я открыл книгу...

После японцев самые сумасшедшие в этом мире русские.

Я читал, пока не начали слипаться глаза. Почувствовав, что больше не могу одолеть ни строчки, я выключил свет и хотел было перебраться на кровать, но...

Но тут произошло такое...

Я намертво примерзаю к креслу.

Ледяная струйка пота скатывается по спине.

Волосы на затылке шевелятся, как щупальца осьминога.

На кухне кто-то был.

Этот «кто-то» открыл холодильник, звякнул бутылками и захлопнул дверцу.

Потом слышались шаги. Легкие, мелкие. Словно шел ребенок.

Мне захотелось потерять сознание. Странно, никогда не считал себя слабонервным...

Дверь с тихим шуршанием поползла в сторону. Я едва не закричал. Вернее, не смог закричать. Просто сидел и беззвучно открывал рот. Наверное, со стороны был похож на огромного бестолкового окуня. Выпученные глаза и движения губами, будто пытаюсь заглотить весь воздух в комнате. Но в этот момент мне было не до того, как я выгляжу.

вернуться

9

Жест аналогичный нашему показать нос.

Закричал я чуть позже, когда увидел то, что стояло на пороге.

Это была небольшая обезьяна с бутылкой пива в лапе.

Шерсть у нее была светло-коричневая. Не как кофе с молоком, а как очень дорогой кофе с очень свежими сливками, в титановой чашке на титановом блюдце.

Тварь сделала шумный глоток из горлышка и шагнула в комнату.

Вот тут-то, кажется, я и упал в обморок.

Через секунду сознание вернулось, как забывший зонтик гость. Обезьяна никуда не исчезла. Она сидела на краешке письменного стола, совсем как человек, опираясь передними лапами на столешницу из криптомерии, и болтала задней лапой. Бутылка стояла рядом с ней. Отпито было порядочно.

Я не силен в зоологии. В обезьянах тоже разбираюсь слабо. Что это за вид, я не знал. Обезьяна и все. Казалось, что она светится в полумраке комнаты. Густая шерсть странно искрилась и переливалась. В общем-то, это выглядело красиво.

Удивительно, на какие мелочи обращаешь внимание, когда происходит что-то из ряда вон выходящее. Обезьяна в квартире, да еще пьющая пиво – именно тот случай.

Я закрыл глаза. Потом открыл. Обезьяна никуда не исчезла. Сидела и смотрела на меня. Без всякого выражения. Хотя какое выражение может быть на морде у обезьяны? Точнее, как понять, какое у нее выражение?

«Спокойноспокойноспокойноспокойно!» – бурлило в голове. Но от спокойствия я был бесконечно далек.

Обезьяна шевельнула хвостом и взяла со стола бутылку. Глотнула. Поставила бутылку на место. И опять уставилась на меня.

Мой желудок превратился в холодный тяжелый комок и подкатил к горлу. Пугала меня не обезьяна, а сам факт ее присутствия в моей комнате. Этот факт говорил об одном – я сошел с ума. Как тот парень, выбивающий по ночам futon. Настоящие обезьяны не ходят по квартирам и не пьют пиво. Такие фокусы вытворяют только галлюцинации.

А если у меня галлюцинации, значит, я нездоров психически. Все очень просто.

Эта мысль странным образом успокоила меня. Завтра же пойду к врачу. Он выпишет какие-нибудь таблетки. Поговорит со мной. Может, предложит где-нибудь отдохнуть. И все придет в норму.

Пока же нужно просто не обращать на тварь внимания.

Однако проще сказать, чем сделать. Как ни пытался я отвести взгляд, он все равно возвращался к восседающей на моем столе обезьяне. Это была очень настойчивая галлюцинация... Исчезать она не собиралась. Сидела, покачивала лапой, пила пиво. И смотрела на меня. Словно ждала, что я буду делать. Я сидел и смотрел на нее.

Постепенно паника прошла. Мелькнула мысль, что нужно включить свет. Может, свет ее спугнет. Не обезьяну. Галлюцинацию.

Я щелкнул выключателем. Обезьяна зажмурилась. Потом снова открыла глаза. Но никуда не делась. Запасного плана у меня не было. Совершенно непонятно, что делать. Что вообще делают люди, когда у них галлюцинации? Нужно проанализировать ситуацию. Спокойно. Не впадая в истерику.

Ночь. Во всяком случае, за окнами темно. Я сижу в своей комнате. Это точно. Диван *Morelato*, стеллаж *Vamax*, журнальный стол *Leolux*, кресла *Tetrad*. Светильник *Bruck* отражается в темном стекле монитора на письменном столе *Vamax*. Все знакомо. В эту комнату я вложил столько денег и сил, что она стала частью меня. И я готов поклясться, что нахожусь в своем слое реальности. Но...

...На письменном столе сидит обезьяна.

И что дальше?

Я не сплю. Если убрать обезьяну – это моя реальность. Привычная, знакомая. Ре-аль-ность. То есть все настоящее. Ночь. Комната. Я.

Если бы не обезьяна...

Она превращала реальность в бред сумасшедшего. Абсурд. Сюрреализм.

Я тряхнул головой.

Хорошо. Можно подойти с другой стороны. Что, если это ручная обезьяна? Сбежала от хозяина. Пробралась в мою квартиру. Как?.. Да, как? Очень просто. Допустим, я забыл закрыть дверь. Или окно. Прежний хозяин приучил ее пить пиво. Брать его из холодильника и пить. Сидя на столе.

Неувязка. Обезьяны не ходят на двух лапах.

Но ее могли приучить. Я слышал, что обезьяны жутко умные. И хорошо поддаются дрессировке.

Мысли путались. Устроили что-то вроде бега наперегонки. Одна обо что-то споткнулась. Получилась свалка. Полная каша в голове...

И тут одна из мыслей встала и отряхнулась. А если схватить обезьяну за шкурку и вышвырнуть из квартиры? Если это галлюцинация, у меня ничего не получится. Галлюцинацию нельзя взять в руки. Тогда завтра пойду к врачу.

Если же это живая обезьяна, я избавлюсь от нее. Потом закрою окно, дверь и спокойно лягу спать.

Беспроектный вариант. Я буду точно уверен хоть в чем-то.

Осталось только встать с кресла. Я представил, как это может выглядеть со стороны. Взрослый мужчина сидит в кресле, уставившись на пустой стол. В глазах что-то очень похожее на ужас. Вот он встает. Подходит к столу. И пытается схватить пустоту. С сосредоточенным лицом.

Веселое представление. Можно продавать билеты. Йодзи Токоро [10] удавился бы от зависти.

Но встать нужно. Потому что обезьяне было наплевать на мои сомнения. Она сидела как сидела. Только что пива в бутылке почти не осталось.

Когда я уже почти решился...

Когда я наклонился вперед, перенес тяжесть на ноги...

Когда я положил руки на подлокотники кресла...

...Запищал телефон.

Я подпрыгнул, немного завис в воздухе и рухнул обратно. По-моему, обезьяна тоже вздрогнула. Хотя, может быть, мне показалось.

С колотящимся сердцем я взял трубку. Это была Вик. Кто бы мог подумать!..

- Только не ори. Мне не спится. Так жаль тратить время на сон. Как подумаешь, сколько я проспала за эти годы, хоть плачь...

- Вик... - я очень старался, чтобы мой голос не дрожал, - Вик, спроси меня о чем-нибудь. О чем-нибудь таком, что знают все. Но не слишком простое. Не очевидное.

- Зачем?
- Просто спроси.
- Ну, хорошо... Какое сегодня число?
- Это слишком просто.
- Ладно, - она задумалась. Я слышал ее сосредоточенное сопение в трубке. - В каком году была принята конституция?

Вот вопрос... Пришлось напрячь память.

- В тысяча девятьсот сорок седьмом.
- Правильно.
- Все?
- Не знаю.

Обезьяна по-прежнему сидела передо мной. Вообще-то вопрос был не совсем подходящий. Сумасшедший вполне может помнить, в каком году была принята конституция.

- А зачем тебе это? - спросила Вик.
- Понимаешь... - я замялся. - Ну, в общем... Ты только пойми меня правильно... Ко мне пришла обезьяна.
- Что-что?
- Обезьяна. Настоящая. Живая. Только какого-то странного цвета... Она пробралась в квартиру. Пока я спал. Зашла в мою комнату и уселась на столе.

Я с особенной остротой почувствовал себя идиотом. Кристально ясное осознание собственной ненормальности. Никаких проблем с психотерапевтом. «Доктор, я сошел с ума» - «С чего вы взяли?» - «Я вижу обезьян, пьющих пиво» - «Давно? В каких количествах? Они ходят стаями?»

- И что она там делает? - с неподдельным любопытством спросила Вик.
- Ты не поверишь... Пьет пиво и смотрит на меня.
- Ха-ха-ха, - сухо сказала Вик и...

...Бросила трубку.

- Вик... Вик! - крикнул я в короткие гудки.

Обезьяна ухмыльнулась. Самым натуральным образом. Это не была игра света и тени. Она действительно ухмыльнулась. Потом одним глотком допила пиво и со стуком поставила бутылку на стол. Я не верил собственным глазам. Ухмыляющаяся обезьяна - это что-то. Даже если ты нормален, от такого зрелища вполне можно тронуться.

Обезьяна легко спрыгнула со стола. Немного постояла, глядя по сторонам. Потом опустилась

на четыре лапы и выбежала из комнаты. Только хвост мелькнул в черном проеме двери.

Несколько минут я сидел не шевелясь. В квартире было тихо. Потом тихонько вздохнул. Обезьяна не возвращалась. Дверь холодильника не хлопала. А я уж подумал, что она отправилась за второй бутылкой пива...

Я медленно, очень медленно встал с кресла. Словно боялся кого-то спугнуть. Скорее всего, сам себя. Никаких непрошенных гостей. Никаких галлюцинаций. Кажется, все закончилось. Почему-то стараясь не шуметь и не делать резких движений, я выключил свет и лег в постель.

вернуться

10

Популярный японский комик.

За окном шелестел дождь. Проехала машина. По потолку пробежал отсвет фар. Парень сверху принялся выбивать футон. Бон-бон, бон-бон... Я начал считать удары.

Двадцать два... Пульс приходит в норму.

Сорок три... Веки тяжелеют.

Пятьдесят восемь... Удары доносятся словно через толстый слой ваты.

Шестьдесят один... Я проваливаюсь в темноту.

Краем сознания отмечаю, что мысль об обезьяне совершенно не волнует меня больше.

Но эта мысль ускользает куда-то... Словно угорь из рук...

Проснулся я за несколько мгновений до пикания будильника. Тусклый свет туманного утра. Шорох бесконечных ног по тротуару. Гудки машин в пробке. Трудовые муравьи спешат на работу.

Пи-ип, пи-ип, пи-ип... Будильник.

Я разлепил глаза. Холодным душем окатили воспоминания о прошедшей ночи. Что это было? Сон? Очень может быть. Да, наверное так оно и есть. Немудрено. Вик с ее самоубийством и ночными звонками. Достоевский. Пиво... Усталость, наконец.

Хороший выходной, ничего не скажешь. А впереди целая рабочая неделя...

Я повернулся на бок. Взгляд упал на письменный стол.

На нем стояла пустая пивная бутылка.

Глава 5

Семь ошибок в трех текстах. Испачканный соусом костюм. Четыре таблетки аспирина. Ядовитое: «Сегодня вы очень плохо выглядите, Ито-сан». Ямада-сан, начальник рекламного

отдела. Мой шеф. Взгляд голодной кобры. Каждый раз, когда он подходит к моему столу, мои внутренности сжимаются в холодный скользкий комок. Он это знает. Чувствует. И это ему доставляет удовольствие.

Он всегда безупречно вежлив и спокоен. Спокойствие наемного убийцы, поджидающего жертву.

В университете у меня был знакомый парень, свихнувшийся на бусидо. Цитировал наизусть Хакагурэ и не вылезал из спортивных залов. Воображал себя эдаким последним самураем, хранителем воинских традиций.

Я тогда как раз занимался кендо, и он видел во мне единомышленника. Один раз он начал рассказывать о том, как нужно выкалывать человеку глаза. По его мнению, это один из самых эффективных способов вывести противника из строя.

«Это довольно сложно, – сказал он, – Нужна тренировка. Обычно рекомендуют втыкать пальцы в песок... Но я так тебе скажу, самый лучший вид тренировки – выкалывать глаза бродячим кошкам. Ощущения те же самые, как если бы ты делал это с человеком. И привычку вырабатывает. Не упадешь в обморок, когда увидишь, как у тебя по руке глаз течет...»

Меня тогда чуть не стошнило.

Так вот, у Ямады был точно такой же взгляд, как у того парня, когда он мне рассказывал про кошек. Я легко мог представить себе своего начальника, отлавливающего по ночам где-нибудь на свалке бездомных кошек и выкалывающего им глаза. И получающего от этого удовольствие.

Когда он подходит ко мне, я чувствую себя бездомной кошкой.

У нас с ним непростые отношения. Виноват в этом я. Однажды я ухитрился оказаться в ненужное время в ненужном месте. На корпоративной вечеринке подвыпивший Ямада затащил за наш стол девушку-хостесс. Ей было лет девятнадцать, но она усиленно косила под школьницу. Он усадил ее рядом с собой и начал что-то нашептывать. Что он говорил, я не знаю. Но через несколько минут белая, как снег, девчонка попыталась встать и уйти. Ямада схватил ее за руку. Они посидели еще немного, а потом он встал и потащил ее за собой к выходу из ресторанчика. Никому из наших до этого не было дела. Никому, кроме меня. Наверное, потому, что я тогда почти не пил. И еще потому, что мне понравилась та девушка. Очень милое личико. И забавные попытки выглядеть школьницей... Бизнес есть бизнес.

Я вышел за ними, делая вид, что просто хочу подышать воздухом. И увидел, что Ямада пытается затащить девушку в свою машину.

Я подошел к нему и взял за плечо. Я сказал, что лучше ему отпустить девчонку, раз она не хочет с ним ехать. Я сказал, что если он так не сделает, мне придется вспомнить об этой истории завтра, когда все протрезвеют. Я сказал, что девочка не проститутка и обращаться с ней так нельзя. Я сказал, что у него будет неплохой шанс угодить в тюрьму за изнасилование... Я сказал еще много чего. Говорил, чтобы заглушить свой страх.

Я действительно здорово испугался тогда. Испугался, увидев его глаза. Глаза змеи, которой наступили на хвост.

Девушку он все-таки отпустил. Но в тот момент я понял, что нажил себе врага.

Наутро мы ни словом не обмолвились об этой истории. Правила есть правила. На вечеринке ты

можешь напиться и заблевать костюм шефа, но наутро никто не должен помнить об этом. В том числе и облеваный шеф.

Но оба мы знали, что рано или поздно, придется обо всем вспомнить...

Семь ошибок в трех текстах. Испачканный соусом костюм. Четыре таблетки аспирина.

Итог дня.

И полный сумбур в голове.

Выйдя из конторы, я замер в нерешительности. Нужно как-то привести в порядок мысли. Только не дома. Наверняка будет звонить Вик. А потом... Обезьяна. Вовсе не хотелось ее увидеть еще раз. По крайней мере, сейчас, когда я совершенно не готов к этому.

Спокойно посидеть где-нибудь тоже проблематично. Все якитории, идзакаи, тэйсёку-я, киссатэны, суси-бары, пиццерии, заполнены сарариманами, [11] честно заслужившими глоток саке и порцию лапши. Найти что-нибудь тихое можно при очень большом везении.

Я решил немного пройтись. Может быть, и встретится по пути тихое местечко. Если ничего не получится, пойду домой. Видеть людей я был не в состоянии. Уж лучше обезьяна...

Через сорок минут я был в двух шагах от своего квартала. Мокрый, уставший, с истрепанными нервами. Прогулка по улицам в час пик не самое лучшее средство для релаксации. Места, где можно отдохнуть в тишине и спокойствии, не нашлось. Отчаявшись я решил зайти в какой-нибудь мисэ, [12] купить виски или чего-нибудь для коктейля и отправиться домой. Перспектива напиться в одиночестве больше не казалась отвратительной.

И тут, свернув на очередную улочку, больше похожую на широкую щель между домами, я увидел то, что искал. Обнаружить этот бар можно было, только зная о его существовании. Или при очень большом везении. Бары тоже могут быть невидимками.

Над дверью тускло светилось слово «BAR». Именно так, по-английски. Ни одного иероглифа. Названия тоже не было. «BAR» и все. Называй, как хочешь. На улицу выходило одно окно. Правда, достаточно большое. Я заглянул туда. Сумрак, только стойка светится. И ни одного человека.

Я вернулся к двери и взялся за тяжелую медную ручку. Звякнул колокольчик. Я шагнул в полумрак зала. Меня тихо приветствовал Bob Marley.

Блестящая стойка в дальнем конце зала. Простые деревянные столы - на возвышениях вдоль стен. Вместо стульев - длинные скамейки. Стены увешаны американскими рекламными плакатами сороковых-пятидесятых годов, номерами машин из разных штатов, картами мира и Америки, тоже старыми, может быть, начала века, чучелами рыб и макетами парусников.

Полнейшая разноголосица. Стиль - отсутствие всякого стиля.

На потолочных балках - части военной амуниции. Форма оккупационных войск. Бутсы, каски, подсумки. Смелый ход. Японцы не очень любят вспоминать о войне. Впрочем, о том, что мы в Японии, напоминал только я. Точнее, мое отражение в зеркале на одной из стен. Это был маленький кусочек Америки.

Рядом с касками американских морпехов - огромная меч-рыба из гипса. Под потолком - сонное

вращение двух допотопных медных вентиляторов.

Не хватало только музыкального автомата. Во всех американских фильмах, если показывают бар, там обязательно стоит музыкальный автомат. Наверное, владелец не смотрел американских фильмов.

За стойкой протирал стаканы огромный негр с седыми растаманскими дредами. Хорошее дело.

Я подошел к нему.

- Коннитива, [13] - кивнул он.

вернуться

11

Служащие.

вернуться

12

Служащие.

вернуться

13

Здравствуйте.

Надо же... Я уж думал, он будет делать вид, что не говорит по-японски. После касок под потолком-то.

- Здравствуйте.

- Что будешь пить, приятель?

- Виски.

- У меня только американский.

- Тогда «Джим Бим». Льда побольше, содовой поменьше.

- Больше ничего?

- Фисташки.

- На подходе. Присаживайся.

Я огляделся. Оказывается, я здесь был не один. В самом темном углу сидел еще один клиент. Вернее, спал, уронив голову на руки. Лица не видно. Только седая макушка. Одни старики... Да

и сам бар похож на динозавра, невесть как оказавшегося на улицах современного города.

Я времяшествовую на машине времени.

Ни один столик меня не привлек. Я решил остаться за стойкой. Забрался на высокий табурет. Положил руки на полированную доску. Пальцы мелко подрагивали. Досталось мне вчера. На всякий случай отключил свой NES. [14] Наверняка, Вик и этот номер знает. Слушать ее бредни не хотелось.

Негр поставил передо мной стакан, блюдце с фисташками и отошел в сторону протирать бокалы. Почему бармены постоянно что-то протирают? То стойку, то стаканы, то руки... Какая-то профессиональная болезнь.

Я взял стакан. Параллелепипеды льда тихо звякнули.

Глоток. Холодный шарик скользнул по пищеводу и скатился в желудок. Там растекся, выделяя тепло. Самое то. Вот чего мне не хватало весь день.

После четвертого глотка пальцы перестали дрожать. Теперь можно поразмыслить о случившемся вчера.

Но какие тут могли быть размышления? Пустая пивная бутылка на столе факт очень неприятный. Получается, что обезьяна все-таки была. Принесла бутылку, выпила ее. Оставила на столе. Никогда не слышал, чтобы галлюцинации оставляли после себя пустые бутылки. Значит, настоящая обезьяна?

Еще один неплохой вариант - я сам принес бутылку в комнату. Так сказать, во время припадка. Принес и все свалил на обезьяну.

В общем, все то же, что и вчера. Ни одного нового предположения. Ни одной новой мысли.

Я мрачно посмотрел на себя в зеркало. Затравленный взгляд. Плотно сжатые губы. Желваки играют. Типичный клиент психиатрической лечебницы.

- Неважно выглядишь, парень, - услышал я над ухом.

Оказывается, бармен уже все протер.

- Тяжелый день?

- Скорее, тяжелая ночь, - вяло ответил я.

Говорить с ним не особенно хотелось. Но молчать невежливо. Вик бы сказала ему «иди в задницу» и дело с концом. Я так не могу. Вот если вдруг решу покончить жизнь самоубийством, тоже начну говорить и делать все, что хочу.

Тот, кто решил наложить на себя руки, имеет кучу льгот. Ему чихать на мелкие неприятности и правила хорошего тона. Ему вообще на все чихать. Можно не волноваться из-за выволочки на работе. Можно сказать незнакомому человеку «иди в задницу». Можно не думать о том, что виски вредно для здоровья. Много чего можно. Даже из-за глюков можно не переживать. Зеленая улица... И есть только одно обязательство - нужно разнести свою башку из дробовика *Mossberg 590 «Compact Cruiser»*. Но это мелочи...

- Судя по твоему виду, дело не в шустрой подружке, - хмыкнул негр.

- Да уж...

Почему бы ему не протереть еще что-нибудь?

- Еще виски?

Я посмотрел на свой стакан. Он был пуст. Ничего себе...

- Да, пожалуй.

- На подходе.

Позвякивание льда, бульканье, стук доньшка о стойку.

- Большие проблемы? - спросил бармен.

- Не то чтобы очень, - уклончиво ответил я. Не рассказывать же ему об обезьяне.

- Знаешь, в чем особенность больших проблем, приятель? Они всегда решаются сами, эти сучки. Чем больше проблема, тем меньше тебе нужно суетиться. Такая вот хитрость, парень.

- Оригинально.

- Не веришь?

Я пожал плечами.

- Вот увидишь, твоя проблема решится сама собой. Тебе и делать ничего не придется. Главное не грузиться.

- Не думаю, что все так просто. Есть и такие вещи, которые сами по себе никуда не исчезают.

- Например? - поднял бровь негр.

- Например, сумасшествие.

- Ты не похож на чокнутого.

- Я и не говорю про себя, - беззастенчиво соврал я. - Вы сказали: «Например?» Я привел пример.

Негр недоверчиво посмотрел на меня.

- Ну так вот, - продолжил я, - Если у человек поехала крыша, вряд ли это пройдет само собой. Скорее, наоборот. Болезнь будет только прогрессировать. Но даже если случится чудо, и он выздоровеет сам по себе, все равно будет всю жизнь помнить, что однажды...

Я осекся. Слишком много болтаю. Во всем виноват виски.

- Однажды он увидел нечто такое, что нормальный человек видеть не должен, - закончил за меня бармен. - Так? Можешь ничего не говорить. Вижу, что так. И что же это было?

Я молчал, глядя в стакан.

- Да валяй, рассказывай. Не стесняйся, я всего лишь старый ниггер. Со мной можно не

церемониться. Так что же ты увидел этой ночью?

- Обезьяну, - выпалил я.

- Обезьяну?

- Да.

- И что она делала?

Тот же вопрос задала Вик. Почему все уверены, что обезьяна должна была что-то делать. Как будто одного ее присутствия в городской квартире недостаточно.

- Пила пиво. Прямо из бутылки.

- Пиво? Из бутылки?

Негр расхохотался. Зубы у него были редкие и желтые. Но смеялся он заразительно. Донельзя заразительно. Я не выдержал и усмехнулся. А ведь действительно смешно. Если бы это все произошло не со мной...

- Да-а, - отсмеявшись, протянул бармен. - Обезьяна, лакающая пиво из бутылки! Такое дерьмо и в самом деле не каждый может увидеть... - Он немного помолчал. - И ты, конечно, уверен, что у тебя поехала крыша?

- Что-то вроде, - признался я. Что уж теперь скрывать...

Как же он ловко все из меня вытянул!

- Брось, - серьезно сказал негр. - Знаешь, что я тебе скажу, паренек?

Он наклонился ко мне, его дыхание защекотало ухо.

- Беспокоиться будешь, когда она заговорит с тобой, - шепотом сказал он.

- Кто? Обезьяна?

Он кивнул.

Я почувствовал, что мой желудок опять, как тогда, ночью, подкатывает к горлу.

- С чего вы взяли, что она заговорит? Думаете, я свихнулся окончательно?

- Я ничего не думаю. Я просто сказал: когда она заговорит с тобой, тогда и будешь делать в штаны. Еще виски?

- Да.

Я был уже порядочно пьян. Но остановиться не мог.

- На подходе.

- И все-таки! Вы что, знаете что-то про эту обезьяну?

- Да ничего я не знаю.

- Хорошо. Сформулирую вопрос по-другому... «Когда» она заговорит или «если» она заговорит?

- Тебе виднее. Это же твой глюк, не мой... Держи стакан.

Я машинально отхлебнул виски. Мысли путались. То ли из-за алкоголя, то ли из-за слов негра. Я подумал, что если обезьяна заговорит, обмороком дело не кончится. Как бы не наделать в штаны...

Вот интересно: я уже сошел с ума, или только собираюсь сойти, из-за этой обезьяны? То есть встреча с обезьяной результат помешательства? Или помешательство будет результатом встречи с обезьяной?

Хотя, «интересно» - не совсем подходящее слово.

Как же я пьян...

- Странно, я даже не знал, что на этой улице есть бар, - сказал я. - Правда, живу я здесь недолго. Полугода нет. Давно здесь бар?

- Сколько себя помню. Его открыл еще мой отец.

- Да? Почему же я его не видел? Даже улицы этой не замечал...

Когда я выпью, всегда так. Приходит в голову какой-нибудь пустяк и застревает там. Никак от него не избавиться. Как жила в зубах.

- Некоторые вещи попросту не хотят, чтобы их видели до поры до времени.

- Бар-невидимка, - пробормотал я.

- Что-то вроде. То же и с твоей обезьяной. Может быть, она всегда была рядом. Но решила показаться на глаза именно сейчас. И вот ты уверен, что по уши в дерьме.

- Вы знаете, если бы я не был так пьян, я бы решил, что у нас получается очень странный разговор.

Язык у меня заплетался.

- Значит... Решила показаться? Интересная мысль... Но почему?

- Тебе лучше знать, - ответил бармен.

- Вик... - это я сказал себе под нос.

вернуться

14

Марка сотового телефона.

Но негр кивнул.

- Может быть...

- Вы знаете Вик?

- Нет. Но могу догадаться, что это телка, которая устроила тебе кислый вечерок. Скорее всего, она заставила тебя задуматься о чем-то таком, о чем раньше ты не думал. Ты задумался. И пришла обезьяна. Все очень просто. Если немного подумать, можно решить любую задачу... - И спохватившись, добавил: - Такое вот дерьмо, приятель.

- Обезьяны не приходят по ночам и не пьют пиво из бутылки...

- Просто ты ее раньше не видел. Точнее, она от тебя пряталась.

- Чушь.

- Если тебе больше нравится считать себя чокнутым, дело твое.

- Не нравится. Но есть реальность... Есть какие-то правила... Нормы. Если я вижу то, чего не может быть, я ненормален.

- Мой бар ты тоже раньше не видел. Теперь ты сидишь здесь и пьешь виски. Тоже глюк?

Как же я пьян! К чему весь этот разговор? Что я вообще здесь делаю?

Напиваюсь. Кажется, именно это я собирался сделать. И мне это удалось. Я парень, который делает то, что хочет. Крутой сукин сын.

Надо же, как качается табуретка!..

Я навалился на стойку.

- Еще виски?

- Угу.

- На подходе. До дома сможешь дойти?

- Конечно... Наверное. Честно говоря, не очень хочу туда идти. Боюсь... - Мне действительно было страшно. Я надеялся, что алкоголь притупит все чувства, но страх неуклюже ворочался внутри.

Сколько еще стаканов мне понадобится, чтобы избавиться от него? Ноги откажут быстрее.

- Ты боишься думать, что у тебя поехала крыша. Ведь сама по себе обезьяна - животное не страшное. Вот если бы к тебе пришел крокодил... Вот это было бы настоящее дерьмо.

Непонятно было, издевается бармен или говорит серьезно. Я решил пока не обижаться. В конце концов, я бы тоже поострил на его месте.

- Мне от этого не легче.

- Понимаю, - кивнул негр. - Есть выход - подружиться со своими страхами. Попробуй угостить обезьяну бананом.

Смешно. Угостить обезьяну бананом. Очень смешно.

- Хороший у вас бар, - сказал я. - Давным-давно я хотел иметь такой же. Стоять за стойкой, протирать стаканы и учить других жизни.

Я хихикнул. Хихиканье получилось донельзя глупым.

- И что, - поднял бровь негр, - Не сложилось?

- Не сложилось. Правда, не слишком-то я и пытался. Так, юношеские мечты. Глупость. Даже смешно вспоминать... Где у вас туалет?

Негр ткнул пальцем в дверь справа от стойки. Дверь с иллюминатором. Оригинально.

В туалете было тихо и чисто. Отличное место. Сделав свои дела, я прислонился лбом к холодной стене. В голове шумело. Там бесновалась целая стая обезьян. Обезьянья вакханалия. Кошмар.

Пора заканчивать с виски.

Но уходить из бара я не хотел. Здесь я чувствовал себя в безопасности. Негр, конечно, странный тип. Но странность - это не преступление.

Вик тоже странная... Вик. Интересно, что она сейчас делает? Читает очередную муть. Как лучше наложить на себя руки. «Краткое пособие для самоубийц». Может, все же стоит с ней переспать? Сейчас бы я с ней переспал...

Как же я пьян!

На табуретку я взгромоздился с трудом. Она так и норовила выскользнуть из-под меня. Но все-таки я ее оседлал. Я же говорил, что я крутой сукин сын.

- Эй, парень, не хочешь кофе? - сказал негр, внимательно следя за моими гимнастическими упражнениями.

- Угу.

- Ты крепко набрался.

- М-м-м...

- Пей кофе и иди домой.

- Н-не хочу... Боюсь. Ладно... Сейчас пойду. Вик... Она хочет отравиться. Или повеситься. Ну, что-то в этом духе... Я не верю. А вдруг так оно и есть? Что мне делать? Еще и обезьяна эта... Маска. У Вик лицо превращается в маску. Жуткое зрелище. И время останавливается. Все замирает... Когда выглядывает маска... Вик, маска, обезьяна... Что за чертовщина, а?

Негр молчал. Опять принялся протирать стаканы.

Глаза у меня закрывались сами собой. Кофе не помогал. Наоборот, обезьяны в голове распоясались окончательно. Я понял, что если хочу ночевать дома, надо идти прямо сейчас. Вот сейчас встать и идти.

Я сполз с табуретки. Сунул руку в карман. Вытащил кошелек. Фукудзава Юкити [15] подмигнул мне, когда я доставал деньги.

- До свидания, - промычал я. - Было очень приятно с вами побеседовать. Спасибо.

- Не за что, парень. Удачи тебе. Дорогу найдешь?

Я кивнул. От кивка замутило.

- Заходи еще.

Я направился к двери. Человек за дальним столиком по-прежнему спал. Когда я взялся за ручку двери, он вдруг поднял голову. Меня спасло от позора то, что я был зверски пьян. Иначе я бы заверещал. А так лишь тихо пискнул. Как мышь. Чертовски пьяная мышь.

Широко ухмыляясь, из-за стола на меня смотрела точная копия бармена.

- Заходи еще, - сказала копия, - Для тебя бар будет открыт. И угости обезьяну бананом.

Я оглянулся на стойку. Первый (или второй?) негр невозмутимо протирал очередной стакан.

Я выпал за дверь. В спину ударил хриплый хохот.

На улице встретили темнота, свежий воздух и дождь. Стало чуть легче.

Я вышел из узенького проулка. Огни, суетящиеся люди-грибы, снующие туда-сюда машины. Все как всегда. Нормальный привычный мир. Виски сделал его чуть ярче и шумнее. Но мир был настоящим.

Дома я принял душ и кое-как дотащился до кровати. Заснул, по-моему, еще по пути.

Если обезьяна и приходила в эту ночь, она здорово разочаровалась. На нее никто не обратил внимания.

Вечер следующего дня я решил провести дома. Меня тянуло в тот бар. Именно поэтому после работы я проиграл пару тысяч в патинко, а потом пошел домой. Заказал себе по телефону суши с тунцом, открыл бутылку пива и сел перед телевизором. Пора немного отдохнуть. Мне не помешал бы отпуск. Хотя бы несколько дней. Чтобы привести мысли и нервы в порядок. Но об этом можно только мечтать.

Конечно, если дело пойдет слишком далеко, придется рискнуть. Лучше потерять работу, чем голову. После психушки найти приличное место будет невозможно. Но это на крайний случай. Надеюсь, его не будет.

Скорее всего, во всем виновата усталость. Организм изнашивается. Нервы изнашиваются. Я изнашиваюсь. Иногда я напоминаю себе старую затертую куртку. Все расплывается по швам. Но я пытаюсь сохранить товарный вид. Потому что иначе - свалка. Разница в том, что куртку можно снять. А куда девать себя?

Я все чаще начинаю думать, что жизнь убивает. То есть так оно, конечно, и есть. Я не изобрел порох. Но одно дело - знать. И совсем другое - чувствовать это.

Проблема вовсе не в том, что отпущенные часы тают, как снег на ладони. Нагрузка. Вот в чем проблема. Жизнь высасывает силы. Она требует напряжения. Требует бесконечных усилий. Ни один механизм не может долгое время работать на пределе. Он попросту ломается. Но для машины возможна эксплуатация в щадящем режиме. Жизнь щадящего режима не знает.

Я изнашиваюсь. Каждый новый день выжимает из меня все, что можно. Максимальное количество оборотов в гонке за эфемерной штукой, которая называется модный стиль жизни.

В десять вечера зазвонил телефон. Я сделал громче звук у телевизора. Телефон надрывался минуты три. Потрясающая настойчивость. Наконец, кому-то надоело слушать гудки.

Я снова уткнулся в телевизор. Об убитой девочке больше не говорили. Еще бы. Убийца известен, девочка мертва, выводы сделаны. Скучно. Зато все каналы подняли страшный шум из-за бракованной партии покемонов. Внутри мягких игрушек обнаружили швейные иглы. То ли брак, то ли чья-то хулиганская выходка.

Только я начал вникать в проблемы продавцов и владельцев игрушечных магазинов, как снова зазвонил телефон. Он дал звонков десять, после которых я выдернул шнур из розетки. Сегодня мне нужен отдых. Нормальный тихий вечер.

Пара бутылок пива. Легкий ужин. Ранний сон. Вот мой план на сегодня. Никаких разговоров, никаких книг, никаких мыслей.

Покончив с пивом и суси, я еще немного пощелкал пультом. Ничего интересного по телевизору. Сплошные покемоны.

Я выключил телевизор. В комнате стало тихо. Так тихо, что слышен разговор соседей за стеной. Если бы я прислушался, даже смог бы разобрать слова.

вернуться

15

Портрет писателя и просветителя эпохи Мэйдзи Фукудзавы Юкити (1835-1901) изображен на 10-тысячной банкноте.

Полная тишина. Дождь и тот стих.

Делать было абсолютно нечего. Пора ложиться спать. Но вместо того, чтобы отправиться в душ, я продолжал сидеть в кресле. Как будто тишина и темнота загипнотизировали меня.

Ни одной мысли в голове. Когда-то, еще в институте, я серьезно занимался кендо. Скорее, из-за желаний как-то выделиться. Мои приятели играли в бейсбол и футбол. А я отдавал дань традициям. Впрочем, одно время мне это занятие даже нравилось.

В кендо главное не техника владения мечом, а состояние духа-разума. Важен абсолютный внутренний покой. Отсутствие мыслей. Полное молчание. Только в таком состоянии можно рассчитывать на победу.

Его-то мне достичь и не удавалось. Я все время о чем-то думал. Мелькнет мысль, ухватишься за нее, начинаешь раскручивать. В этот момент противник наносит удар. И все. Проигрыш.

А вот сейчас получилось. Ненадолго. Как только все мысли исчезли, я тут же начал думать об этом. Но все равно, было хорошо сидеть так, в тишине и темноте. И позволить мыслям течь туда, куда они хотят.

Наверное, я ждал чего-то. Если уж быть совсем точным, ждал обезьяну. Страх не было.

Только любопытство. Мне нужно еще раз посмотреть на нее. Убедиться в том, что она действительно существует. Пусть даже и в моем сознании. Одно дело – одноразовый глюк, и совсем другое – навязчивое видение. Не так обидно.

Я ждал долго. Так долго, что от сидения затекла спина и шея. Но ничего не происходило. По-прежнему было тихо и темно. Голоса соседей смолкли. Видимо, решили свою проблему. Парень не выбивал свой футон. Надо будет завтра посмотреть, идет ли он на службу...

Наконец, мне надоело таращиться в темноту. Я встал и потянулся.

Потом принял душ, лег в кровать и уснул. И спал спокойно до самого утра.

На следующий день я почувствовал себя другим человеком. Образцовый служащий. Трудовой муравей. Вежливый, дисциплинированный, трудолюбивый, аккуратный. Идеальный винтик. Именно на таких и держится весь механизм. Механизм получения денег из воздуха, их переработки и последующей утилизации.

После работы я забежал перекусить в якиторию, потом отправился в Гиндзу. [16] В Ханкю [17] купил себе новый галстук и несколько пар носков.

И поехал домой. Настроение было приподнятое. Даже дождь не казался таким мокрым. Странно, ведь ничего особенного сегодня не произошло. День как день.

Так всегда. Своя жизнь кажется скучной до оскомины. Из всех развлечений – пачинко, телевизор, выпивка. Для острых ощущений – боевики или фильмы ужасов. Из всех проблем – как заработать деньги и как их потратить.

Но стоит случайно влезть в какую-нибудь историю, и то, что раньше вызывало тоску, кажется таким милым и желанным.

Думая так, я подошел к двери своей квартиры. И понял, что рано радовался возвращению своей мирной жизни.

Глава 6

На полу, прислонившись к моей двери сидела Вик. Глаза закрыты. В ушах наушники плеера. «My favorit game» the Cardigans – это услышал даже я.

Рядом с ней лежит рюкзак. Уж не с вещами ли она ко мне?.. Те же дурацкие штаны. Если она вдруг их переоденет, я ее не узнаю.

Интересно, видели ее соседи?

Вик почувствовала меня. Открыла глаза. Нажала паузу на плеере. Сняла наушники.

- Ну, – сказала она, глядя снизу вверх, – и как это понимать?

- Ты не могла бы встать? Мне нужно открыть дверь.

Она поднялась с таким видом, будто ее согнали с трона.

Я открыл дверь.

- Заходи.

Ни слова не говоря, она подхватила рюкзак и зашла в квартиру. И на том спасибо. Не хватало только сцен на глазах у соседей.

В комнате она тут же забралась с ногами в кресло. Нахохлилась, обхватила колени руками. Наверное, ждала от меня объяснений и извинений.

- Выпить хочешь? - спросил я.

- Нет.

Я пожал плечами, сел на диван и включил телевизор.

Какое-то время мы безразлично следили за картинками на экране. Во всяком случае, я не мог вникнуть в происходящее. Не знаю, как Вик. Вряд ли ее занимали новости. По-моему, ее вообще не интересует ничего, кроме собственных идей. Ограниченность или цельность? Две стороны одной монеты. Как повернуть.

- Может, все-таки объяснишь, куда ты пропал на два дня? - спросила Вик.

Металл в голосе. Острота. Можно нарезать сасими.

- Никуда я не пропадал. Просто не хотелось ни с кем разговаривать.

- Мне нужна была твоя помощь.

- Я все равно не смог бы тебе ничем помочь. Был не в форме.

- Что там за шутки про обезьяну?

- Долго рассказывать.

- Как хочешь... Выключи телевизор, - она взъерошила волосы.

- Пожалуйста?

- Придурок. Пожалуйста.

Вот так, понемногу, мне удастся научить ее вежливости.

- «Придурок» - явно лишнее в этой связке, - сказал я.

И нажал кнопку на пульте. Экран мигнул и погас. За стенкой опять слышались голоса соседей. О чем можно столько болтать? Боязнь молчания, страх тишины. У современных людей свои фобии. Тишину нужно обязательно заполнить какими-нибудь звуками. Радио, магнитофон, телевизор, болтовня. Все это нужно не для получения информации. Все это нужно, чтобы убить тишину. Мы шумоголики. Без инъекции звука у нас начинается ломка. Когда-то деды могли в полной тишине созерцать цветущую сливу. Теперь мы запятнали честь древнего самурайского рода. Предки из дома Тайра заклеямили бы нас позором. Они были ближе к смерти. Они были ближе к истинному пониманию жизни. Мы не хотим этой близости. Она нам неприятна, как мысль о сексе со старухой. Мы просто болтаем или включаем на полную громкость радио. Это приносит нам успокоение.

- Мне нужна твоя помощь, - произнесла Вик. Я уловил в ее тоне напряжение.
- Ты сказала «была нужна помощь». Мне показалось, что ты справилась без меня.
- Тебе очень, очень, о-о-очень много чего кажется, - скривила она губы. - Сделай мне кофе.
- Пожалуйста?
- Ох, как же ты меня достал... Пожалуйста.

Я сходил на кухню и сварил кофе. В этом деле главное помол. Чтобы не слишком крупный и не слишком мелкий. Если смолоть правильно, можно больше ни о чем не заботиться. Кофе получится что надо.

С двумя чашками в руках я вернулся в комнату. Вик опять не было в этом мире. Лицо начало превращаться в маску. Не дожидаясь, пока произойдет то же, что в ресторане, я протянул ей чашку.

- Пей. И перестань уходить в себя, когда я рядом. У тебя лицо напоминает маску в такие моменты. Жуть.

- Что? - очнулась Вик.

- Какая помощь тебе нужна?

Она глотнула кофе и посмотрела на будильник на моем столе. Я тоже посмотрел. Девять вечера. Хорошо бы разделаться с ее делами до полуночи.

- Хороший кофе, - сказала она.

- Стараюсь.

- Хорошая квартира. Чисто, уютно, все продумано...

- Спасибо.

- Ты всегда все делаешь хорошо?

- Во всяком случае, стремлюсь к этому. Иначе и затевать ничего не стоит. Какой смысл делать что-нибудь кое-как? Но главное здесь не сделать хорошо, а стремиться к этому. Пусть даже получится из рук вон плохо. Но если по-настоящему пытался - время не потрачено впустую. Вот так. Но это моя философия. У других все может быть иначе.

Вик прихлебывала кофе. На лице у нее скука. Я показался себе занудным стариком. Очень правильным, скучным стариком.

На сколько лет я ее старше? Судя по виду, ей не больше двадцати пяти. Значит, разница пять-шесть лет. Ерунда, в сущности. Но порой мне кажется, что мы принадлежим к разным поколениям. Либо мое время прошло, либо ее время еще не наступило.

- А вот у меня всегда все шло наперекосяк, - вдруг сказала Вик.

Я был уверен, что она уже думает о другом.

- С самого начала... При рождении пуповина обвилась вокруг шеи. Меня еле спасли. Наверное, это и была моя судьба - умереть, толком и не родившись. Врачи обманули ее. И теперь мне кажется, что я занимаю чужое место. Меня не должно быть в этом мире. Но я есть. Быть может, из-за этого пострадал кто-то другой. Ему пришлось уйти... Конечно, сумасшедшая мысль. Но она не оставляет меня со школы. Очень тяжело жить, зная, что занимаешь чужое место, Котаро. Мне кажется, что потому-то у меня так хорошо получается быть невидимой. Меня не замечает сам мир, в планах которого не было девушки по имени Вик. Случилась ошибка. Я осталась, но план не изменился. Я - ошибка в системе. Лишняя деталь. Для меня не было предусмотрено подруг, любимого, зверька какого-нибудь. Ведь чтобы в твоей жизни кто-то появился, линии судеб должны пересечься. А моя линия ни с чем пересечься не может. Просто потому, что ее нет. Она оборвалась еще там, в родильной палате. Линия судьбы оборвалась, а я осталась. Без всякой судьбы.

вернуться

16

Район Токио.

вернуться

17

Крупный магазин.

Я промолчал, хотя так и подмывало выдать какую-нибудь банальность вроде «Все не так грустно... Ты еще молода, у тебя все впереди». Но вовремя прикусил язык. А ничего более толкового на ум не пришло.

Вик встала и со стуком поставила чашку на стол. Потом посмотрела на меня.

- Это здесь у тебя сидела обезьяна?

- Ну да.

- И сколько ты выпил перед тем, как ее увидел?

- Две бутылки пива, - сухо ответил я.

- Хорошее, видно, было пиво. Хотя, знаешь, в какой-то момент я тебе поверила. У тебя был такой голос... В общем, говорил ты очень натурально.

- Потому, что я действительно видел обезьяну. На этом самом столе.

- С бутылкой пива?

- Да.

- И она пила его?

- Угу.

- Странный глюк. Но веселый. Было бы куда хуже, если бы к тебе пришел крокодил...

Я вскинул голову.

- Что ты сказала?

- Я сказала, что крокодил куда страшнее.

- То же самое мне недавно сказал другой человек. Почти слово в слово.

Вик прошлась по комнате. В ее походке не было ничего женственного. Ни капли. Девочка-подросток. Акселерат. Если не видеть ее лица. Особенно глаз...

- Сделай еще кофе. У тебя вкусно получается.

- Пожалуйста?

- Утомил.

- Пожалуйста?

- Да, да! Пожалуйста, придурок, сделай мне кофе. Только побыстрее, нам скоро выходить, - она опять начала раздражаться.

- Нам?

- Да, нам.

- А куда мы должны идти? У меня были другие планы.

- Мне нужна помощь, ты забыл? Свари кофе, а потом я тебе все расскажу.

По ее тону я понял, что расспрашивать бесполезно. Встал, взял чашки и пошел на кухню. Сегодня я не был крутым сукиным сыном.

Но и после того, как я принес нам еще кофе, Вик ничего толкового не сказала. Увидишь, узнаешь, поймешь. Вот и все ответы.

Я уже порядочно устал и собирался вежливо выставить ее за дверь, когда она кинула взгляд на часы и сказала:

- Вот теперь можно... У тебя есть машина?

- Конечно.

- Отлично. Знаешь, как проехать в Итабаси?

- Да.

- В случае чего, покажу. Надень что-нибудь темное.

- Собираешься грабить банк?

- Ха-ха-ха, - деревянно сказала Вик.

- Послушай, я не обязан никуда с тобой ехать. Если ты не скажешь мне, что ты собираешься делать, я просто лягу спать. Прямо сейчас. А ты можешь делать все, что придет в голову. С места не сдвинусь, пока не узнаю, в чем дело.

Я сказал это спокойно, но внутри все кипело.

- Мне нужно заехать в *одно* место и взять *одну* вещь. Очень нужную мне. Там наверняка будет человек, который может доставить мне неприятности. Поэтому мне нужен помощник. Вот и все. Это ненадолго, не волнуйся.

- «Заехать в одно место и взять одну вещь»... Не очень-то подробная информация.

- Подробности потом. Действительно, нужно заехать и забрать. Через пару часов будешь дома. Мне не к кому обратиться, кроме тебя. А я одна... Могу не справиться. Помогите мне... Пожалуйста.

Она знала, что, как и когда нужно сказать. Эти ее «помогите мне» и «пожалуйста» решили дело.

Когда мы отъехали от дома, часы показывали двенадцать минут первого. Выехав из Хигати-Накано, мы долго плутали по кривым улочкам Камитагада и наконец, выехали на Накано-дори. Вскоре мне пришлось начать поглядывать на карту GPS. [18]

До Итабаси мы добрались через час. Там Вик взяла на себя обязанности штурмана. «На следующем перекрестке налево, теперь направо, здесь чуть помедленнее, чтобы не пропустить поворот». Я уже начал подумывать, что так мы доедем до Маэбаси. [19] Но неожиданно Вик сказала «приехали».

Я даже не знал, что это за квартал. Обыкновенная улица. Без названия. Автоматы, автоматы, автоматы. Закрытые мисэ. Тускло светящиеся вывески идзакий. Мусор. Вот и все. Людей почти нет. Лишь стайка тинэйджеров с орущим магнитофоном и скейтбордами. Дождь им не помеха. Унылое местечко. Не трущобы, но что-то очень похожее.

- Останови здесь.

Не очень-то хотелось бросать свою «тойоту» рядом с этой молодежной шайкой, но в других местах припарковаться было невозможно.

- Пошли, - Вик вылезла из машины, прихватив свой рюкзак.

Я закрыл машину, сурово посмотрел на беззастенчиво разглядывающих Mark II подростков. Мой взгляд их ничуть не смутил.

- Давай быстрее!

Вик пошла вперед. Я едва поспевал за ней. Поравнявшись с компанией малолетних хулиганов, она задела плечом одного из них. Самого здорового. На полголовы выше нее самой. Тот открыл было рот. Но Вик так посмотрела на него, что он так и замер с открытым ртом. Только посмотрела. Ничего больше.

Ну-ну, я-то знаю, каким может быть ее лицо. Кажется, за «тойоту» можно не переживать.

Вик свернула на боковую улицу, потом еще раз и еще. Так мы прошли несколько кварталов. Я не понимал, зачем нужно было так рано бросать машину. Но спрашивать не стал. Вик шла

уверенно. Было видно – она знает, что делает.

Наконец, она остановилась. Я совершенно не представлял, где мы находимся. Мрачный квартал. Даже не представлял, что такие места есть в Токио. Возможно, при свете дня все выглядело иначе. Но в темноте – земля обетованная для бомжей. Несмотря на дождь, запах был такой, что хотелось зажать нос. Даже для Вик это место было чересчур оригинальным.

Мы стояли с обратной стороны единственного более или менее приличного здания. Судя по всему, какое-то учреждение. Два этажа. Темные окна. Тусклый фонарь над дверью черного входа. Доведенный до абсурда минимализм.

– Где мы? – спросил я.

Вместо ответа Вик сунула руку в рюкзак и достала фонарик. Mag-Lite – гибрид фонаря и дубинки. Тяжелый. Ухватистый. С такими ходят полицейские. Такими крушат головы врагам герои боевиков. Она протянула Mag-Lite мне.

Мне становилось все тревожнее.

– А это зачем?

– Пригодится. Там будет темно, – ответила Вик. У нее был точно такой же «осветительный монстр».

Она опять залезла в рюкзак. На сей раз у нее в руках оказались две черные тряпки. Сначала я не понял, что это. Но когда Вик дала мне одну из них, до меня дошло. Маски с прорезями для глаз.

У меня пересохло во рту.

Вик быстро надела свою.

– Что ты стоишь? – прошипела она. – Надевай быстрее.

– Даже не подумаю, – мне казалось, что это происходит во сне. Или у меня очередная галлюцинация? Уже почти привычное состояние.

– Да надевай же, чертов придурок! Если нас сейчас увидят...

Из-за маски голос ее был приглушен. Но я понял, что она в ярости.

«Маска на маске» – мелькнула глупая мысль. Внутри ворохнулся истерический смешок.

Соображать хоть что-нибудь я перестал. Стоял, комкая в руках кусок ткани. И не мог отвести взгляда от вырезов на маске Вик. Там совершенно самостоятельной жизнью жили ее глаза.

– Надевай! – Вик выхватила у меня из рук маску, очень ловко, натянула ее на меня. Поправила, разгладила, подтянула.

Наверное, теперь я был очень похож на крутого сукиного сына. Но вовсе не чувствовал себя таковым.

Я играю в игру «замри».

- Ну, так и будешь стоять? - она зло ткнула меня кулаком под ребра. Кулачок был очень острым и твердым.

Я очнулся.

- Что ты собираешься делать?

- Взять то, что мне очень нужно.

- У кого?

- Это частная клиника. Так они громко себя называют. На самом деле, здесь бывают одни наркоманы и продырявленные в разборках якудза. Мне нужны кое-какие лекарства. Вот их я и хочу взять.

- То есть украсть, - уточнил я, показывая на маску.

- Ну да, - легко ответила она и подбросила Mag-Lite на руке.

- Это преступление.

Мое второе имя - банальность.

- Иди в задницу. Хватит забивать мне голову своей чушью. Если очень хочешь почитать мораль, отложи это занятие на пару часов. Так и быть, я тебя послушаю немного. Потом... А сейчас нам нужно идти.

- Ты с ума сошла? Я никуда не пойду. Если хочешь нажить себе проблем, иди одна.

- Ты обещал мне помочь.

вернуться

18

Электронная система позиционирования на местности.

вернуться

19

Город севернее Токио.

- Помочь - да. Но совершать преступление - нет.

На самом деле, это говорил не я. Это были слова какой-то части мозга, отвечающей за самосохранение. Сам же я находился в прострации. Ночь, трущобы, маска на лице. После светлого офиса и уютной квартиры. Кто угодно впадет в ступор.

Вик поняла мое состояние. Она просто взяла меня за рукав и потащила к двери.

На двери по-английски было нацарапано FUCK OFF! А еще говорят, что японская молодежь не

любит учить языки. Под FUCK OFF! – несколько красочных объявлений проституток. Больница... Отличное место, нечего сказать.

Да именно об этом я думал, пока Вик фонариком стучала в дверь. Опять сработал механизм защиты. Я думал о языковых проблемах подростков, о местных проститутках, о неприятном запахе, напоминающем трупный, о том, что здесь наверняка есть крысы... Думал о чем угодно, но не о том, что происходит сейчас на самом деле. Вернее, не о том, во что я влип.

А я влип. И очень хорошо это понял, когда дверь открылась.

Я стоял позади Вик и чуть слева. Она была перед самой дверью. В маске и с фонарем в руке, держа его как дубинку.

Едва дверь скрипнув начала открываться и показалась тонкая полоска света, Вик изо всех сил дернула ручку на себя.

Я увидел удивленное, прыщавое лицо юнца, наверное, охранника. Он не ожидал рывка. Вылетел прямо на Вик, так и не отпустив дверную ручку. И тут же получил фонарем по голове. Глухой неестественно громкий стук. Откуда у худенькой девушки столько сил?

Удар был такой, что, по моим представлениям, голова должна была разлететься вдребезги. Но не разлетелась. Парень тяжело осел.

Вик перешагнула через него.

- Что стоишь? Зайди и закрой дверь, – сказала она. Голос звенел.

Я торопливо шагнул вперед и потянул за собой дверь. Дверь не закрылась. Голова парня сработала как стопор. Кожа на лбу стопора лопнула. Из раны сочилась кровь. Жирная, маслянистая... Очень много крови. Удивительно, подумал я, откуда ее столько? Всего-то лопнувшая кожа...

- Ты так и будешь на него тарашиться? – откуда-то издали донесся голос Вик. – Затащи внутрь и закрой дверь.

Я послушно взял парня за ноги и втянул в грязный узкий коридорчик. Юнец оказался на удивление тяжелым.

Без стопора дверь со скрипом закрылась. Я щелкнул замком.

Юнец лежал неподвижно.

Я подумал, что надо бы проверить у него пульс. Хоть голова и не разлетелась от удара, выглядел парень неважно.

- Стой здесь, следи за ним. Если начнет дергаться – отключи, – быстро проговорила Вик.

- А ты куда?

- Не бойся, сейчас вернусь.

Она прошла до конца коридора, открыла дверь, ведущую на лестницу и начала подниматься. Луч фонаря прыгал по ступенькам, как взбесившийся гигантский светлячок.

Вик скрылась за пролетом. Я остался один. Точнее, вдвоем с парнем. Но, если учесть, что тот так и лежал, не подавая признаков жизни, можно сказать, я был один. У его головы образовалась порядочная лужа.

И тут я вспомнил, что несколько недель назад мне снился сон. Во всех подробностях я его не помнил. Но один фрагмент в памяти сохранился. Даже не фрагмент, а так, стоп-кадр.

Я в больнице. Вокруг все белое. Узкий коридор. Пустая каталка. Вокруг люди в белых халатах. Кажется, в масках... Нет, этого я точно не помню. Неважно... На полу человек с разбитой головой. Вокруг головы лужа крови. Все, дальше пленка обрывается.

Ни этот грязный коридор, освещаемый одной лампочкой, ни парень не были похожи на мой сон. Только ситуация. Больница, коридор, тело на полу, кровь. И подсознание услужливо достало из своих запасников картинку того сновидения. Что это? Вещий сон? Совпадение?

А может, я скольжу по параллельным мирам? И в каждом из них оказываюсь в больнице и вижу человека с разбитой головой, распростертого на полу...

Поразительно, какие мысли могут посетить, когда у твоих ног кто-то истекает кровью.

Если смотришь боевики, волей-неволей ставишь себя на место главного героя. Воображаешь, как бы поступил на его месте, критикуешь, иронизируешь... Всегда кажется, что сам справился бы с ситуацией куда лучше. Интересное занятие, в общем.

Но вот нечто похожее происходит на самом деле. И что же? Я стою, как чучело на рисовом поле, и вспоминаю сны. В черной киношной маске, с фонарем-дубинкой, над окровавленным человеком.

А если сейчас сюда зайдет полицейский? «Что тут происходит?» – «О, понимаете, моя свихнувшаяся на почве суицида подружка решила ограбить клинику и попросила ей помочь. Она одна боится этим заниматься. Как мужчина я не мог ей отказать. Но не беспокойтесь, мы скоро уйдем».

Мысль о полиции протрезвила меня. Вернулись звуки и запахи, которых я почему-то до этого не слышал. Наверху раздавались шаги и грохот переворачиваемой мебели. За дверь шумел дождь. Сегодня он был сильнее, чем обычно. В воздухе едва уловимый запах крови. Не тяжелый, с металлическим привкусом, как пишут в детektивах. А легкий, чуть сладковатый. Но не менее тревожный. Кровь – опасность. Своя или чужая, неважно. Запах не предвещает ничего хорошего. Запах смерти. Он будит самый древний, самый сильный инстинкт – инстинкт самосохранения. От этого запаха хочется бежать. Но в то же время он притягивает. Ведь это и запах убитой жертвы.

Я ненормален. Нельзя думать о таких вещах, когда творится черт знает что.

Парень зашевелился. Слабое движение. Неловко вывернутая рука дрогнула и как бы сама собой подтянулась к туловищу.

Я судорожно вздохнул. Что делать, если он придет в себя? Ударить его я не смогу. Оказать первую помощь?

Я не желаю ему зла.

Я не хочу его смерти.

Я сочувствую ему.

Но помогу ли ему? Представляю себе заголовки в завтрашних газетах: «Преступник проявил милосердие». Преступник... Вот именно. Как ни крути, а я нарушил закон. Я соучастник ограбления. Вся моя дальнейшая жизнь может рухнуть. Заботливо выстроенная карьера, хорошая квартира, покой и стабильность – я могу лишиться этого в один момент. Если парень придет в себя.

Но ударить его я не смогу... Наверняка не смогу. Я копирайтер и заказной писатель, а не грабитель клиник.

Юнец застонал и попытался перевернуться на другой бок. А у меня сердце чуть не сломало ребра.

Где же Вик?

Еще стон. Уже громче. Парень начал корчиться на полу. Что он пытался сделать, я не понял. То ли встать, то ли лечь поудобнее. Он был похож на огромного червяка, брошенного на асфальт. Беспольные беспорядочные движения. Полное отсутствие координации. Руки и ноги двигаются отдельно друг от друга. Будто принадлежат разным людям. И все это в темной загустевшей луже крови.

Она размазывалась по всему полу, по стенам, пропитывала его одежду, заливала лицо и руки. Она была везде. Даже на моих кроссовках. И везде она была разных оттенков. Темно-красная, почти черная – на его рубашке цвета хаки. Багровая – на шершавом цементном полу и стенах. Пунцовая – на лице и руках. Розоватая – на белых кроссовках. Но какого бы она ни была цвета, ее липкость и вязкость ощущалась даже на глаз. Особенно в свете единственной коридорной лампочки.

Машинально я сделал шаг назад. С желудком творилось что-то непонятное. Он тяжело пульсировал, абсолютно не согласуясь с ударами сердца.

Где же Вик?

Грохот наверху стих. А еще через пару минут на лестнице опять заплясал светляк. Вик возвращалась.

Движения парня стали скоординированными. Я увидел, что он начинает подниматься.

Дальше все было, как в фильме, снятом неумелым оператором. Кадр скачет. Сцены короткие и рваные.

Парень оперся на руки. Голова опущена. С нее на пол падают крупные красные капли. Падают в уже почти запекшуюся лужу на полу.

Я сжал Mag-Lite.

На лестнице показались ноги Вик.

Парень подтянул одну ногу. Подтянул вторую. Встал на четвереньки. Размазал коленом бурое застывшее пятно на полу. Лужа крови стала похожа на огромную кляксу.

Я шагнул к нему, наступив в эту кляксу. Мне показалось, что подошва кроссовки чуть

прилипает к полу.

Вик появилась в проеме двери. К груди прижат какой-то сверток. Луч фонарика прыгает перед ней.

Парень пытается поднять голову. У него не получается. Он оседает на пол и приваливается спиной к стене. Кровь по-прежнему заливает лицо. Внизу, у подбородка, она смешивается с ниточкой слюны. Розовая струйка заползает за воротник рубашки.

Я стою над ним. Вижу его короткие волосы покрашенные в лиловый цвет. На макушке они совсем редкие. Видна белая кожа. Из-за этого голова кажется очень уязвимой.

Вик на середине коридора. Она ускорила шаги.

Парень медленно поднимает голову. Я в маске, он не сможет меня потом узнать. Но мне очень не хочется смотреть в его глаза.

Я так же медленно занес руку для удара. В висках бухает тяжелый кузнечный молот.

Вик совсем рядом. Она почти бежит...

И тут – стоп-кадр. Все застыло. Как в том ресторане. Но на этот раз не было никакой мистики. Просто мозг снова выключился на мгновение. По одной очень веской причине.

В тот момент, когда моя рука дернулась, чтобы опустить фонарь на макушку юнца, раздался стук в дверь. Громкий и до тошноты настойчивый.

Вик замерла в шаге от меня. Ничего не соображающий парень провел по лицу рукой и тупо уставился на красную блестящую ладонь.

Стук повторился. Вик приложила палец к тому месту на маске, где должны быть губы.

Своевременный жест. Я-то как раз хотел спеть что-нибудь зажигательное...

С той стороны двери – голоса. Двое мужчин. Во всяком случае, говорили двое. Голоса приглушенные, слов не разобрать. Были ли там еще молчуны – неизвестно.

У меня засосало под ложечкой. Что если парень сейчас окончательно придет в себя и закричит? Судя по его постепенно прояснявшемуся взгляду, вполне возможно. Вик тоже поняла это. Как поняла и то, что на меня надеяться нечего.

Она шагнула к парню и опустила фонарь на макушку. Снова этот стук... Я подумал, что у парня будут проблемы с головой. Два таких удара – не шутка. Кожа на голове опять лопнула. Скоро крови здесь будет по щиколотку.

Юнец сполз по стенке и затих. В данной ситуации таким он мне нравился больше. Все-таки гуманизм возможен, когда сам находишься в полной безопасности и довольстве. Стоит влезть в историю, человеколюбие куда-то улетучивается. Вернее остается любовь к одному человеку – к себе. У меня, по крайней мере, получилось так. Парня жаль, но уж лучше пусть он лежит на полу с разбитой головой, чем я. Простая логика. Как только начинают работать инстинкты, все очень упрощается.

Философские размышления прервал новый стук. Стучали ногами. Потом послышался грубый голос:

- Эй, Фумио, слезай со своей шлюхи и открой дверь!

Значит, его зовут Фумио...

Ни с кого Фумио слезть не мог. Он вообще ничего не мог. Второй удар оказался сильнее первого. Да и макушка - не лоб. Это куда хуже. Для бедняги Фумио. Но не для меня. Не для меня...

- Открывай! - прорычали из-за двери. - Если не откроешь сейчас же, я заберусь через окно и отучу тебя спать на работе!

Я вздрогнул. Похоже, скорее он отучит нас лазить по частным клиникам и разбивать головы сторожам.

Неожиданные визитеры снова начали что-то обсуждать. Один голос принадлежал грубияну, стучавшему в дверь. Второй был почти не слышен, он скорее угадывался.

Вик тихо подошла к двери и приложилась к ней ухом. Я не видел ее лица. Но чувствовал, что она не очень-то нервничает. Будто каждую ночь только тем и занималась, что грабила учреждения и била по голове молодых парней.

Хотя... что я о ней знаю? Вообще ничего, кроме ее желания убить себя. Но это еще вопрос... Расправляться с другими у нее пока получается лучше. Больше ничего о ней неизвестно. Я не знаю, чем она зарабатывает на жизнь, не знаю, где живет, не знаю даже ее фамилии. Отец француз... И все. Вся информация. Но, тем не менее, я с ней связался. И влез в историю. Из-за нее.

В дверь стукнули еще пару раз. Впечатление такое, что тараном. Потом возня на улице стихла.

Вик отклеилась от двери и подошла вплотную ко мне.

- Один из них решил лезть в окно, - прошептала она. - На первом этаже решетки. Значит, нам нужно на второй. Пошли. Одна могу не справиться.

Я колебался. Неизвестно ведь, с кем придется столкнуться там. Однако другого выхода не было.

- А с этим что? - кивнул я на окровавленного парня. Он опять начал шевелиться. Крепкий череп.

Вместо ответа Вик нагнулась и еще раз стукнула юнца по голове. Спокойно, будто паука прихлопнула. Парень замер.

- Ты сделаешь из него идиота, - сказал я.

- Плевать.

- Не сомневаюсь...

- Хватит болтать, пошли скорее.

Она направилась к лестнице. Я поспешил за ней. Протестовать надо было раньше. Теперь оставалось лишь беспрекословно подчиниться ей. Чтобы хоть как-то выбраться из передраги.

Мы поднялись на второй этаж. И едва ступили в коридор, раздался звон разбитого стекла. Вик схватила меня за руку и втащила в одну из комнат. Кабинет. Запах лекарств. Отблеск фонаря на кафельной стене. Темные силуэты мебели. В середине кабинета что-то вроде стоматологического кресла. Под ногами хрустит битое стекло. Похоже, Вик побывала именно здесь.

Я услышал, как в одном из кабинетов, дальше по коридору, выбивают дверь.

- Сможешь справиться? - шепотом спросила Вик.

- Откуда мне знать! - прошипел я.

- Встань рядом с дверью и приготовься бить. Как я прыщавого...

- А ты?

- Встань рядом с дверью, - раздельно сказала Вик.

Мне показалось, что она сейчас пустит в ход свой фонарь. Она снова слегка ткнула меня кулачком под ребра, сказала: ганбаттэ! [20] - и отошла на середину комнаты, спрятавшись за кресло.

Дверь, наконец, сломали. В коридоре послышались шаги.

Волосы у меня на загривке встали дыбом. Что если он действительно сюда зайдет? Я никогда никого не бил по голове. Самым серьезным нарушением закона в моей жизни было курение травки в студенческом общежитии.

То, что происходит сейчас - это не моя жизнь.

Не моя реальность.

Я сошел со своей орбиты. Меня уносит все дальше в открытый космос. Смогу ли я вернуться обратно?

Что, если он сюда зайдет?..

Что, если он зайдет?

О, он зайдет обязательно. Это я понял через мгновение.

Потому что...

...Вик начала постанывать. Как во время полового акта. Получалось у нее очень сексуально. Она не попискивала, как японские женщины. Именно стонала. Довольно громко, с легкой хрипотцой и придыханием.

Я опешил. Но когда шаги замерли рядом с дверью, понял ее маневр. А поняв, еще раз очень пожалел, что пошел тогда к букинисту. Но рассуждать было поздно.

Кто-то остановился рядом с дверью.

Стоны Вик перешли в крики. Она кричала так, что, несмотря на ситуацию, у меня началась эрекция.

Черт, да что же со мной творится?

Я поднял над головой Mag-Lite, держа его, как меч, двумя руками.

Сердце перестало стучать. Мышцы окаменели.

Страстные крики Вик в темноте. Хриплое дыхание за дверью. Это не моя реальность. Это какая-то ошибка. Я не должен быть здесь...

Дверь распахнулась от удара ногой.

Мой желудок ухнул вниз.

- Фумио, сукин сын... - мужчина сделал шаг в темноту комнаты.

Сделать второй ему не дал мой фонарь. Я ударил изо всех сил. Не думая о том, что могу покалечить или убить.

Когда-то я читал, что человек в стрессовой ситуации не может соизмерять свои силы. Он всегда бьет что есть мочи. Не из-за желания причинить максимальный вред. А из-за страха за свою жизнь и опасения, что вред как раз окажется недостаточным. Теперь я убедился в этом на практике.

Мне действительно было не до расчетов. Едва я увидел стриженный затылок, руки сами сделали всю работу. Я им не помогал. Они просто опустились вниз, будто наносили удар «монашеский плащ».

Я мог раскроить ему череп. Но мужчина был не из хилых. Он упал на четвереньки и замотал головой. Как удивленный бык.

вернуться

20

Ганбаттэ! (Ganbatte) - «Не сдавайся!», «Держись!», «Постарайся на совесть!». Традиционное напутствие в начале трудной работы.

Я понял, что он вот-вот придет в себя.

Мои ноги сделались ватными. Во рту появился кислый привкус. Желудок попытался вернуться из низа живота на место, но не рассчитал и проскочил. Теперь он норовил вылезти через горло.

Нужно было ударить еще раз. По затылку. Мужчина стоял очень удобно. А я тупо смотрел на его толстый обтянутый ливайсами зад, на грязные рифленые подошвы кроссовок, широко расставленные ладони в каких-то темных пятнах. И ничего не мог сделать. Даже дышать, помоему, перестал.

Из своего укрытия выскочила Вик. Я попытался крикнуть «осторожно!», но получилось какое-то кваканье.

Она одним прыжком оказалась рядом с мужчиной. Занесла руку с фонарем над его головой. Но

ударить не успела. Каким-то образом он смог сориентироваться и схватить Вик за лодыжку.

Рывок. Вик упала, со всего маху ударившись головой об пол. Мужчина навалился на нее. Я увидел его руки на ее шее.

С меня вмиг слетело оцепенение. Я подошел к сплетенным на полу телам. Тщательно прицелился и ударил. Точно в середину заплывшего жиром затылка. Потом еще раз. И еще...

Я не чувствовал ничего, кроме холодного бешенства. Что-то жуткое проснулось во мне. Чудовище. Оно долго дремало, запертое в клетку с толстыми ржавыми прутьями. Скованное, придавленное тяжелой гранитной плитой.

Но первый удар, который я нанес разбудил монстра. И теперь он с утробным ревом вылезал наружу. Древняя животная ярость. Она выплескивалась из меня бурлящими красными потоками. Застилала глаза. Я захлебывался в ней. Как захлебываешься свежим весенним ветром, стоя на вершине горы.

С каждым ударом я становился свободнее. И с каждым ударом я становился ближе к себе.

Я раз за разом опускал Mag-Lite на жирный затылок, пока мужчина не обмяк и не ткнулся лицом в пол.

Судорожно всхлипывая, Вик вылезла из-под него.

- Придурок! - взвизгнула она и всадила носок кроссовки ему в бок. - Чертов придурок!

Она пинала неподвижное тело, пока я не оттащил ее.

- Успокойся!

- Чертов придурок! - она попыталась вырваться.

Я дал ей пощечину. Подействовало. Руки опустились, она обмякла и навалилась на меня. Я чувствовал, как бьется у нее сердце.

- Успокойся. Нам надо выбираться отсюда. Он пришел не один. Если его хватятся, нам несдобровать.

Я произнес это так, будто речь шла о комбинации в го. Никаких эмоций. Абсолютно трезвое рассуждение.

Вик кивнула.

- Как шея? - спросил я.

- Нормально.

Судя по придушенному голосу, все было не совсем нормально. Уточнять я не стал. В конце концов, не я втянул ее в это. Так что пусть терпит.

Вик нырнула за кресло. Вынырнула через секунду со свертком в руках и выжидающе посмотрела на меня.

Я бросил взгляд на мужчину. Подниматься тот не собирался. В луче фонаря темные пятна на

ладонях оказались фрагментами татуировки. Этот парень, похоже, был якудза.

Я вышел в коридор и прислушался. Все тихо. Я поманил Вик за собой.

Длинная черная рукоятка фонаря была скользкой от крови. На нее налипли волосы. Меня затошнило. Но блевать и падать в обморок – на это нет времени. Я просто вытер фонарь рукавом куртки и заткнул его за пояс. Рот заполнился кислой слюной. Я сплюнул и сделал несколько глубоких вдохов.

Нужно решать, как уйти отсюда. Если этих ребят двое, то второй, скорее всего, ждет около двери. Значит, уходить нужно через окно. Своими соображениями я поделился с Вик.

- А если их трое или четверо?

- У тебя есть другие варианты?

Она покачала головой.

Выбраться через окно оказалось труднее, чем я думал. К тому же мешал сверток Вик. На ощупь какие-то бутылочки, завернутые в простую бумагу.

Черт, как этот толстяк ухитрился сюда залезть? Мне пришлось здорово попотеть прежде, чем я оказался внизу. На счастье, никого поблизости не было.

Я махнул рукой Вик. Она справилась со спуском куда быстрее моего.

- Теперь ты веди. Я запутался, пока мы сюда шли, – сказал я, когда она оказалась рядом. – Только давай быстрее.

Вик стянула маску. Я последовал ее примеру.

- Ятта! [21] – шепнула она и хлопнула меня по плечу. Для нее все это было волнующим приключением. – Теперь нам надо разойтись. Ненадолго. Лучше выбраться из этого района поодиночке.

- Зачем?

- Делай, что говорю. Встретимся через час у парка Араиякути. Знаешь? Рядом буддистский монастырь. Жди меня где-нибудь поблизости.

- А как ты отсюда выберешься?

- Не твоя забота. Это, – она кивнула на сверток, – пусть будет у тебя. Фонарь и маску давай мне. Все. Не забудь – через час.

Она растворилась в темноте.

И снова сеть темных улочек, бесчисленные повороты. Только теперь впереди не было гибкой фигурки Вик. Но я все-таки сумел найти дорогу. Если хочешь жить, и не такое сделаешь.

Машина стояла на месте. И даже целая. А банды подростков не было. Улица пуста.

Только сев в машину, я осознал, из какой заварухи выбрался. Да и выбрался ли? Меня била крупная дрожь.

Я повернул ключ зажигания. Взялся за руль. Свет фонаря упал на мои руки. Они были в засохшей крови. Какие-то сгустки...

Меня снова затошнило. Борясь с позывами рвоты, я развернул машину. Вик права, нужно отъехать отсюда как можно дальше. Остальное потом.

Жутким усилием воли я заставлял себя ехать с нормальной скоростью. Мне бы хотелось оказаться сейчас в сверхзвуковом истребителе. И желательно уже где-нибудь в другом полушарии.

Как ни старался я ехать медленнее, доехал за сорок минут. Припарковался так, чтобы не дать ни малейшего повода полиции заинтересоваться мной, и стал ждать.

Я был по уши накачан адреналином. И он никак не хотел выходить. Я пытался дышать глубоко и ровно, но дыхание больше напоминало рвотные спазмы.

Просто сидеть и ждать было невыносимо. Чтобы хоть чем-нибудь заняться, я достал носовой платок и начал стирать кровь с рук.

Перед глазами возник Mag-Lite с налипшими на рукоятке волосами. Я едва подавил тошноту.

Засохшая кровь не оттиралась. Мне показалось, что она навсегда въелась в кожу.

Промучившись несколько минут, я оставил попытки. Единственное, чего я добился, – платок теперь тоже весь испачкан кровью. Я засунул его под сиденье. Потом зажал руки между колен, ткнулся лбом в руль, закрыл глаза и стал ждать.

Вик появилась раньше назначенного времени. Я не слышал, как она подошла. Кто-то взялся за ручку двери, и я чуть не пробил головой потолок.

Слева плюхнулась Вик.

- Давай, поехали отсюда.

Несколько минут Вик молчала, задумчиво барабаня пальцами по приборной панели. Если бы она начала болтать, я бы высадил ее из машины.

- Куда мы едем? - прочитав мои мысли, спросила Вик.

- Не знаю. Подальше от того места.

- Поехали ко мне.

- Вот еще!

- Просто завези меня домой. Заодно приведешь себя в порядок. У тебя такой вид... такой вид, будто ты убил человека! - и она расхохоталась.

Я подумал, что кое-кого смогу убить запросто. Но лишь спросил:

- Куда ехать?

Ехать пришлось далеко. Вик жила в Акасаке. Неплохо для нее. Я удивился, что у нее вообще есть человеческое жилье. Пещера, украшенная человеческими черепами. Или палата в

психушке. Это ей подошло бы больше.

Квартира была продолжением своей хозяйки. Ничего лишнего. Но все равно кавардак.

В ванной я посмотрел в зеркало. Вид дикий. Всклокоченные волосы, бешеные глаза. На щеке крошечные черные пятна. Засохшая кровь. Меня передернуло. Я перевел взгляд на руки. Потом на одежду. Везде эти пятна. Откуда на мне столько крови?

Перед глазами возник мясистый затылок. Сквозь волосы просвечивает кожа. Жировые складки у основания затылка... Мне это будет сниться.

Я долго смывал кровь с рук и с лица. Очень долго. Будто хотел смыть всю кожу. Одежду надо будет выбросить. Лучше, конечно, сжечь, но как сделать это в городской квартире?.. Выбросить... Как только доберусь до дома. Остается машина. Нужно проверить, нет ли крови там. Что делать, если есть? Отмывается ли кровь? Не знаю... Никогда не приходилось отмывать или отстирывать кровь.

вернуться

21

Слово, близкое по значению к «Получилось».

Черт!

Выжили они или нет? Фумио и тот, кто его искал... У юнца больше шансов. А мужчина? Голова у него вроде крепкая...

- Долго ты там будешь возиться? - послышался недовольный голос Вик. - Выходи, я сварила кофе. Есть хочешь?

При мысли о еде меня замутило. Что бы мне сейчас не помешало - хорошая выпивка.

Я вышел из ванной.

- У меня есть удон. Будешь? - крикнула Вик с кухни.

- Нет.

Я прошел в комнату и сел на старенький диван, закрыв лицо руками. Что же я натворил?

- Держи кофе. Не такой хороший, как у тебя. Но кофе ...

Я взял чашку. Мои руки подрагивали. Ее - нет. Потрясающее спокойствие. Стальные нервы. И сумасшедшие идеи. Знакомьтесь, девушка по имени Вик. С необычным лицом, необычными мыслями и темным прошлым.

- Нервничаешь? - она села на разбросанные по полу подушки. - Не надо. Все закончилось. Но это было круто! Когда он начал меня душить... Я подумала, что судьба, наконец, нашла меня. Это было здорово! Но тут вмешался ты.

- Перестань болтать чепуху... Ты не думала, что мы могли их убить? Вернее, ты не допускаешь

мысли, что мы их убили? Ты – этого парня Фумио, а я...

- Ну а тебе-то что? Они ведь тебе не родственники и не друзья. Да и не так-то просто убить человека. Тот – вон какой здоровяк. А прыщавого я била несильно. Не забивай голову ерундой. Наверняка они сейчас прикладывают лед к шишкам и... ломают голову, что с ними произошло.

Она хихикнула.

Этого я уже выдержать не мог. Поднялся с дивана и поставил чашку с недопитым кофе на журнальный столик.

- Все. Я пошел. Очень надеюсь, что смог тебе помочь. Очень надеюсь, что больше мы не увидимся.

- Эй, эй, эй! Как это не увидимся? Ты что, забыл, о чем мы говорили в том ресторане?

- Мне плевать.

У двери я обернулся. Вик сидела на подушках и смотрела на меня. Внимательный изучающий взгляд. Будто я диковинное насекомое.

- Один вопрос, – сказал я. – Что все-таки тебе понадобилось там?

- Хлороформ.

- Хлороформ? Зачем?

- Один из самых надежных способов уйти. И безболезненный. Главное, не напутать с дозировкой.

- Ты точно чокнутая.

Я хлопнул дверью. Меня никто не остановил.

Глава 7

До своего квартала я добрался около двух часов ночи. Ставить машину на стоянку было неразумно. Кто знает, как она будет выглядеть при дневном свете. Стекла у нее не тонированные, так что если салон испачкан кровью, будет заметно. Бросил ее на соседней улице. Нашел место, где разрешена парковка и бросил.

По дороге до дома купил в автомате несколько бутылок «Асахи». [22]

Фуро [23] и пиво должны привести меня в порядок. Потом я лягу спать. Думать о случившемся буду завтра. Нервы слишком взвинчены. Все тело болит, как будто это меня били фонарем-дубинкой.

Интересно, что сейчас происходит там, в клинике. Тот, кто остался на улице, уже давно должен был пробраться внутрь и обнаружить этих парней. Если они мертвы... Нет, непохоже, что в том районе принято обращаться в полицию. А что если тот мужик якудза? Это хуже, чем полиция. Намного хуже. В том случае, если они озаботятся его смертью... Одно дело кричать на каждом углу, что смерть якудза не остается безнаказанной ни для кого, и совсем другое – отыскивать идиота, который с фонариком грабит больницы в трущобах. Да ни одному

нормальному человеку и в голову это не придет!

Остается надеяться, что все живы. И что поведение нападавшего поставит в тупик и полицию и мафию.

А сейчас преступник заберется в фуру, откроет пиво и перестанет думать о том, что с ним случилось сегодня. Преступник слишком устал бояться.

Так я думал, поднимаясь по лестнице до своей квартиры. Так я думал, открывая дверь. Так я думал, пока не зашел в свою комнату. И пока не увидел на письменном столе клочок бумаги.

У меня нет привычки оставлять клочки бумаги на столе. У меня вообще нет привычки писать что-нибудь на клочках бумаги. Для записок я использую сотовый телефон, компьютер или, на худой конец, липучки. Клочков бумаги в моем доме нет и быть не может!

Но один лежит. На полированной столешнице из криптомерии.

Все еще надеясь на чудо, я взял записку. Это был не мой почерк. Кривые неуклюжие иероглифы. У человека, написавшего это, наверное, в нескольких местах сломаны руки.

На клочке было написано: «Иди в бар». Слово *bar* было написано по-английски. Так же, как над заведением старого негра.

Так вот. Кто-то проходит сквозь стены.

Не будь я так вымотан морально и физически, я бы здорово испугался. Но за вечер случилось столько всего, что я просто смял бумажку, выбросил в мусорное ведро, набрал фуру и просидел полчаса, нежась в горячей воде. Даже про пиво забыл. Что было, то было, сказал себе я. А что будет, то будет. Бояться все время невозможно. Для хорошего страха нужны силы. У меня их не было.

Выйдя из ванны, я провел небольшую ревизию на кухне. Обнаружил в баре недопитую бутылку Ника. [24] В два глотка выпил полстакана и отправился спать. Ко всему на свете привыкаешь. Даже к чертовщине.

Зато весь следующий день я провел как на иголках. Просмотрев утренние газеты, немного успокоился. Никаких заметок об ограблении клиники. Этому могло быть два объяснения.

Первое – парни пришли в себя и предпочли в полицию не обращаться. Учитывая то, в каком районе все случилось, вполне возможно. Живущие там люди не очень-то жалуют полицию. Да и сами хозяева клиники вряд ли захотят видеть у себя в гостях сацу [25] из-за пропажи нескольких склянок с хлороформом.

Второе – рабочий день в клинике наверняка начался совсем недавно. Труп или трупы только-только обнаружили. Пока приедет полиция. Пока разберутся, что к чему. Пока новость дойдет до газетчиков. Пока они решат, стоит или нет тратить на нее колонку...

Нужно ждать вечерних новостей. Если и там все будет тихо, вздохну спокойно. Вернее, почти спокойно.

Остается еще вчерашняя записка.

Она меня пугала даже больше, чем возможные проблемы с законом.

Но толком поразмыслить невозможно. Работа есть работа. Даже если ты накануне грабил больницу, а потом обнаружил, что в твой дом кто-то проник, никто не освободит тебя от твоих обязанностей. Обществу нужен твой труд. Обществу нужны твои руки и твоя голова. С утра до вечера ты не принадлежишь себе. Ты – часть гигантского организма, его клетка. Твоя ценность определяется не тем, какой ты человек. А тем, как много пользы ты приносишь обществу.

Как-то я смотрел документальный фильм про НЛО. Верующие в инопланетян исследователи рассказывали об обломках космического корабля найденного не так давно где-то в США. Среди обломков были обнаружены останки членов экипажа. Уфологи высказали предположение, что пилоты были как бы частью корабля, его деталями, без которых полет был невозможен. Что-то вроде вживленного имплантанта, только наоборот. Плоть вживили в механизм. И эта плоть выполняла определенные задачи. Ну, как, скажем, коробка передач в автомобиле. Живая коробка передач...

Иногда мне кажется, что в недалеком будущем то же произойдет и с нами. Сейчас мы вживлены в систему, называемую социумом. Пройдет пара сотен лет, и нас начнут вживлять в космические корабли и шлифовальные станки. Апогей эффективности труда. Максимальная польза обществу. Обществу полуживых механизмов.

Такие мысли были у меня в тот день. За ними я прятался от того страха, который тяжело ворочался внутри. Я просто не давал ему поднять голову. Но тревога заставляла меня ерзать на стуле.

Ямада словно чувствовал, что происходит у меня внутри. Весь день он практически не спускал с меня глаз. Пару раз подходил ко мне, будто бы по делу. С какими-то пустяковыми вопросами. Кое-как я отвечал, но у меня было ощущение, что он меня не слушает. Его немигающие глаза, казалось говорили: «Мы играем с тобой в игру. Делаем вид, что все в порядке. Но на самом деле оба знаем, что ты влез в очень неприятную историю. Пока я не знаю, что с тобой делать. Живи. Но рано или поздно настанет момент, когда мы вернемся к этому разговору».

вернуться

22

Сорт пива.

вернуться

23

Японская ванна.

вернуться

24

Марка японского виски.

вернуться

25

Полиция на жаргоне якудза.

Я был уверен, что он не может ничего знать. Не может даже догадываться. Но его взгляд говорил об обратном. «Тебе не уйти от меня. Тебе не уйти...»

Когда в пять часов заиграла музыка, я был заведен настолько, что чуть не подпрыгнул. Плюнув на все писанные и неписанные правила, я встал из-за стола. Укоризненные и вопросительные взгляды. Коллеги простят мне ограбление больницы. Но прощать нарушение традиций они не станут.

Стараясь не столкнуться взглядом с Ямадой, я выскочил из офиса.

Первым делом перегнал на стоянку машину. Осмотрев ее еще утром и не найдя никаких подозрительных следов, я решил оставить ее на месте до вечера. Теперь пришлось топтать лишних два квартала от метро, а потом сорок минут стоять в пробке.

Я пытался сообразить, как в комнате могла появиться записка. В конце концов, пришел к выводу: абсолютно непонятно. Не скажу, что вывод меня успокоил. Но как решить уравнения, где все величины неизвестны?

Дверь в квартиру я открывал осторожно. Кто знает, что может поджидать меня там?

Дом встретил тишиной. По углам не прятались вооруженные до зубов якудза. На столах не пили пиво обезьяны. Под потолком не дергались в петле странные девушки. Как ушел, так и пришел. В тишину и порядок.

Я перевел дух. Потом переоделся и заказал на дом пиццу с анчоусами. Пока дожидался заказа, принял душ. Протер пыль в комнатах. Отобрал белье для прачечной. Выпил бутылку пива.

Но так и не решил, что делать с запиской. Вернее, с приглашением.

А через час позвонила Вик.

Я понял, что это она, как только зазвонил телефон. Шестое чувство. Я взял трубку с твердой решимостью положить нашему общению конец.

- Да? - сказал я. Сухо, как только мог.

- Смотри новости, - бросила она и положила трубку.

Вот. А я так много хотел сказать...

Новости... Укол беспокойства. Вряд ли речь там идет о ежах-покемонах... Я включил телевизор. Нашел программу новостей.

И примерз к креслу.

- ... обнаружено два трупа. Полиция установила личности погибших. Один из них, Такахаси Кендзи, тридцать восемь лет, предположительно, рядовой член одного из кланов якудза, второй - Като Фумио, двадцать лет, студент. (Фотографии крупным планом. Юнца я узнал сразу). Оба получили множественные удары тяжелым тупым предметом по голове. Затем каждому из них нанесли множественные удары ножом. Причиной смерти, по заключению экспертов, являются глубокие ножевые ранения в области сердца. Скорее всего, преступник

или преступники сначала оглушили свои жертвы, а потом начали наносить удары ножом. Полиция склоняется к версии, что это двойное убийство – лишь эпизод очередной войны между кланами якудза за передел сфер влияния. Оно не привлекло бы такого пристального внимания, если бы не изощренная жестокость, с которой оно было совершено. Лица и тела убитых изуродованы до неузнаваемости. По некоторым непроверенным данным... Полиция ищет свидетелей... Обращайтесь по телефону...

Я выключил телевизор.

В комиксе была бы подпись готя-готя. [26]

Многочисленные ножевые ранения... Голова кругом. Что это значит? Что?!

И как теперь мне выбраться из всего этого?

Раздался звонок в дверь. Сердце исполнило причудливый танец и остановилось. Вместе с дыханием и способностью соображать. Наверное, я опять стал похож на окуня. Когда способность дышать вернулась я попытался проглотить весь воздух в комнате.

Еще звонок. Уже настойчивее.

Я заставил себя отклеиться от кресла и поплелся открывать. Мне мерещились суровые полицейские с наручниками и репортеры с фотоаппаратами. На фотографиях я получусь неважно.

Это был всего-навсего разносчик пиццы. Я совсем забыл о своем заказе.

Я вернулся в комнату с коробкой в руках. Положил ее на стол. Обессилено упал в кресло. Неужели я так и буду терять сознание от каждого звонка?

Словно, чтобы проверить это зазвонил телефон.

Я повторил трюк с превращением в рыбу. Правда, на этот раз пришел в себя достаточно быстро. После пятого звонка я снял трубку.

- Видел? - вместо «привет» сказала Вик.

- Да, - мрачно ответил я.

- Круто, правда?

- Круче не бывает. Ты можешь объяснить, что там произошло?

- Кусотарэ. [27] Сам не понимаешь? Кто-то пришел после нас. И прикончил этих парней. Кто и зачем - не знаю. Не спрашивай.

- И что нам теперь делать?

- Ты не забыл, что должен помочь мне в моем деле?

- Какая помощь?! Ты что, не понимаешь, чем нам все это грозит? Полиция начнет искать убийцу. И запросто может выйти на нас. Думаю, следов мы оставили достаточно, чтобы нас мог найти трехлетний ребенок... Как мы докажем, что не убивали? А если и докажем, то все равно ограбление остается на нас. И разбитые головы тоже, между прочим. Это ты понимаешь?

- Понимаю, - равнодушно сказала Вик. - И что дальше? Можно не выполнять своих обещаний?

- Каких обещаний?

- Ты обещал, что будешь со мной эти дни.

- Не помню, чтобы я обещал. Ты просила, да. Но я ничего не обещал.

- Ах, вот как?

- Да, так! - закричал я. Нервы имеют обыкновение не выдерживать. - Да, именно так! Ты втравила меня в эту историю! Ты сделала из меня преступника. Меня могут обвинить в убийстве! Вся моя жизнь летит к чертям! Из-за тебя! А ты еще смеешь упрекать меня в том, что я не сдержал обещаний, которых, кстати, и не давал.

- Не ори. Не понимаю, как одно связано с другим? Больница - это больница. Тут уж мы ничего сделать не можем. Найдут, так найдут... А обещание есть обещание. Его нужно выполнять. Хоть землетрясение, цунами или истерика у взрослого мужика.

- Я ничего тебе не обещал, - вяло сказал я. Когда воздух выпущен, шарик сдувается.

- Ну, хорошо. Не обещал. Но ты ведь это сделаешь для меня?

- С какой стати?

- Как друг... - тихо сказала Вик.

- Не думаю, что мы друзья. Ты просто используешь меня. Манипулируешь. Друзья так не поступают... Я больше не хочу быть инструментом.

- Тогда придется звонить, - в ее голосе было неподдельное огорчение.

- Куда?

- В полицию... Они просили свидетелей обращаться. Даже телефон оставили.

- А зачем тебе туда звонить?

- Как зачем? Сказать, что знаю, кто бил по голове тех парней.

- Ты этого не сделаешь...

- Сделаю.

Сделает. Точно сделает.

- Ладно, ты подумай пока. Завтра утром я позвоню. Прими какое-нибудь решение. Я от тебя не так уж и много требую. Мяу!

И бросила трубку.

Готя-готя.

Я встал и прошелся по комнате.

Готя-готя.

Да уж... Кто бы мог подумать! Я ожидал от нее чего угодно, только не шантажа.

Само собой, выбирать мне не приходилось. Придется сделать так, как она хочет. Лучше поиграть в ее игры, чем иметь дело с полицией. Хотя в ее игры я уже поиграл. Вот чем закончилось дело. Да и закончилось ли? Там ведь были эти чертовы подростки. Они вполне могли запомнить машину. И нас с Вик. Куда мы пошли, они не видели. Но полиция так и так свяжет непонятную машину и убийство в больнице. Проще простого!

Кто же мог убить тех парней? Войны якудза... Черта с два. Эти ребята убивают не для удовольствия. Они бизнесмены, а не маньяки. Многочисленные ножевые ранения. Трупы изуродованы. Непохоже на работу профессионалов. Бывают, конечно, убийцы, совмещающие приятное с полезным. Смерть для них не работа, а призвание. Но это редкость. Так же, как проститутки, получающие удовольствие от своей работы.

Нет, по телевизору могут говорить все, что угодно. Но это не мафия. Не наемные убийцы. Это свихнувшийся, к чертям, маньяк.

Вопрос: как он сумел оказаться в нужное время в нужном месте? Совпадение? Вероятность такого совпадения один к миллиону. Если не меньше.

В голове полная каша.

Я подошел к столу и посмотрел на коробку с пиццей. Надо было заставить себя перекусить. Мне нужны силы. История еще не закончилась. Более того, она только начиналась.

Я открыл коробку. И отдернул руку, будто увидел змею.

вернуться

26

В японском языке существует множество обозначений для передачи в тексте или в манге тех или иных природных и искусственных звуков. Готя-готя (gocha-gocha) – «охо-хо», звук трудной ситуации.

вернуться

27

«Идиот, дебил». Буквально – «голова из дерьма».

Никаких змей, конечно, в коробках с пиццей на дом не приносят. Но... приносят кое-что другое.

В самом центре остывшей пиццы, сочные кусочки анчоусов были сложены так, что образовали слова. Кто-то очень заботливо подогнал их друг к другу. Мне даже не пришлось присматриваться, чтобы понять, что там написано.

«Иди в BAR».

Кто бы мог подумать...

Время сделать паузу. Когда мне было лет десять, я мечтал о пульте дистанционного управления людьми. Обыкновенный пульт. Четыре кнопки: *play, pause, stop, rewind*. И, ладно, пятая кнопка – *power*. С теми же функциями, что и в пультах управления видеоманитофоном. Очень удобно. Нажал на паузу – человек замер. Перемотал немного назад, снова включил воспроизведение – он повторил то, что сказал или сделал. Если надоел – перемотал вперед и вежливо попрощался. А то и вовсе выключил. Сиди себе, занимайся своими делами. Полезная штука. Особенно когда тебя достают.

Сейчас мне захотелось перемотать самого себя на пару недель назад. До того момента, когда что-то пошло не так. Ошибка в программе, которая привела к сбою всей системы. Хорошо бы вернуться в точку восстановления.

Но это невозможно.

Остается только одно – нажать кнопку *pause*. Может быть, еще удастся внести какие-то исправления. Для этого нужно понять, что нуждается в исправлении.

Я сходил на кухню. Достал из холодильника бутылку «Асахи». Вернулся в комнату и сел в кресло. Рядом на журнальном столике лежала пицца с выложенной анчоусами запиской.

«В нашем кафе вы можете заказать пиццу с надписью, способной свести адресата с ума. Приятного развлечения!»

С чего-то нужно было начать. И наверное, с того, что все происходящее со мной в последнее время – полнейшая ерунда. Такого быть не может. И точка. Не бывает лиц, превращающихся в маски. Время не останавливается, как старые часы. Обезьяны не ходят по городским квартирам и не пьют пиво из чужого холодильника. Наконец, клочки бумаги не появляются в закрытой комнате. Про пиццу даже не хочется говорить.

Я решил сделать табличку. В одной графе записать все необычное, что случилось со мной. В другой – все, что вполне нормально и объяснимо.

Провозившись минут двадцать, понял, что затея бесполезна. Вопросов возникло куда больше, чем ответов. Что считать нормальным? Если разобраться, то все события последних дней – полный бред. Или не совсем полный. Частичный.

Например, Вик. Даже без того случая с маской в ресторане. Нормальные девушки не воруют хлороформ из больниц. И не крушат головы фонариками. Да и сама идея самоубийства. Вернее, логическое обоснование необходимости самоубийства... Этого хватит, чтобы ею заинтересовался психиатр.

Маска. Ресторан. Замершие люди. Объяснить можно только как галлюцинацию.

У меня не было проблем с головой. Не было психически больных родственников. Может человек без всякой причины слететь с катушек? Не знаю...

Бар... Если бы не эти записки, его с натяжкой можно было бы назвать обычным. Ну и если не считать бармена, слишком философствующего для простого бармена. Так вот, если не считать всего этого... Но «если» не оставляет ему шансов. Наверное, придется посчитать.

Про обезьяну и говорить нечего. Либо мистика, либо помешательство. В мистику я не верю. То,

что остается, неутешительно. Хотя и маловероятно.

Больница? Да, там все реально. Никаких чудес и галлюцинаций. Если не считать чудом то, что нормальный, уравновешенный, скучный, как старый пиджак, клерк принимает активное участие в совершении преступления. Без малейшей выгоды для себя. Без малейших к тому причин...

И ни одно событие никак не связано с другим. Во всяком случае, я никакой связи не вижу. Хотя не вижу - не значит нету. Но от этого не легче.

Тупик.

Я посмотрел на пиццу. В ней ничего не изменилось. «Иди в BAR».

У меня перед глазами возникла тусклая вывеска.

Абсолютный тупик.

Последовать тому, что написано - признать, что те события, в которые я оказался втянут, реальны. По крайней мере, для меня. А что отличает сумасшедшего человека от нормального? Реальности. У одного - одна, у другого - другая. Вопрос качества, а не количества. Для обеих она настоящая.

Не последовать - остаться в тупике.

А если сформулировать по-другому: или идти в бар или к врачу.

Есть еще третий вариант. Самый бесперспективный. Последовать совету бармена и не делать ничего. Подождать. Все может решиться само.

В это я не верил.

Но именно так и сделал.

Поел пиццы, стараясь не обращать особого внимания на медленно исчезающую надпись, допил пиво и лег спать.

Глава 8

Утро было обычным. Настолько обычным, что я даже немного разочаровался. Когда привыкаешь к тому, что мир вокруг сходит с ума, его неожиданно наступившая нормальность сбивает с толку. Я словно проснулся после страшного сна. Страшного, но куда более интересного, чем настоящая жизнь.

Вик не звонила. Обезьяна не приходила. Гречневые хлопья не складывались в записки.

На мгновение мелькнула мысль, а что если это действительно был сон? Я посмотрел в коробку с пиццей. На оставшемся куске легко читалась латинская «В». Не сон. Но и не явь.

Нормальность чувствовалась во всем. В запахе кофе, во вкусе вишневого йогурта, в дробе дождя по подоконнику, в серой хмари за окном... Даже мебель в комнате излучала нормальность. Стол всем своим видом доказывал, что он всего лишь обычный стол. Кресло было таким обыкновением, что вызывало зевоту.

Ни намека на тайну или загадку. Ни капли мистики.

В такое утро не верилось, что в моей реальности была эта больница, обезьяна и девушка по имени Вик.

Так и не дождавшись телефонного звонка от нее, я отправился на работу.

Дисциплинированный, как часы. Завели – пошел. Когда завод кончится, надо завести снова, и я опять пойду. Кто и зачем меня заводит, мне не дано знать. Просто заводит и все. А я иду... Тик-так, тик-так, тик-так. Каждый занимается своим делом. Обреченность. Шестеренки вращаются, пружина сжимается, стрелки идут по кругу. Тик-так...

Рабочее утро я провел, вздрагивая от каждого телефонного звонка. Все чудилось, что вот-вот я услышу вежливый голос, от которого мурашки идут по коже даже у невиновных. Или увижу пару крепко сбитых ребят в поношенных пиджаках.

Вот они появляются на пороге офиса, подходят к закутку Ямады, что-то спрашивают. Он кивает и указывает на меня. У Ямады на губах ухмылка предвкушающего сытный ужин вампира. Они внимательно смотрят в мою сторону. И начинают приближаться.

От этих мыслей рубашка то и дело прилипала к спине. Богатое воображение. Припадки трусости. Ожидание неминуемого, как мне казалось, наказания. Черт бы побрал эту Вик!

Что же делать? Сидеть и ждать, когда полиция доберется до меня? Может получится очень интересный разговор. «Да, я был в больнице за несколько минут (или часов?) до убийства. Нет, ножом не пользовался. Только дубинкой. Знаете, такие тяжелые фонарики с длинной ручкой. Ими очень удобно бить по голове. Так что нож мне был не нужен».

Бежать? Куда? Как? Если всю жизнь прожил в одном городе и больше всего ценишь свой налаженный быт, мысль о побеге не доставляет удовольствия. Скорее наоборот, она вгоняет в депрессию. Только в книгах человек в один миг может превратиться в супермена. Под влиянием обстоятельств, как объясняют писатели. Несмотря на самые благоприятные для изменений *обстоятельства*, я оставался самим собой. То есть напуганным и растерянным человеком, потерявшим в жизни всякую опору. Что может сделать такой человек?

Обедать я отправился в ближайший тэйсёку-я. [28] Кормили там так себе, и бывал я там нечасто. Только когда совсем уж надоедало есть магазинный бенто среди разбросанных на столе бумажек.

Когда сигнал на обеденный перерыв превратил офис в столовую, я взял зонт и вышел на улицу.

Трудовые муравьи превратились в прожорливых термитов. Или в саранчу. На термитов они были похожи, пока двери ресторанчиков поглощали поток черных костюмов. Похожи своей организованностью, целеустремленностью и количеством. И конечно, голодом.

вернуться

28

Рестораны, где посетителям предлагают только комплексные обеды, которые обычно состоят из закуски «дзэн-сай», основного блюда, риса и напитка. Такие рестораны сосредоточены в деловых районах.

В залах идзакая и тэйсёку-я происходила метаморфоза. Колонны термитов превращались в тучу саранчи. Прожорливую, шумную, неуправляемую, хаотичную тучу, пожирающую все на своем пути.

На выходе из ресторанов происходило еще одно превращение. Последнее. Саранча снова становилась трудовыми муравьями. Сытыми, деловитыми, собранными, дисциплинированными. Объединенными высшей целью – строительством муравейника. Круг замыкался.

Я влился в поток термитов.

Но здесь в программе опять произошел сбой. Едва не ставший последним.

Задумавшись о жизни городских чудо-насекомых, я не заметил, как подошел к проезжей части. Река черных костюмов и разноцветных зонтов замерла у края тротуара, натолкнувшись на невидимую стену. А я продолжал шагать вперед. Термит-одиночка. Пораженный вирусом файл.

Автобус вырос рядом внезапно. Я почувствовал, как справа сгустился воздух, и услышал надрывный вой сирены и тормозов. И через мгновение увидел его тупую морду. Отражение серых облаков в лобовом стекле. Оскал решетки радиатора. И что-то еще. Это «что-то» никак не вязалось с автобусом. Вернее, с тем зрительным образом автобуса, который возникает при слове «автобус». Как если бы на тигриной морде были человеческие глаза. Сразу можно и не заметить. Сознание еще не успевает объяснить дикое несоответствие, но подсознание уже бьет тревогу. Вот нечто подобное было и в этом автобусе. Что-то катастрофически неправильное. Цунами, умеющее думать. Декабрьский ветер, обладающий собственной волей.

Впрочем, в тот момент ничего такого я не думал. Образ просто записался в подсознании, и оно дернуло за какую-то тревожную ниточку. Вот и все. Доля секунды. Я едва успел отпрыгнуть, ничего толком не сообразив. На одном инстинкте. Отпрыгнул и врезался в плотную упругую толпу. Чьи-то руки помогли устоять. Меня обдало облаком мелких брызг, летящих из-под колес, и теплом нагретого двигателя.

У меня капля пота на затылке... [29]

Автобус тут же скрылся за поворотом. Единственное, что я успел разглядеть, – аляповатую рекламу на заднем стекле. Что там изображено, я не понял. Режущее глаз сочетание красок. Настолько кричащее, что хотелось зажмуриться. Выделялась лишь одна деталь. Написанное по-английски слово BAR. Четкая черная надпись. Возможно, это реклама какого-то заведения. Вполне возможно. Даже скорее всего.

Но я воспринял это по-своему.

Время вежливых приглашений прошло.

Мне намекнули, что теперь разговор будет вестись иначе.

В тэйсёку-я страх и волнение постепенно улеглись. Хотя и не совсем. Руки еще подрагивали. Я зашел в туалет и кое-как привел свой костюм в порядок. Потом вышел в зал, нашел свободное место у стойки и сделал заказ. Аппетита не было.

Вяло прихлебывая мисо, я снова и снова прокручивал в голове то, что случилось. Точнее, то, что я увидел, когда автобус завизжал тормозами. Не исчезало ощущение какой-то неправильности в нем. Чем больше я об этом думал, тем сильнее убеждался – что-то в том автобусе было не так. Я даже прикрыл глаза, чтобы лучше представить себе всю картину.

Светлый автобус, синяя широкая полоса внизу. Кажется, Nissan Civillian. Черная решетка радиатора. Такой же черный бампер. Отражение облаков, домов и проводов в лобовом стекле. Плавное движение «дворников», слишком больших даже для автобуса... Разводы дождевой воды там, где они прошли... Вроде ничего необычного. Но была еще одна деталь, крепко засевшая в подсознании и не желающая вылезать наружу. Она и не давала мне покоя. Так бывает, когда силишься вспомнить, как выглядит какой-нибудь иероглиф. Знаешь, что писал его не раз. Знаешь, что если напрячь память, обязательно вспомнишь. Но его тень скользит по самому краю сознания. Ее никак не ухватить.

Промучившись минут десять, я оставил попытки. Бесполезно. Я принялся за темпуру. Все уже остыло. Я макал холодные куски в соус и отправлял их в рот, совершенно не чувствуя вкуса. Надо было поторапливаться. Обеденное время подходило к концу. Несколько раз я поймал на себе взгляд соседа. Совсем молодой парень. Наверное, только-только закончил университет и перешел на последнюю стадию обработки человеческого материала обществом развитого капитализма. Через пару лет из него сделают образцового трудового муравья. Отлично подогнанный, идеально прилегающий к остальным деталям механизма винтик. Уже сейчас видны результаты обработки. Безупречная прическа. Ослепительная рубашка. Пока недорогая, от *Lad Musician*. Но в ней он проходит недолго. Достаточно взглянуть на сосредоточенное лицо. Весь собранный и жесткий, как сжатый кулак.

Мы встретились взглядами.

Глаза у него еще не были муравьиными.

Мне показалось, что он хочет что-то сказать. Даже приоткрыл рот. Но в последний момент передумал, резко поднялся, взял зонт и направился к выходу. Недорогой, но отлично сидящий костюм. Безукоризненная осанка, которую так и хотелось назвать выправкой. Одно портило всю картину и превращало его в комический персонаж – огромные оттопыренные уши. Сзади это было очень хорошо видно. Чудовищные уши. Фантастические. Растущие строго перпендикулярно голове. Когда он сидел в профиль, они не так бросались в глаза. Но теперь... Уши придавали его голове что-то обезьянье. Обезьян почему-то рисуют именно с такими ушами. Большими и нелепыми. Обезьян...

И тут меня осенило. Кусочек темпуры плюхнулся в соус. Коричневые капли попали на рубашку. Но я этого даже не заметил.

Перед глазами совершенно ясно возникло лобовое стекло автобуса. Та часть, где сидит водитель. Именно здесь и заключалась неправильность. Не в самом автобусе, а в том, кто им управлял.

За рулем сидела обезьяна.

Я вытер пот со лба.

Да, этого не может быть. Но видел я именно обезьяну. Светло-коричневую обезьяну. Хотя быть этого не может.

Бытьэтого не может бытьэтого не может!

Мокрая рубашка прилипла к спине.

Но видел я именно обезьяну.

К горлу подкатила тошнота. Резко и неудержимо. Я едва успел добежать до туалета.

Там меня вырвало.

Потом еще раз и еще.

Мои слезы текут градом.

Мой желудок сжимает чья-то огромная холодная ладонь и пытается вытащить его наружу.

Мое горло горит. Во рту резкая горечь сои и желчи.

Я не успеваю отдышаться, как накатывает новый приступ рвоты.

Наконец, когда показалось, что меня всего вывернет наизнанку, как перчатку, желудок успокоился. Я привалился к стене и судорожно всхлипнул. Несколько минут приходил в себя. Потом умылся, сполоснул рот. Избавиться от кисло-горький привкуса не удалось. Рубашка испорчена окончательно. Пятна соевого соуса и блевотины в туалете не отстираешь. Придется идти так.

Я вышел на улицу. Капли дождя на лице. Легкий ветерок. Звон в ушах. О полиции я больше не думал...

Садясь за свой стол, поймал взгляд Ямады.

Я представил, как бы он посмотрел на меня, скажи я ему, что меня только что чуть не сбил автобус, за рулем которого сидела обезьяна.

Вкрадчивое шипение: «Котаро-кун, обезьяна за рулем, это, безусловно, очень интересно. Надо обязательно сообщить в дорожную полицию. А пока давайте я проверю ваше зрение. Может быть, вы все-таки ошиблись?» И жесткие узловатые пальцы, тянущиеся к моим глазам.

Я подавил нервный смешок. Обезьяна за рулем автобуса... Ха-ха-ха. Если бы мне кто-нибудь сказал такое, я бы предложил ему провести несколько дней в тишине и покое.

Вообще-то отдохнуть не помешает. У меня были планы на отпуск. Хотелось провести две недели где-нибудь вне Токио. Но, видимо, придется проститься с этой идеей. Необходимо привести нервы в порядок. Еще немного, и я не выдержу. Поэтому нужно украсть хотя бы два-три дня из отпуска.

И желательно все-таки уехать из города. Куда? Неважно. Главное, уехать. Можно хоть в Беппу. [30] Хотя... Надо будет еще решить вопрос с Вик. Почему-то она не позвонила утром. Уж не обратилась ли в полицию, не дожидаясь моего решения? Вряд ли. Я ей зачем-то нужен. В рассказы об открытках отцу я не верю. Скорее всего, у нее другие цели. Какие, я не знаю.

вернуться

29

Еще один традиционный прием в системе образов манга и анимэ. Капля пота на затылке - персонаж нервничает или боится.

вернуться

30

Популярный курорт на острове Кюсю.

Ладно, с Вик разберусь потом. Для начала нужно выпросить себе несколько дней отдыха.

Я украдкой взглянул на Ямаду. Тот точил карандаш. Не знаю, о чем он думал в этот момент. Лицо – как у ребенка, отрывающего крылья бабочке. И в то же время – обычный начальник отдела. Пожалуй, если не присматриваться, и правда, нормальный парень. Но присмотрись – он человек, который вполне может изрезать на куски остывающий труп... Или воткнуть нож в лежащего без сознания человека.

Небольшой отпуск мне нужен, как воздух. Но никак не заставить себя обратиться к Ямаде. Рядом с ним я чувствую себя той самой бабочкой, которую осторожно сняли с цветка и поднесли к глазам, чтобы решить, с какого из крылышек, покрытых пылью, начать.

Пока я собирался с духом, рабочий день подошел к концу. Опять нарушив традиции, я выскочил из-за стола, едва заиграла музыка.

У самого выхода меня поджидал Ямада-сан.

– Вы неважно выглядите последнее время, Ито-сан, – участливо сказал он. – Мне бы очень не хотелось, чтобы причиной этого была нагрузка, которую вы получаете на работе. Если вам тяжело, скажите, мы подыщем вам не столь обременительное занятие.

Это было прямой угрозой.

– Нет-нет, – сказал я. – Со мной все в порядке...

– Извините, но мне так не кажется, – в голосе, как в стакане виски, позвякивают кубики льда. – У меня такое впечатление, что вы слишком устали от работы. Знаете, как это бывает, иногда человек просто не рассчитывает силы. Ему кажется, что он может приносить большую пользу людям на своем месте, а на самом деле только вредит им и себе. Я не говорю конкретно про вас. Вы замечательно справляетесь со своими обязанностями. Но стоит ли достигать этого такой ценой?

– Я...

Он жестом остановил меня.

– Иногда усталость является не главной причиной. Я вполне допускаю мысль, что основная проблема лежит за пределами офиса. Такое ведь тоже случается. Человек попадает в какую-нибудь неприятную историю... Например, проигрывается в автоматы, заводит неподобающее знакомство, нарушает закон...

У меня пересохло в горле.

– Конечно, я не думаю, что у вас дело зашло так далеко, – он улыбнулся. Тонкие губы чуть разошлись в стороны, обнажив редкие острые, как у хорька, зубы, – но, тем не менее, вы очень беспокоите меня.

- Вы правы, Ямада-сан. У меня есть некоторые трудности, но обещаю, что на работе это никак не отразится. Если возможно, я хотел бы попросить несколько дней в счет моего отпуска. Надо уладить кое-какие дела.

Он смерил меня долгим взглядом. Словно раздумывал, с какого места начать меня расчленять. Так и не решив, улыбнулся:

- Поверьте, мне очень жаль, но именно сейчас фирма набирает обороты. Очень много заказов. У нас на счету каждый сотрудник. Давайте вернемся к этому разговору через пару месяцев. Возможно, я смогу для вас что-нибудь сделать.

Черта с два. Мне ли не знать, что как раз сейчас контора находится в спячке.

Я поклонился. Продолжать разговор бессмысленно. Он ни за что не даст мне отпуск.

- Ступайте отдыхать, - сказал Ямада, - И впредь будьте осторожны с соусом.

Мне почему-то показалось, что знает он гораздо больше, чем показывает. Впрочем, сейчас мне до черта много всего казалось.

Домой. Быстрее домой. Принять душ, переодеться, привести себя в порядок. Для начала тело. Потом мысли. Подумать было над чем. У меня появилась зацепка.

Обезьяна связана с баром. Это очевидно. Обезьяна за рулем автобуса. Позади автобуса реклама с бросающимся в глаза словом BAR. Надпись один в один похожа на вывеску заведения. О том, что это простое совпадение, не может быть и речи. Обезьяна и бар. Бар и обезьяна. Что у них может быть общего?

Внезапно я поймал себя на мысли, что вполне всерьез думаю об этом. Даже замедлил ход. Спешащий по своим делам парень в мешковатых штанах и бейсболке налетел на меня и выругался сквозь зубы. Я машинально извинился.

Как быстро человек перестает различать реальность и игру воображения. Вернее, начинает принимать одно за другое.

Ведь не может быть обезьяны за рулем. Хотя... Почему нет? То, что она пришла ко мне ночью в квартиру и пила там пиво, с очень большой натяжкой объяснить рационально можно. Наверняка можно объяснить и обезьяньи гонки по Токио.

Почему я убедил себя, что там была именно обезьяна? Это мог быть водитель в коричневой рубашке, очень маленький. И чем-то похожий на обезьяну. Возможно такое? Запросто. Скорее всего, так и было. Но нервотрепка, усталость, постоянные мысли об обезьяне, шок - и пожалуйста, воображение играет злую шутку. Если бы я не забивал себе голову всякой чепухой, никакой чепухи и не было бы.

Да и сколько я смотрел на тот чертов автобус? Секунду? Долю секунды? За это время ничего разглядеть невозможно. А вот увидеть можно все, что угодно. Хоть Кинг-Конга.

С рекламой еще проще. Слово BAR там действительно было. Точно. Я разглядел его наверняка. И что? Почему на автобусе не может быть рекламы бара? Опять же дело только во мне. Не будь тех записок, я бы и внимания не обратил на эту надпись.

Да, но записка-то была. И пицца тоже. Так же, как и абсолютно четкое ощущение чего-то

неправильного, пугающего в том автобусе. Все это было.

Нервы, усталость, шок.

Круг замкнулся.

И похоже, самому мне из него не выбраться.

Глава 9

У двери моей квартиры сидела Вик. Точь-в-точь как тогда, в памятный вечер ограбления клиники. И с тем же рюкзачком, при виде которого меня бросило в дрожь.

Правда, на этот раз она была настроена вполне дружелюбно. Увидев меня, встала, отряхнула сзади брюки и улыбнулась.

- Привет, - сказала она, - Не ждал?

- Честно говоря, нет.

- Выглядишь неважно. - Она озадаченно посмотрела на мою рубашку. - Ты что, блевал?

Поразительная пронизательность.

- М-м-м, - промычал я, открывая дверь.

Мы зашли в квартиру. Переступая порог, я немного забеспокоился. Не будет ли еще каких-нибудь сюрпризов вроде записок и обезьян?

В прихожей все было в порядке.

В комнате тоже.

Не обращая внимания на Вик, я стянул грязную рубашку и упал в кресло. Закрыв глаза.

- Тяжелый день? - участливо спросила Вик.

- Скорее, тяжелая неделя.

- Что случилось?

- Из последних новостей - меня чуть не сбил автобус.

Про обезьяну я решил ничего не говорить.

- Автобус? Ничего себе! Как это случилось?

Я коротко рассказал.

- Большая была у него скорость?

- Приличная. Замешкайся я на мгновение, отмывать сегодня автобус было бы куда сложнее.

Вик задумалась о чем-то. В этой задумчивости она прошла несколько раз по комнате, села на

краешек стола, слезла, опять прошла туда-сюда и, наконец, остановилась напротив меня.

Я равнодушно следил за ней, закинув руки за голову.

- Нет, - пробормотала она. - Хлороформ лучше. С автобусом может не повезти. Как заранее узнаешь, где и когда по улице с достаточной скоростью пронесется автобус? Никак. Можно неделю прыгать под колеса. Наудачу. И отделаться парой переломов.

- Ты о чем?

- О том, что кончают жизнь самоубийством, прыгая под колеса только дураки. Очень ненадежный способ. Хотя сегодня тебе повезло...

- Да что ты говоришь? Мне так не показалось.

Она пожала плечами. В глазах ясно читалось: придурок.

- Я пока не стала звонить в полицию. Решила, сначала с тобой поговорить.

- Ты хотела поговорить по телефону, - напомнил я.

- Не люблю телефон. Не люблю компьютеры и тамагочи. Не люблю еду из микроволновки. И рис из рисоварки. Секс с презервативом тоже не люблю. Лучше уж онанизм.

Все это она сказала, вышагивая по комнате. Совершенно ровным голосом. Никаких эмоций. Так читают незнакомые тексты, изучая иностранный язык.

Я пропустил ее признания мимо ушей. У меня есть тоже много чего такого, что я не люблю. Но это исключительно мое дело. Рассказывать об этом не собираюсь. И не горю желанием выслушивать высказывания из разряда «я не люблю» от других. Не любишь - не пускай в свою жизнь. Очень просто. Получается не сразу, конечно. Тут главное понять, что ты действительно не любишь. Как ни странно, не всем это удается. А от разговоров толку мало.

- Не хочешь сходить куда-нибудь? - опять остановившись напротив меня, спросила Вик.

- Ограбить еще какое-нибудь заведение?

- Нет, - она даже не подумала смутиться, - просто выпить. Ну, или пройтись.

- Сегодня я нагулялся. До сих пор, как вспомню, бросает в дрожь...

- А о чем ты думал в этот момент? - она уселась на пол.

- Когда?

- Ну, когда увидел прямо перед собой автобус? И когда понял, что вот-вот можешь погибнуть? Что ты почувствовал?

- Ничего, - честно ответил я.

- Неужели ни одной мысли? Говорят, что в такие моменты человек вспоминает всю свою жизнь...

- Ничего подобного не было.

- Ужас? Панику? Дикое желание жить?

- Я же сказал: ничего я не чувствовал и ни о чем не думал. Даже толком не понял, что происходит.

Вик выпятила нижнюю губу.

- Такой момент, а ты ничего не можешь рассказать...

- Прости. В следующий раз буду внимательнее. Специально для тебя.

- Ха-ха-ха, - сказала она. - Ну так что, давай выпьем где-нибудь?

И тут мне в голову пришла одна мысль. Кажется, дельная.

- Хорошо, - кивнул я. - Пойдем, выпьем. Тут недалеко есть одно местечко. Тебе понравится.

Я принял душ, почистил зубы, надел чистую футболку и джинсы. На все ушло минут двадцать. За это время я окончательно утвердился в правильности своей идеи.

Мне нужен независимый наблюдатель. Свидетель. Своего рода арбитр. Желательно, конечно, чтобы у него с головой все было в абсолютном порядке. У Вик не все в порядке. Это минус. Но в любом случае, одинаковых галлюцинаций у нас быть не может. Если она и не совсем нормальна, то ее ненормальность здорово отличается от моей. Так что на нее можно положиться.

Главное, чтобы она не затеяла очередное побоище. Кто знает, что у нее на уме...

- Куда идем? - спросила Вик, когда мы оказались на улице.

- Я же сказал, тут неподалеку есть одно неплохое место. Бар. В американском стиле. Там нет вообще ничего японского. Ни одного намека на то, что мы в Японии.

- Он тебе этим так понравился?

- Да нет. Там очень интересный бармен. Старый негр растаман.

- Чем может быть интересен старый негр растаман?

- Увидишь, - тоном я дал понять, что говорить больше не хочу.

Мне нужно было вспомнить дорогу. Не то чтобы я сомневался, что найду ее. Но все-таки я был здорово пьян, когда шел оттуда. Как бы не запутаться.

В полном молчании мы прошли два квартала. Людей на улицах хватало. Яркие вспышки неоновых вывесок, отблески на мокром асфальте, шумные стайки молодежи, огоньки проезжающих машин. Обычный вечер обычного города. Цель нашего похода казалась мне теперь абсурдной.

Еще полчаса назад я жаждал положить конец всей этой истории. И Вик должна была помочь мне. Но сейчас, глядя на беззаботные лица прогуливающихся людей, освещенные витрины магазинов, огни фонарей, на всю эту привычную уличную ярко-шумную суету, я казался сам себе обыкновенным психом.

Тем не менее, менять решение я не стал. Если я псих, то хочу в этом убедиться. Если все-таки нет – должен найти объяснение всему происходящему.

Я скосил глаза на Вик. Она опять шла, не разбирая дороги. Со своим рюкзачком за плечами... Типичная студентка. Только слишком погруженная в себя. Хотя это ведь не преступление.

Кстати, о преступлении... Я снова ощутил приступ страха. Интересно, закончатся они когда-нибудь, эти приступы? Ни в одном детективном романе не написано, сколько лет проводит в страхе удачливый преступник. Все они заканчиваются на том, что герой успешно уходит от полиции. А потом летит проматывать краденые денежки куда-нибудь на Гавайи. В жизни все не так. В жизни все самое неприятное начинается как раз тогда, когда тебе удается уйти с места преступления. Теперь я знаю точно. Осталось выяснить, когда же можно будет вздохнуть спокойно. Надеюсь, мне это удастся.

Из газет и тех же детективов я знал, что подобные преступления раскрываются по горячим следам. Или не раскрываются вообще. Прошло два дня. Интересно, сколько дней следы можно считать горячими. Я пожалел, что у меня нет ни одного знакомого в полиции. Было бы полезно поговорить с приятелем-следователем. «Я тут ввязался в неприятную историю. Проломил голову одному нехорошему парню, а его потом зарезали. Как думаешь, сколько времени понадобится вашим, чтобы вычислить меня и убийцу?» – «Если через неделю не придут с ордером на арест, можешь спать спокойно».

– Эй, долго нам еще? У меня ноги уже мокрые, – Вик вернула меня из кабинета следователя на вечернюю Окубо-дори.

– Да вроде нет, – неуверенно ответил я.

На самом деле, мы уже должны были прийти. От моего дома до бара – самое большее три квартала. Их мы уже прошли. Я не видел ничего похожего на ту маленькую улочку. Неудивительно, успокоил я себя, в том состоянии, в котором я был тогда, можно было ошибиться. Один квартал принять за два, а два за четыре. Очень просто. Если попытаться, все можно объяснить.

Мы прошли еще немного. Я уже перестал узнавать места. Тогда решил повернуть налево, потом еще раз налево и замкнуть круг. Беспроигрышный вариант. Во всех книжках это срабатывало на сто процентов.

В книжках, но не в жизни. Круг-то мы замкнули. Но с тем же успехом могли двигаться по прямой. Какая разница, как промокнуть и устать, – блуждая по кругу или бредя прямо? На собственном опыте я понял, что разницы абсолютно никакой.

– Ну? – сказала Вик, – Попытаешься еще раз или прекратишь валять дурака?

– Попытаюсь, – ответил я.

Ничего особенного. Остается еще один вариант. Начать путь не от дома, а от станции Накано. Ведь к бару я вышел с той стороны. Правильно определить исходную точку, и все проблемы с ориентировкой решаются. Во всяком случае, если мыслить логически, должно получиться именно так.

Кратчайшей дорогой мы направились к метро. Вик опять ушла в себя. Вот и хорошо. Не хватало только ее комментариев. А так – дергай время от времени за рукав, чтобы не врезалась в какого-нибудь зеваку и думай спокойно о своем. Если бы не морозящий дождь, получилась бы

неплохая прогулка.

Хитрый ход, задуманный мною, дал нулевой результат. Один раз я увидел улицу, похожую на ту, где располагался бар. Мы свернули в нее и прошли два раза туда и обратно. От начала до конца. Никакого бара. Пара крошечных мисэ да ятаи [31] и все.

Мы зашли в одну из лавочек. Владелец, он же продавец, старик с торчащими из ушей пучками седых волос, подслеповато прищурился глядя на нас.

- Добрый вечер. Извините, мы немного заблудились... Вы не подскажете? Где-то здесь недалеко небольшой бар. Его владелец гайдзин, негр, достаточно пожилой. Я был там не так давно, но вот теперь не могу найти...

- К сожалению, ничем не могу вам помочь, я не очень интересуюсь барами. К тому же хозяева которых гайдзины. Так что мне очень жаль.

В переводе это означало - нечего-шляться-по-кабакам-тем-более-по-иностраным-даже-если-бы-знал-ничего-бы-вам-не-сказал... И так далее.

Вик шумно чавкала жвачкой. На старика она смотрела, как на засохшего паука, благополучно сдохшего в центре собственной паутины.

Мне осталось только поклониться и выйти.

- Куда теперь? - спросила она, когда мы оказались на улице.

Я пожал плечами. Что я мог ответить? Бар где-то в этом районе. Я был уверен. Но вот где эта чертова улица?

- Давай сделаем еще одну попытку, - сказал я. - Мне очень нужно найти это место.

- Зачем?

- Долго объяснять. Но это очень важно для меня.

- Хо-ро-шо, - отчеканила Вик и выплюнула жевательную резинку под ноги, - Давай сделаем еще одну попытку, Котаро-тян. [32]

Я скривился, но ничего не сказал. Мне нужен бар и мне нужна Вик. Придется потерпеть.

Еще час мы бродили по улицам. Прохожих стало меньше. Машин - тоже. Восточная окраина Накано это все-таки не Гинза и не Сибуя, [33] хотя и близко.

вернуться

31

Автомат-закусочная.

вернуться

32

В японском языке существуют так называемые *именные суффиксы*, то есть, суффиксы, добавляемые в разговорной речи к именам, фамилиям, прозвищам собеседника. Используются для обозначения социальных отношений между говорящими. – Тян – аналог «уменьшительно-ласкательных» суффиксов русского языка. Обычно используется по отношению к младшему собеседнику, с которым складываются близкие отношения, например, при обращении взрослых к детям, молодых людей к любимым девушкам. Употребление этого суффикса по отношению к не очень близким людям, равным говорящему по положению, – невежливо. Девушка, обращающаяся так к мужчине, с которым не имеет близких отношений, по сути, хамит.

вернуться

33

Районы Токио.

Через час я понял, что все бесполезно. Бар куда-то исчез. Да что там бар, исчезла целая улица. Словно кто-то взял и перетащил ее на другой конец города. Ага, за пару дней.

Я валился с ног. Вик тоже. Надо отдать ей должное, за весь час она не проронила ни слова. Шла молча. Пыхтела, хмыкала, сплевывала себе под ноги, что-то насвистывала, но ничего не сказала. Я тоже был нужен ей. Нужда друг в друге заставляет проявлять человека чудака терпимости. Даже любовь на это не всегда способна.

На всякий случай, я побродил еще немного. Чуда не произошло. Улицы с баром не было. Ничего даже отдаленного похожего.

- Ладно, бесполезно. Ничего мы не найдем. Он куда-то исчез. Бар-невидимка...

- А ты уверен, что он был?

- Не понял?

- Ну-у... Сначала обезьяна, потом этот бар.

Я поежился. Действительно, со стороны можно сделать определенные выводы. Но ведь не мог же я напиться в собственной галлюцинации! Похмелье было абсолютно реальным.

- Если уж с баром-невидимкой не получилось, давай зайдем хоть куда-нибудь, – сказала Вик.

Я вяло кивнул.

- Ты знаешь, что есть поблизости? – спросила Вик. – Хотя... Лучше не надо. Направление выбираю я.

- Делай, как знаешь.

Мне было все равно. Я потерпел поражение. Мой замечательный план провалился. С оглушительным треском. Кто-то мог от души повеселиться.

А ведь это мог быть неплохой ход. Прийти в бар с Вик и в упор спросить бармена о записках и обезьянах за рулем. Неважно, что бы он ответил. Скорее всего, стал бы все отрицать. Но улови

я хоть малейшую фальшь, все было бы понятно – вокруг меня происходит что-то ненормальное. В обратном случае – ненормален я сам... Логично? Вполне.

Однако я слишком озабочен этим вопросом. Почему бы не сходить к врачу? Вместо того, чтобы устраивать нелепые проверки... Просто обратиться к психологу и рассказать ему обо всем.

Но тогда, возразил я сам себе, неминуемо поставят диагноз. А может быть, направят на лечение в какую-нибудь клинику с щадящим режимом. Кому ты будешь нужен после психушки?

Да, да, называй все своими именами. Именно после психушки, а не какого-нибудь центра реабилитации или релаксационного стационарного комплекса. Эвфемизмы ни к чему. Упекут в психушку. Будут пичкать таблетками, от которых постепенно у тебя перестанет стоять. Будешь рассказывать идиотские истории о своем детстве другим психам на групповой терапии. И заниматься полезным физическим трудом на свежем воздухе. Выращивать какую-нибудь репу...

Нет, репа от тебя не убежит. Пока ты можешь здраво рассуждать, не надо никуда идти. Вот если начнешь бросаться головой на стены... Вот тогда будет пора. А сейчас еще рано.

Мне захотелось рассказать Вик обо всем, что со мной произошло. Я понял, что уже почти две недели держу в себе это. Еще немного и меня просто разорвет. Бац! И стены домов в горячих скользких кусках мяса. То-то Вик заинтересуется таким оригинальным способом самоубийства. Очень эффективным. Надо ей посоветовать. Сойти как следует с ума, но никому об этом ни звука. И в один прекрасный день – бац!

- Вот здесь, по-моему, неплохо, – голос Вик вернул меня в реальность.

Мы стояли около обычного идзака. С караоке, толпой пьяных сарариманов и школьниц, подрабатывающих эндзё косай. [34]

- Может, найдем место потише? Мне бы хотелось с тобой поговорить. Рассказать кое-что.

- Где ты сейчас найдешь место потише? – спросила Вик.

Это была почти точная копия разговора на нашем первом свидании. Только мы поменялись ролями. Судя по выражению лица Вик, она тоже это помнила.

Мы зашли в бар. Уши сразу резанул пронзительный голос девицы поющей караоке. Кажется, что-то из репертуара Миюки Накадзимы. Точнее сказать сложно. Девица отчаянно перевирала мотив, компенсируя отсутствие слуха громкостью завываний. Она была уже порядочно пьяна. Рядом, за столиком, ее отчаянно поддерживала не менее пьяная компания. Трое мужчин в рубашках с расстегнутым воротом и ослабленных галстуках. Четыре девушки похожих одна на другую, словно их клонировали. Про себя я окрестил их овечками Долли.

Все остальные столики тоже были заняты. Официантка с каучуковой улыбкой с трудом отыскала для нас места. К счастью, подальше от надрывающейся девицы.

- Не самая лучшая идея – остаться здесь, – сказал я.

- Ты уже попытался найти что-нибудь потише. Хватит. Я не собираюсь провести всю ночь под дождем.

Возразить нечего.

Песня закончилась. Компания захлопала и одобрительно захохотала. Довольная девица заняла свое место. Вместо нее взяла микрофон одна из овечек.

- Что ты будешь пить? - спросил я.

- А ты что?

- Я виски.

- Ну тогда я тоже.

- Не крепко будет?

Вик безразлично махнула рукой.

- Возьми виски с колой, раз уж хочешь пить виски.

Снова взмах. Мол, делай, как хочешь.

Когда нам принесли заказ, другая овечка сменила у микрофона подругу. Овечка решила произвести на компанию впечатление. На сносном английском она завизжала «Нас не догонят» русской группы «Та-ту». Произвести впечатление ей удалось. Я и не предполагал, что *это* можно петь под караоке.

Гайсэны [35] и любители школьниц оживились.

- Ничего себе, - сказал я.

- В твоём баре-невидимке такого не услышишь, да? - то ли вопросительно, то ли утвердительно сказала Вик.

- Точно. Там очень тихо и спокойно. Жаль, что мы его не нашли.

- Наверное, ты порядочно набрался там, раз забыл дорогу.

- Набрался - да. Но мне кажется, не в этом дело.

- А в чем? - Вик прихватила губами соломинку. Прихватила очень мягко. Красивые чуть пухлые губы. Даже без помады они были достаточно яркими...

Я вспомнил ее крики там, в клинике. У меня вдруг потеплело внизу живота. Пришлось усилием воли отвести взгляд от ее губ.

- Так почему, по-твоему, мы не нашли этот дурацкий бар? - повторила Вик.

Она не заметила моего замешательства.

- Я думаю, что это из-за тебя... То есть, если бы я был один, я бы его нашел. А так он просто не захотел показываться тебе. Бар-невидимка. Такой же, как ты. Ну, в известном смысле, конечно. Когда хочет - он виден. Когда не хочет - идите слушать караоке. Такая вот теория.

Я сделал глоток Синтору. [36]

- Придунок.

Ничего другого я не ожидал.

- Может быть. Даже не представляешь, насколько ты можешь быть права.

Она непонимающе уставилась на меня.

И тут я не выдержал. Будь что будет, но я должен выговориться. Поймет она или нет - неважно. Мне нужен не ее совет, а простое внимание.

Я начал с того момента, когда ее лицо превратилось в жуткую маску. Рассказал про обезьяну, про негра в баре, про записку, про пиццу, про ту же обезьяну за рулем автобуса. Рассказал обо всех моих страхах и сомнениях.

Я говорил, говорил, говорил и не мог остановиться. Весенняя река прорвала плотину. Никогда не думал, что могу без перерыва произнести такое количество слов.

Лед в моем стакане растаял.

Во рту пересохло.

Пальцы бесцельно шарят по столу.

То и дело меня бьет нервная дрожь.

Говорить об этом мучительно. Но и замолчать я уже не могу.

Наконец, все закончилось. Река вышла из берегов, прорвала плотину, затопила пару деревень и иссякла. Несколько секунд я сидел, глядя в стол. Почему-то было страшно посмотреть в глаза Вик. Там я мог увидеть сочувствие, за которым прячется любопытство ребенка, разглядывающего калеку.

Не поднимая глаз, я взял стакан и сделал глоток.

Уже когда заканчивал свой рассказ, я знал, что болен. Здоровому человеку такое и в голову не придет. Даже в кошмарных снах. Я слетел с катушек. Тронулся. Меня отправят выращивать репу... И рассказывать идиотские истории из детства. А я совершенно не помню, до какого возраста писался. Вот незадача...

Я все ждал, когда Вик что-нибудь скажет. Но она молчала. Странно, но молчали и овечки, певшие караоке... И вдруг я понял, что в зале ресторана стоит мертвая тишина.

вернуться

34

«Свидания за деньги». Форма скрытой проституции, при которой старшеклассницы ходят на свидания со старшими мужчинами. Собственно до секса дело доходит редко.

вернуться

35

Гайсэн - «предпочитающий иностранцев» в сексуальном смысле.

вернуться

36

Марка японского виски.

Медленно, очень медленно, уже начиная понимать, что произошло, но отказываясь верить, я поднял глаза. Рука судорожно сжала стакан, поднятый на уровень лица.

Так и есть.

Я в музее восковых фигур. Вик исчезла. И на меня... внутрь меня смотрит маска.

Ледяной холод поднимается снизу от живота. Сковывает легкие, замораживает сердце. Я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Не могу дышать. Легким удается вобрать в себя кубический сантиметр воздуха. На выдохе они замерзают окончательно. Покрываются тонкой коркой льда.

Мои губы немеют.

Мои глаза превращаются в хрустальные шарик.

Моя воля парализована.

Я сам становлюсь восковой фигурой.

Единственное, что во мне живет и не дает окончательно заледенеть, - ужас. Он горячим, обжигающим комом ворочается внутри.

Рука больше не в силах держать стакан. Неподъемная тяжесть. Стакан скользит из пальцев.

В полной тишине он падает на пол. Из него студенистой медузой медленно выползает светло-коричневая жидкость. По стеклу расползаются тонкие трещины. Паутина трещин. Она растет. Количество нитей неудержимо увеличивается. Появляются все новые и новые. Они на глазах становятся шире, будто кто-то вбивает в эти трещины невидимые клинья. В щели просачивается коричневая медуза. От нее отделяются тяжелые маслянистые капли и медленно летят в разные стороны. Стакан перестает существовать, как единое целое. Он превращается в сотню ничем не связанных между собой осколков. Они неторопливо разлетаются, как космические челноки от орбитальной станции...

До слуха долетает слабое «дзинь». Это «дзинь» проделывает крошечную дырочку в непроницаемом покрывале тишины. И вслед за этим звуком разрывая тишину в клочья, в мое сознание вторгается голос. Он произносит:

- Обалдел ты, что ли, придурок?!

Вик раздраженно отряхнула брюки, на которые попало несколько капель виски с содовой. К нам уже спешила официантка. Несколько человек, смотрящих в нашу сторону, перехватив мой взгляд, вежливо отвернулись.

- Что с тобой? - спросила Вик уже спокойнее.

К горлу по очереди подкатывали смех и тошнота. Руки дрожали, будто я весь день таскал мешки с рисом.

- Ты не поверишь, - прохрипел я. - Опять было то же, что и в том ресторане. Маска. Ты превратилась в маску. В эту чертову маску...

Я вытер пот со лба.

Она посмотрела на меня, как ребенок на калеку. С любопытством, страхом и брезгливостью. Именно так. Словно прочитала несколько минут назад мои мысли.

- Ну и дела! А я-то думала, что это я ненормальная.

Мне принесли взамен разбитого стакана новый. Виски на палец. Остальное - лед и содовая.

- А раньше ты за собой никаких странностей не замечал? - спросила Вик.

- Да нет, - я потер лоб. - Ничего такого. Иногда даже поражался собственной нормальности. У всех есть какой-нибудь заскок. Ну, один руки по двадцать раз моет после туалета. Другой за ношенные женские трусики готов огромные деньги платить... Знал парня, который каждый вечер ровно в девять включал телевизор и записывал на бумажке, сколько раз и на каком канале скажут «извините». Я спросил его как-то, зачем он это делает. Знаешь, что он сказал? Успокаивает. Вот так. Просто успокаивает. Еще один катался в метро с листком бумаги и пытался нарисовать карту метрополитена. Ведет линию карандашом, поезд поворачивает, он тоже карандашом поворот отмечает и дальше ведет... Зачем? Интересно ему было. Короче, почти у всех моих знакомых был какой-нибудь заскок. У одних посерьезнее, у других совсем безобидные. А у меня ничего такого не было. Вообще ничего, понимаешь? Вот я и удивлялся иногда... Порой даже ущербным себя чувствовал. Парадокс. Чувствовал себя ненормальным из-за собственной нормальности.

- Ну, теперь ты можешь успокоиться. Нормальным тебя не назовешь. Видел бы ты себя минуту назад. Придурок. Ты меня напугал. Такое лицо было, будто ты кумо [37] увидел.

Я вспомнил маску. Меня передернуло.

- Скорее, Они, [38] - мрачно сказал я. - Не знаю, что со мной происходит. Похоже на сумасшествие... Но я не верю, что чокнулся.

- Зайди в любую психушку. Ты не найдешь никого, кто бы верил, что он чокнутый. Все считают себя нормальными.

- Да. Самое мерзкое, что я тоже так думаю. В смысле, что ни один псих не думает, что он псих. В этом плане я псих стопроцентный. Ну, с учетом обезьяны и маски, конечно.

- А ты не пробовал посмотреть с другой стороны? - спросила Вик. Похоже, что ее занимал этот разговор.

- С какой?

- Почему такая паника? Зачем она? Ты ведь не делаешь никаких глупостей, у тебя ничего не болит, ты не бросаешься на людей. Что тебе с этой обезьяны? Она же не кусает тебя... Пускай

появляется изредка. Про бар вообще смешно говорить. Заблудился и все. С кем не бывает. И вообще, зачем ты так цепляешься за это?

- За что?

- За мысль, что все происходящее - реальность. Что лучше быть здоровым и знать, что столкнулся с чем-то совершенно необъяснимым, пугающим, может быть, враждебным, или быть тихим психом с веселыми галлюцинациями? Которые, к тому же, никак не мешают жить. Да и возникают нечасто. Что тебе предпочтительнее?

Вик с любопытством смотрела на меня. Для нее это всё лишь забавная игра.

Но вопрос она задала хороший. Правда, что лучше? Считать все галлюцинацией или необъяснимыми, но реальными явлениями? Обезьяна, маска... Что я, интересно, буду делать, если они хоть в какой-то степени реальны, и я смогу в этом убедиться? Тронусь. Тогда я тронусь. И поеду выращивать репу.

А если галлюцинация? Значит, я уже тронулся и скоро поеду выращивать репу.

Ловушка.

Я потенциальный псих.

Вопрос «что делать?» уже настолько утомил меня, что не казался даже смешным.

Хотя что такое, по сути, сумасшествие? Просто выбор другой реальности. Отличной от той, в которой живет большинство людей. Да и большинство ли? Откуда мне знать, как воспринимают мир люди в этом ресторане? Например, говорят, что внешность - дело вкуса. Одному нравится какой-то человек, а другой считает его уродом. Что это, разница во вкусах? А может, просто второй видит иначе? Допустим, ему кажется, что нос у человека кривой. Вот видит он его кривым, и все тут. В его реальности нос кривой. Или чуть длиннее, чем нужно. Просто никому не приходит в голову сравнивать досконально свои реальности, вернее, свои видения реальности. И все сходятся на том, что это дело вкуса.

Или такой пример - красный цвет. Ребенку показывают на предмет и говорят, что он красного цвета. А ведь может быть так, что я вижу красный цвет так, как кто-то другой видит салатный. И, наоборот, мой салатный, заберись я к нему в голову, будет его красным. И попробуй, докажи обратное.

Нет, конечно, скорее всего красный - он и есть красный... Но все равно, объективная реальность штука хитрая. Тут с простыми мерками не подойдешь...

- Ладно, давай не будем больше об этом, - сказал я. - Что толку обсуждать... К врачу я не пойду. А просто болтать... Невозможно сделать выводы, даже не представляя себе, о какой реальности идет речь.

Я допил виски. Ожидаемого облегчения не чувствовал. Вот, вроде все высказал, всем поделился. Выпустил всех чудовищ. А результат? Равен нулю.

Вообще-то забавно получается. Вик хочет убить себя. А я вместо того, чтобы как-то помочь ей отказаться от этой затеи, вываливаю на нее свои проблемы. И еще сетую на то, что не чувствую облегчения. Интересно, а каково ей-то?

Она сидела, рассеянно скользя взглядом по столикам. Волосы всклокочены больше обычного. На шее платок. Но синяки все равно видны. Неожиданно я заметил, какая у нее хрупкая шея. Удивительно, как тот якудза ее не сломал. Ведь мог запросто. Даже одной рукой. Мне впервые показалось, что я сделал тогда, в клинике, что-то хорошее. Ну, если не хорошее, то, во всяком случае, нужное.

Синяк был и на запястье. Я заметил его, когда рукав ее рубашки скользнул вниз по тонкому предплечью. Кроме синяка, я увидел еще кое-что. Несколько тонких белых шрамов. Совсем тонких. Как от бритвы. Почему же я раньше их не замечал? Ведь она почти всегда ходила в футболках.

вернуться

37

Мифические существа в японском фольклоре. Выглядят как огромные пауки, размером с человека, с горящими красными глазами и острыми жалами на лапах.

вернуться

38

Демон, способный принимать женское обличье.

Потому что тебе было абсолютно наплевать на нее – ответил я себе. А что, сейчас не наплевать?

- Откуда у тебя это? – спросил я, показывая на шрамы.

Вик отвлеклась от изучения зала и повернулась ко мне. Правый глаз чуть съехал к переносице.

- Ты и так догадался, чего спрашиваешь?

- Первая попытка?

- Вторая.

- А первая?

- Таблетки... Сейчас даже не помню, какие.

- Не сработало?

- Как видишь. Отравление вызывает сильную рвоту. Этого я не знала. Проблевала весь день. Хорошо еще, что почки да печень уцелели. А то стала бы калекой. Но повезло. Я же еще и sake напилась. Для храбрости. Вот и блевала, как сумасшедшая. Потом уснула. Проснулась – даже головной боли нет. Отлично себя чувствовала.

Вик усмехнулась и отпила из своего стакана. В усмешке не было ни горечи, ни разочарования. Так улыбаются потешной детской выходке.

- А вены?

- Почитала нужные книги, с людьми поговорила. Выяснила, что надежный вариант. Куда лучше, чем отравление... Ошиблась. У меня очень быстро сворачивается кровь. Не помогла ни горячая вода, ни алкоголь. Кровь сворачивалась и все. Я даже сознание не успевала потерять. Пришлось несколько раз резать. Резать собственную руку то еще занятие. Потом уже узнала, что неправильно резала... Нужно было вдоль, а я поперек. Вот так. Видишь, я же говорила, что у меня всегда все наперекосяк. Даже убить себя не могу.

- Вот уж из-за этого расстраиваться не стоит, по-моему, - вяло сказал я.

Ничего себе, уже две попытки. А мне казалось, что она просто валяет дурака. Выходит, все не так.

- Почему ты мне раньше не рассказывала?

- Ты не спрашивал. Да и зачем? Это разве что-то меняет?

- Еще как. Честно говоря, я не верил, что у тебя это всерьез.

- Знаю. Это было видно. Но что теперь может измениться? Начнешь меня отговаривать?

Я промолчал. Что я мог сделать? Отговаривать - бесполезно. Тут и сомневаться нечего. Вести к психологу? Еще глупее. Не спускать с нее глаз? Она все равно найдет момент... Но с другой стороны, знать, что человек вот-вот убьет себя и ничего не делать - тоже не подходит. Сказать «я ей ничего не должен» и заниматься своей жизнью - я так не смогу. Может быть, это единственно правильный ход, но я так не смогу. Это недалеко от обыкновенного убийства.

Вдруг мне стало смешно. Встретились два психа. Один другого ненормальнее. Вопрос: кто кого будет спасать? Хотя, если подумать, все чуть сложнее. Я псих, который хочет спасать и быть спасенным. Она - псих, который не желает ни того, ни другого. При такой расстановке сил мы неминуемо должны проиграть. Вернее, я. Для нее смерть - не проигрыш. А на меня ей наплевать. Так что проигрываю только я. Она умрет, а я окончательно слечу с катушек. И вся эта история закончится. Не слишком хороший финал. Но разве у жизни вообще может быть хороший финал? Каждая история заканчивается смертью. Так почему же я так огорчен?

- Значит, будет третья попытка? - спросил я, чтобы отвлечься от своих мыслей. Они нагоняли тоску.

Вик кивнула.

- Надеешься на успех?

- Я хорошо подготовилась. Из библиотек не вылезала... Знаешь, удивительно, сколько известных людей убили себя.

- Я слышал только про Мисиму и Кобейна.

- Интересный выбор... - она хмыкнула. - Вот смотри, - Вик принялась загибать пальцы, - Демокрит убил себя голодовкой из-за старческой немощи. Диоген Синопский замотал голову плащом и задохнулся. Метрокл покончил с собой, задержав дыхание. Дионисий уморил себя голодом. Ганнибал принял яд. Клеопатра приказала принести корзину с фруктами, в которых была змея. Она сунула в корзину руку и умерла от укуса. Нерон приказал рабу проткнуть ему

мечом горло. Ван Гог дорисовал «Ворон на пшеничном поле» и выстрелил себе в голову. Эрнест Хемингуэй приставил к груди ружье и пальцем ноги спустил курок. Стефан Цвейг с женой выпили снотворное и не проснулись. Джек Лондон вколол себе смертельную дозу морфия. Вирджиния Вульф утопилась, набив карманы камнями. Луи Буссенар уморил себя голодом. Акутагава Рюноске принял веронал. Юкио Мисима сделал харакири. Ясунари Кавабата отравился газом.

- Стой, стой... Хватит. Тебя послушать, так естественная смерть – это извращение. Где ты все это вычитала?

- Я же сказала – готовилась.

- Серьезная подготовка, судя по всему.

- А ты попробуй два раза говорить: прощай жизнь, а потом: ох, симатта! [39] ну, здравствуй, жизнь... Поневоле начнешь готовиться, как следует. Я решила довести дело до конца. Вот и готовилась. Вот и с тобой связалась. Нужно исключить малейшую возможность неудачи, понимаешь? Если не выгорит и в третий раз, я отправлюсь прямиком в психушку. Чувствую, что так оно и будет. Поэтому, – она стукнула кулачком по столу, – никаких ошибок, никаких случайностей. И ты мне поможешь.

Ее решимости можно было позавидовать. Если не думать, на что она направлена.

- Чем же я тебе могу помочь? Подносить бритву? Выбивать стул из-под ног? Ты в своем уме?

- Если будет нужно, сделаешь и так, – жестко перебила Вик. – Но, надеюсь, до этого дело не дойдет. Осечки быть не должно... От тебя потребуется только то, о чем мы говорили. Побить со мной, позаботиться о моем теле, отправлять открытки отцу. Все. Не так уж и много.

- Но послушай...

- Ты меня уже достал, чистоплюй несчастный! – крикнула она.

Девушка, поющая караоке, сбилась и пропустила пару тактов. Официантка тревожно улыбаясь посмотрела в нашу сторону. Я сделал знак, что все в порядке.

- Успокойся, – тихо сказал я Вик, – Всего необязательно быть сукой каждый день в своей жизни.

Я так и сказал: сукой. Подействовало. Она, похоже, не предполагала, что я знаю слова покрепче, чем «пожалуйста» и «извините».

- Ух, ты! Чистоплюй умеет ругаться... Ладно, суку я тебе прощаю. Но свое чистоплюйство засунь себе в задницу. Кто тебе внушил, что ты в ответе за все и всех? Какое тебе дело до моей жизни? Тебя просят помочь. Какого черта ты начинаешь хныкать «вот это нехорошо, а это хорошо?» Еще тогда в клинике сопли распустил. Ах, грабить нехорошо! Теперь та же песня: помогать человеку совершать самоубийство нехорошо... Знаешь, что нехорошо? Подставлять того, кто тебе доверился. Вот это нехорошо...

- Ну да, вот я тебе доверял. А теперь не могу спокойно пройти мимо полицейского. Все жду, что меня схватят. Как это называется?

Вик скорчила презрительную гримасу. Такие пустяки ее не заботили.

Я подумал, что мы похожи на детей. Пустые взаимные упреки. Только причина ссоры - не игрушечная машинка, которую мы не поделили. Причина - совершенное преступление и готовящееся самоубийство. Странно, об этих вещах мы рассуждаем, как о чем-то обыденном. «Ах, ты не хочешь мне помочь отравиться!» - «А ты заставила меня покалечить человека!». И из всех эмоций - только обида на собеседника. Как он не может меня понять! Нет даже осознания серьезности вещей, о которых идет речь. Будто о сортах чая говорим и не сошлись во мнениях.

- Давай успокоимся, - сказал я. - Так мы ни к чему не придем. Нам обоим сейчас непросто. У меня свои проблемы, у тебя свои. Если мы хотим как-то их решить, нужно...

Я осекся. А что нужно? Как решаются подобного рода проблемы? Галлюцинации, преступление, самоубийства. Я не имел ни малейшего представления, как со всем этим можно справиться. Выходы, конечно, были, но вовсе не те, в которые я хотел бы выйти. В голове сама собой нарисовалась таблица. Таблица решения неразрешимых проблем.

Полиция - пуститься в бега.

Галлюцинации - обратиться к врачу.

Самоубийство - помочь в меру своих сил. Или пуститься в бега.

По всем пунктам у меня были серьезные возражения. Возражения эти волновали только меня. Всему остальному миру на них наплевать. Что неудивительно.

Бар понемногу опустел. Я посмотрел на часы. Без пятнадцати десять. Пора идти домой. Дальнейший разговор ни к чему не приведет. Да и должен ли он был куда-то привести?

Мы вышли в прохладу вечернего дождя.

вернуться

39

Блин, черт, облом.

- Не провожай, - сказала Вик.

- Давай я поймаю тебе такси?

- Нет. Не надо. Доеду на метро. И запомни, Котаро, мои проблемы решать не надо. Они уже решены. Если ты откажешься, я найду кого-нибудь другого. Но результат не изменится. Если хочешь остаться чистеньким - валяй, беги домой и любуйся своей обезьяной. Только подумай при этом, что ты лишил последней поддержки человека, который, может быть, сейчас умирает в пустой квартире.

- Слушай, оставь мне свой телефон.

- Зачем?

- Так, на всякий случай...

- У меня нет телефона. Я звонила тебе из автомата.

Вик резко развернулась и зашагала к станции Накано. Я хотел догнать ее, но передумал. Выбор, который она мне предложила, был слишком жестоким. А вернее, она лишила меня всякой возможности выбирать. Веселое дело...

Я постоял еще немного, подняв воротник куртки. Свет в баре за моей спиной погас. Не оставалось ничего другого, как пойти домой.

Глава 10

И я пошел. Если бы не дождь, который внезапно усилился, прогулка получилась бы замечательной. Хорошо идти никуда не торопясь и ни о чем не думая. Просто переставлять ноги, дав отдых голове.

Сначала я шел, считая шаги. Дойдя до ста, начинал счет заново. Потом принялся считать до десяти, а затем в обратном порядке. Когда надоело, стал отсчитывать десять шагов левой ногой и десять правой. Потом каждый третий шаг левой. В общем, развлекал себя, как мог.

Через какое-то время просто считать шаги надоело. Я переключился на вдохи и выдохи. Четыре шага выдох, четыре - вдох. Пять шагов выдох, три - вдох. Три шага выдох, два - вдох. Шаг - выдох, шаг - вдох. Как автомат. Пружинистая походка, пустая голова, железный ритм. Киборг.

И вот на одном таком шаге-выдохе в голову пришла одна мысль. Я сбился с темпа. Подсознание что-то там переработало, проанализировало и выдало ответ. Сознание, как водится, приписало все заслуги себе.

Бар. Слова негра: «Для тебя бар будет открыт». С ударением на «для тебя». Все встало на свои места.

Я очень сообразительный парень.

Вот почему мы с Вик не нашли его. Мы и не могли его найти. Это место существует только для меня. В конце концов, галлюцинация - сугубо личное дело. Никому не позволено шляться по чужим глюкам. Так что и здесь все объяснимо.

Скоро я смогу дать исчерпывающее объяснение всему в этом мире. И сделаю на этом неплохие деньги. Если только мои объяснения будут кому-нибудь нужны.

Пока же я решил проверить свою догадку. Если я прав, то неминуемо должен выйти на ту улицу. В какую бы сторону не пошел. Даже не знаю, что вернее - я должен найти ту улицу или улица должна найти меня. Скорее, второе.

На всякий случай, я свернул с Васеда-дори и углубился в квартал. Где-то здесь она должна была появиться. Улица и вместе с ней бар. Я был полностью уверен, что вот-вот увижу ее. Уверенность базировалась не только на логических выводах. Предчувствие встречи. Вот что главное. Ему я доверял куда больше.

Я шел и даже не смотрел по сторонам. И ни о чем больше не думал. Шел и ждал, когда улочка откроется. Слева или справа - неважно. Я узнаю ее в любом случае. Не смогу пройти мимо. Я шел и ждал. Ждал и шел.

Дождь припустил еще сильнее. Из-за него и из-за позднего времени людей практически не было. Изредка проезжали машины. Все в облаках брызг. С бешено работающими «дворниками». С включенными противотуманными фарами. Не хотел бы я в такую погоду быть за рулем. Правда, идти пешком под таким дождем удовольствие тоже сомнительное. Но зато куда более безопасное.

Потоки воды. Зонт бесполезен. Сейчас пригодилась бы лодка. Или водолазный костюм. Что-то странное творится с погодой нынешним летом. Природа тоже потихоньку сходит с ума. То, что творилось сейчас, больше смахивало на сезон дождей где-нибудь в экваториальной Африке, а не в Японии.

Однако я не стал поворачивать к дому. Нужно добраться до бара. И выяснить, чего от меня хочет негр. И эта чертова обезьяна. Плевать на то, что, возможно, это плод моего больного воображения. Смешно, но даже в мире иллюзий надо решать проблемы. Как будто не хватает реальности...

Сколько времени прошло, я не знал. Время вообще перестало существовать как одно из измерений. Осталось только пространство. Я поглощал его, как лангольеры у Кинга поглощали время. Та же история, только наоборот. Мне казалось, что, обернувшись, я увижу позади пустоту. Ничто. Штуку, которую невозможно вообразить. Даже пелены дождя не будет...

Пустота – слишком абстрактное понятие. Так же, как дружба, любовь и смерть. Их нельзя представить. И невозможно понять.

В нашей реальности слишком много абстракций. И среди них ни одной, которая делала бы жизнь легче. Все они призваны максимально усложнить наше пребывание на космическом корабле по имени Земля. Зачем? Ответившему на вопрос – бесплатная путевка в Нирвану. Мне она точно не светит.

Улочка все не появлялась. На мне уже не было ни одной сухой нитки. Даже трусы промокли. А проклятой улочки все не видно. Я кружил по кварталу, как пес, гонящийся за собственным хвостом. Целеустремленно, с абсолютной верой в близкий успех. Но без результата.

Что-то не сходилось. Опять сбой в программе. Правила игры оказались сложнее, чем я думал. Или кто-то менял их прямо на ходу. Само собой, не в мою пользу.

Кто-то... Но вот кто? Странное дело, я сам создаю свою реальность, почему же правила не зависят от меня? Или все-таки не я?.. Снова тот же вопрос. Я иду по кругу. Как пес за хвостом. Разгадка близка, но недостижима.

Поняв, что продолжать поиски бесполезно, я направился к дому. И без всяких приключений дошел до него. Хорошо, хоть он никуда не исчез. Могло ведь быть и такое. Теоретически.

Я ввалился в квартиру. Скинул кроссовки и, оставляя мокрые следы, прошлепал в ванную. Включил воду. Пока она нагревалась, стянул с себя куртку, футболку и джинсы. Одежду можно было выжимать.

Постукивая зубами, я забрался под горячий душ. Но согреться долго не удавалось. Внутри, где-то в низу живота, оставался большой кусок льда. Который никак не хотел таять. Холод от него равномерно распространялся по всему телу. Я просто зверски мерз изнутри. И это когда на улице градусов двадцать тепла...

Я стоял и дрожал под горячим душем минут двадцать. Наконец, надоело. От ощущения воды,

стекающей по телу, уже тошнило. С меня хватило и дождя.

Не переставая дрожать, я выключил воду, вытерся, накинул халат и пошел на кухню. Если холод внутри, значит нужно изнутри и согреться. Стальная логика.

В баре нашлось полбутылки джина. И непочатая бутылка вермута. Недолго думая, я смешал «джибсон». Куда лучше сейчас выпить виски или подогретого саке. Но ни того, ни другого не оказалось. Только джин и вермут. В чистом виде я их не переносил.

Со стаканом в руке, я добрался до кровати, набросил на плечи одеяло и включил телевизор. По одному из каналов показывали какой-то боевик. Хороший парень без всякой жалости расправлялся с плохими. Кровь негодяев лилась рекой. Я даже начал им сочувствовать. Плохо быть отрицательным героем в фильме. Печать обреченности у него на лице с самого начала картины. По ней и можно угадать, кто окажется подонком. Хороший парень всегда уверенно смотрит в будущее.

Рассеянно глядя на мелькающие цветные картинки, я попивал «джибсон». Кусок льда в животе никак не таял. Зато с каждым глотком меня это заботило все меньше и меньше. К моменту, когда стакан опустел, мне было совершенно наплевать на лед. Подумаешь!

Продолжая мелко дрожать, я выключил телевизор, где хороший парень забивал насмерть плохого парня огромным разводным ключом. Лег в постель, накрылся с головой одеялом и уснул.

Так закончился еще один день сезона дождей.

Придя утром на работу, первым делом я столкнулся с Ямадой. Хотел проскользнуть мимо, отделавшись поклоном. Но он остановил меня.

- Как вы сегодня себя чувствуете, Ито-сан?

- Спасибо большое, все в порядке.

- Знаете, вчера, после того, как вы ушли, я просмотрел несколько ваших текстов. И очень огорчился. Вам надо быть внимательнее. К сожалению, они никуда не годятся. Как-то все тускло, неинтересно... Чувствуется, что вы больше заняты своей личной жизнью, чем работой. Мне бы очень хотелось, чтобы вы задержались сегодня и переписали некоторые фрагменты. Надеюсь, у вас будет время?

- Конечно, Ямада-сан. Извините, пожалуйста. Я все исправлю.

- Вот и хорошо. Сами понимаете, мне не хотелось бы... скажем официальным языком, применять какие-то санкции.

Я поклонился.

- Если хотите, мы можем вместе посмотреть ваши тексты. Я с удовольствием вам помогу... Ну, идите. Удачного вам дня.

Я направился к столу, чувствуя спиной его взгляд. Не понимаю, что ему от меня нужно. Тексты мои были точно такими же, как и раньше. Не лучше и не хуже. Когда набиваешь на чем-то руку, сложно делать дело хуже. Ямада явно ко мне придирался. С чего бы только?

Конечно, наши отношения никак нельзя назвать хорошими. После того случая с девушкой я назвал его про себя Мучителем Кошек. Наверное, у меня все было написано на лице. Но все-таки это старая история.

До последнего времени его нелюбовь ко мне протекала в скрытой форме. Так, редкие пустяковые замечания, на которые можно и не обращать внимания. Мелкие придирки. Выраженные в чуть более грубой форме, чем по отношению к другим сотрудникам. Но я на него не обижался. В конце концов, не знаю, как бы я отнесся к подчиненному, который то и дело косится на меня с тщательно скрытым отвращением. А ведь именно так я на него и смотрел. Когда был уверен, что он меня не видит. Пару раз он перехватил мой взгляд. И хотя я сразу опускал голову, видимо, он все-таки успел заметить, как я на него смотрю.

Что же изменилось сейчас? Почему он решил пойти в атаку? Уж всяко не из-за моей работы.

Весь день я трудился, не поднимая головы. Быть уволенным не хотелось. Еще меньше хотелось лишний раз сталкиваться с Ямадой. Он пугал меня. И вызывал отвращение. Как ядовитый паук. На мохнатых лапах с острыми коготками, которые сочатся зеленоватым ядом.

Мне казалось, что он затеял какую-то странную игру со мной. И то, что происходит между нами сейчас, лишь самое начало игры. Оно было многообещающим.

В обеденный перерыв я лишь выпил чашку кофе в ближайшей кофейне. Я проглотил его, не чувствуя ни вкуса, ни того, как черная дымящаяся жидкость обожгла губу и нёбо.

Когда закончился рабочий день, я продолжал сидеть на своем месте, хотя делать было абсолютно нечего. Все, что можно переписать, я переписал. И не по одному разу.

Наконец, комната опустела. Остался только я. И, конечно, господин Ямада. Он усиленно делал вид, что работает над чем-то очень срочным. Но я был уверен, что это трюк. Он просто следил за мной. Ждал, когда бабочка угодит в его паутину.

Если бы я сейчас встал из-за стола и начал собираться домой, он мгновенно вцепился бы в меня. «Давайте, посмотрим ваши тексты Ито-сан. Ой, вы знаете, к сожалению, тоже никуда не годится. Попробуйте переписать начало...». Я решил, что уйду только после него. Чего бы мне это ни стоило.

Но решить куда проще, чем сделать. Ямада тоже жаждал выиграть этот раунд. Он никуда не собирался. Перед ним лежала объемистая папка. Он аккуратно брал из нее исписанный листок, внимательно читал его, потом так же аккуратно и неторопливо клал обратно. Потом брал следующий, и все повторялось. Все это он проделывал спокойно, деловито, сосредоточенно, будто рабочий день только начался. Даже пиджак не снял, несмотря на духоту.

Часы показывали половину седьмого. Уже полтора часа, как закончился рабочий день. Ямада и не думал уходить. Я в десятый раз принялся переписывать свои тексты.

Ровно в семь Мучитель Кошек встал из-за стола и потянулся. Я вздохнул с облегчением.

- Ито-сан, вы еще будете работать? Я хочу выйти, купить что-нибудь перекусить. Дождитесь меня, пожалуйста. Не стоит оставлять офис без присмотра.

Мне оставалось лишь кивнуть. Я тоже хотел есть. И пить. А еще больше - спать. Мне жутко досталось за последние дни. Но вместо заслуженного отдыха, я должен сидеть в чертовом

офисе из-за маньяка-начальника. Неужели ему самому не хочется домой?

Ямада вернулся через полчаса. Я успел написать еще один вариант каждого текста.

Он сел за стол и открыл бенто. Глядя на то, как он размеренно работает челюстями, я впервые испытал абсолютно чистую, незамутненную ненависть. Мне захотелось подойти и забить суси ему в глотку.

В восемь вечера он вернулся к работе. Точнее, к имитации работы. Папка была просмотрена примерно на две трети. Я принялся точить карандаши. Написать еще хоть что-нибудь я был уже не в силах.

В девять вечера я был готов отдать за глоток воды всю свою зарплату. Ямада же достал со стеллажа новую папку. Лицо у него было абсолютно бесстрастным. Человек добросовестно выполняет свою работу. Только и всего. Пример для подражания.

Пару раз, правда, я почувствовал на себе его взгляд. Он ждал, когда я сдамся. Только зачем ему это нужно? Чего он добивается? Чтобы уволить меня, вовсе не нужно проявлять такую изобретательность. Это раньше увольнение было редкостью. Теперь работодатели, особенно в небольших фирмах, не сильно переживают по такому поводу.

Нет, ему нужно что-то другое. Выкалывать глаза кошкам он не мог. Вот и нашел себе другое развлечение. Он хотел хоть так дать выход своим садистским наклонностям. И я оказался отличным кандидатом. Потому что слишком дорожил своей работой. Да и репутацией тоже...

Я боялся быть уволенным. Боялся быть униженным. Чем больше у человека страхов, тем большую власть получают над ним люди. Ямада, судя по всему, это прекрасно понимал.

В девять тридцать я был готов уснуть прямо на рабочем месте. Ямада же выглядел так, будто только-только вернулся из длительного отпуска. Свежее лицо. Ни один волосок в прическе не сбился. Костюм-тройка *ErmenegildoZegna*, рубашка *DonnaKaran*. Идеальный узел на галстук *ErmenegildoZegna*. Ямада тоже раб брендов. Член теневого ордена Парней, Берущих От Жизни Все. Прямые плечи. Во всем облике неукротимое желание трудиться ради возможности быть успешным потребителем. И, конечно, на благо фирмы. Без этого никак.

Я понял, что он может просидеть так до утра. Читая папку за папкой, листок за листком. А когда читать будет уже нечего, он начнет писать.

В десять часов я понял, что этот раунд проиграл. Я медленно встал из-за стола. Прошелся, разминая затекшие ноги. Потянулся. Надел пиджак.

- Уже уходите, Котаро? - поднял голову Ямада.

- Да. У меня назначена встреча.

В его взгляде ясно читалось: «Хватит врать, никакой встречи у тебя нет».

- Как ваши тексты? Вы переписали их?

- Да, конечно.

- Давайте посмотрим, если не возражаете. Это не займет много времени.

- Думаю, что займет. У меня шестнадцать вариантов каждого из текстов.

- И все-таки мне кажется, что лучше покончить с этим вопросом сегодня. Чтобы завтра нам не пришлось возвращаться к нему. Несите сюда ваши варианты. Я их прочитаю, а потом мы все обсудим.

Его голос мог остановить глобальное потепление на Земле.

Но я настолько устал, что начал превращаться в героя.

- К сожалению, я не могу заниматься этим сейчас. Меня ждут. Очень важная встреча. Завтра я с удовольствием послушаю ваше мнение. Но сегодня, пожалуйста, простите, никак не получится.

Ямада поднялся со своего кресла и обошел вокруг стола. Теперь мы стояли друг напротив друга, нас разделяло несколько метров свободного от мебели пространства. Мне вспомнились дуэли из вестернов. Двое лихих парней выясняют, кто из них круче. Ноги широко расставлены, глаза прищурены, пальцы едва касаются рукоятей кольтов.

- Я, конечно, не могу настаивать, - тихо сказал Ямада. - Рабочий день уже кончился... Но все-таки крайне желательно проверить вашу работу сейчас.

Он так и сказал «проверить работу». Как будто мы в школе. На какой-то миг я пожалел, что у меня нет в руках Mag-Lite. Я непроизвольно сжал кулаки.

Ямада это заметил:

- Вы, кажется, не согласны со мной?

- Я очень устал. И хотел бы, если это возможно, пойти домой.

- Что ж, - неожиданно сдался он, - идите, конечно. В конце концов, тексты никуда не денутся. Но... - тут в его голосе послышался лязг вынимаемого из ножен меча, - Ты здорово об этом пожалеешь.

Ямада вежливо улыбнулся и, как ни в чем не бывало, вернулся за свой стол. А меня будто пригвоздили к месту. То, что он сказал, не укладывалось ни в какие рамки. Это было покруче, чем обезьяна с пивом в лапах. Все равно, что услышать от маленькой девочки сочное описание полового акта. Причем с использованием словечек, которые употребляют торговые моряки.

Минуту я приходил в себя.

- Вы, по-моему, торопились домой, Ито-сан, - толкнул меня в спину голос Ямады.

Я выскочил из конторы.

Всю дорогу домой я думал о том, что произошло в офисе. Похоже, не у одного меня съезжает крыша.

По дороге я зашел в магазин и купил бутылку «Джонни Уокера». Придя домой, первым делом смешал «Крестного отца». Виски, Амаретто, лед. Мне всегда нравились несложные коктейли. В них можно почувствовать вкус каждого из напитков.

Я прошел в комнату и упал в кресло. Усталости, которая пригибала меня к столу в офисе, как не бывало. Я не хотел ни спать, ни есть. Сидел и потягивал коктейль, стараясь ни о чем не думать. Черт, да я просто устал думать...

По темным потолку и стенам время от времени пробежали отблески фар. Иногда с улицы доносился смех. Смеющимся людям и людям в проезжающих машинах было невдомек, что на четвертом этаже дома, мимо которого они только что проехали, в небольшой съемной квартире, со стаканом «Крестного отца» в руке сидит человек, жизнь которого разваливается на куски. Как если бы в огромное зеркало швырнули камень.

Мерзко запиликал телефон. Надо будет сменить мелодию сигнала.

- Не спишь еще? - спросила Вик.

- Нет.

- Пьешь?

- Как ты узнала?

- А что тебе остается делать? Или спать или пить.

- Пожалуй, так...

- У тебя опять что-то с голосом. Снова обезьяна?

- Вроде того. Мой шеф, похоже, тронулся.

- Ого, целая эпидемия. Он тоже видел обезьяну?

- Хуже.

Я коротко рассказал ей о выходке Ямады. Даже сейчас, спустя несколько часов, по спине у меня побежали мурашки, когда я добрался до его финальной фразы. Полный слепой ярости взгляд, подрагивающий от ненависти голос... «Ты об этом здорово пожалеешь». Черт, да он точно чокнутый!

- Мда... - протянула Вик. - Странный тип. Только я не понимаю, чего ты паникуешь? Что он может тебе сделать?

- Ну... Уволить может.

- И только-то? Ты так цепляешься за свою работу, будто без нее не можешь жить.

- Тебе легко говорить. Между прочим, найти хорошую работу не так-то просто. Если бы не мои родственники, меня ни за что не взяли бы в эту фирму.

- И что?

- Как - что? Надо дорожить тем, что имеешь...

- Вот как? Даже дерьмом?

- Это не дерьмо. Это отличная работа, которая позволяет мне жить так, как я хочу.

- Покупать то, что ты хочешь, - поправила Вик. - Всего лишь покупать. А жить так, как ты хочешь, у тебя не получается. Вот скажи, ты хотел дать ему по голове, когда он тебя мучил?

Я вспомнил свою вспышку.

- Да, - неохотно признался я.

- Ударил?

- Нет.

- Ну и?..

- Не путай сиюминутное желание с понятием жить, как хочешь. Абсолютно любое желание не может удовлетворить ни один человек. Нас сдерживают нормы морали, законы, личные интересы... Часто приходится отказываться от чего-то ради перспективы...

- Иди в задницу. Я не хочу выслушивать лекцию по философии.

- Тогда чего ты хочешь? Доказать, что я должен был врезать ему?

- Да ничего я не хочу доказать, - скучающим голосом произнесла Вик. - Просто я говорю, что ты работаешь на работе, которую не любишь, только для того, чтобы купить себе какое-нибудь дерьмо, без которого можешь легко обойтись. При этом трясешься от страха, когда какой-то маньяк мешает тебя с грязью. Вот и все. Впрочем, твое дело. Трясись дальше... Кстати, полиция к тебе не навевалась?

- Почему «кстати»?

- Ну, ты ведь и по этому поводу трясешься. Разве нет?

- Трясусь, - признался я. - Но что тут уже сделаешь?.. Только трястись и остается.

- У меня появилась мысль. Переезжай ко мне.

- Зачем?

- Полиция не будет искать тебя здесь. Никто ведь про меня ничего не знает. Переждешь немного. Может, за то время найдут настоящего убийцу. Заодно сможешь мне сделать *это*.

- Что?

- Ты понял, придурок, не прикидывайся. После *этого* квартира будет в полном твоём распоряжении. Живи сколько хочешь. Как тебе такая идея?

- Покемоны смогут взять меня и на работе.

- Брось ее.

- Как?

- Просто. Не пришел, и все. Пускай они отправляются в задницу. Зачем тебе все это нужно-то?

- Как зачем? Ты что, с Луны прилетела? И потом, чего это ты так спокойна. Между прочим, мы вместе были в клинике. Так что к тебе они могут заявиться с тем же успехом, что и ко мне...

- Ко мне не заявятся.

- Почему?

- Ты забыл? Я невидимка...

- Перестань говорить глупости. При чем тут это. Ты не понимаешь? Здесь все всерьез.

- Ладно, псих, пока. Подумай над моим предложением. Позвоню завтра... Кстати, у тебя осталась неделя.

- До чего? - не понял я.

- Мяс, - сказала Вик и повесила трубку.

Терпеть не могу этой манеры.

Я опять остался наедине со своими мыслями. Назвать их веселыми нельзя при всем желании. Очень даже дерьмовые мысли. Просто никуда...

Меня окружают психи. Я сам, наверное, псих. И нет никого, ни одного нормального человека, с которым можно было бы поговорить.

Как-то незаметно я остался совершенно один в этой жизни. Ко мне приходили ненадолго, о чем-то растерянно молчали, а потом уходили навсегда. Сначала казалось, что это случайность и скоро все поправится. Но с каждой потерей становилось все понятнее - изменить это будет не так-то просто. Не просто, даже если знать, в чем дело...

В конце концов, я начал думать, что одиночество - это просто болезнь. Врожденная. Вроде детского церебрального паралича. Или порока сердца. Если родился больным, так больным и проживешь. И ни одно светило медицины тебе не поможет. Так что лучше с самого начала смириться. Иначе отчаяние высосет все силы.

Я болен одиночеством. Болен неизлечимо.

Я легко узнаю таких же людей. У нас одинаковые симптомы. Они не умеют долго хворать и всегда знают, чем можно заняться в плохую погоду.

Будильник показывал пятнадцать минут первого. Спать не хотелось абсолютно. Несмотря на то, что спал вчера ночью кое-как. Сидеть в кресле и ломать голову над всем, что случилось в последнее время, тоже надоело.

Я оделся и вышел на улицу. Не торопясь дошел до машины. Сел. Долго слушал урчание двигателя. Ему не понравилось, что разбудили посреди ночи.

Когда есть время, я люблю кататься по городу. Особенно ночью. Без всякой цели. Отличное средство, если нужно дать отдых голове.

Я выехал с парковки, повернул налево и влился в чахлый ручеек машин. В центре, наверное, даже сейчас движение сумасшедшее. А здесь спокойно. Отличный район. Относительно тихий, хоть и недалеко от центра. Потому-то здесь чудовищные цены на жилье. И потому-то я сюда и переехал.

Некоторое время я просто кружил по кварталу. Потом, сам не знаю почему, выехал на Хигати-Накано. Покатался по Камитагада. Затем, вроде бы совершенно случайно выехал на Накано-дори. И поехал в сторону Итабаси. Я не отдавал себе отчета в том, что делаю. Руки сами

поворачивали руль.

Здесь движение было другим. Оно напоминало горный поток. Стремительное, какое-то хаотичное. Нахальные «тойоты», торопливые «субару», напористые «хонды» то и дело проносились мимо, подрезали, обгоняли, прижимали, гудели. Здесь приходилось думать только о дороге. Именно это мне и было нужно. Никаких вопросов, никаких сомнений. Только дорога...

Наконец дорога выплюнула меня где-то в районе Итабаси. Я снова принялся петлять по тихим улицам.

Как-то незаметно я оказался в такой глуши, что даже не представлял, что это может быть за район.

Я повертел головой. Нет, что-то знакомое было. Кажется, именно тут мы проезжали с Вик, когда ехали в больницу. Сам того не желая, я приближался к месту своего преступления.

Много раз читал, что преступники это занятие любят. В смысле - возвращаться на то место, где сумели доказать себе и всему миру, что они плохие парни. Никогда в эти рассказы не верил. Оказывается, так и есть. Правда, произошло это независимо от моего желания.

Улицы были пусты. Я ехал медленно, пытаюсь решить для себя, хочу я еще раз увидеть эту клинику или нет. Было, конечно, страшновато. Но в то же время, кто знает, может, мне удастся увидеть там что-нибудь такое... Да что я могу там увидеть? Ничего. Если только настоящий убийца сам не ностальгирует сегодня.

Забавная встреча получилась бы. Две крадущиеся фигуры сталкиваются в кромешной темноте лбами. Бамс! «Привет! Я тот самый парень, который проломил этим ребятам головы». - «Круто! А я довел дело до конца ножом. Может, выпьем по стаканчику за знакомство?»

Веселее некуда.

Наконец я все-таки решился. Остановил машину там же, где в прошлый раз, и вышел. Вокруг не было ни души. Тинэйджеры-бандиты куда-то подевались. Наверное, перебрались на улицу, где приличных машин побольше.

Теперь предстояло найти эту проклятую больницу. Без Вик это было непросто. Подняв воротник куртки, чтобы хоть как-то прикрыть лицо, я быстро зашагал в ту сторону, куда, вроде бы, шла и Вик. Полагался я исключительно на подсознание. Там должен был отложиться маршрут.

После получаса бесконечных «вроде бы здесь» и «а может быть, туда» я все-таки вышел на ту улочку, где была клиника. А вскоре увидел и ее саму. Унылое здание выглядело еще более унылым. Какой дом станет веселее, если в нем произошло убийство?

Стараясь держаться в тени, я приблизился к больнице. Обошел ее вокруг и очутился недалеко от черного входа. Прислонился к раскидистому платану, невесть как выросшему в этих тущобах, и уставился на темные окна.

Окна как окна. Прямоугольные и темные. Иногда мелькает отражение луны, выглядывающей из-за облаков. Больше ничего. На первом этаже - решетки. На втором - нет. Все как в прошлый раз.

Интересно, есть там сейчас кто-нибудь? Вроде, говорили, что клиника пока закрыта... Нашли

там что-то противозаконное. Хотя что может быть более противозаконного, чем парочка изуродованных трупов?

Да, мрачное место. Покойники ему веселья не добавляли.

Я посмотрел на дверь. Слова FUCK OFF были замазаны. В свете лампочки четко выделялось свежее пятно краски. А вот объявления проституток никуда не делись. Дверь по-прежнему была уклеена белыми листочками. Бизнес, ничего не поделаешь.

Я снова перевел взгляд на окна... И вздрогнул. Мне показалось, что в одном из них, на втором этаже, мелькнул свет. Тусклый, подрагивающий, живой. Мелькнул и тут же погас. Словно кто-то на секунду заглянул с фонариком в комнату. Но не с электрическим фонарем, а с бумажным, с крохотным огоньком внутри...

Короткий проблеск. Тусклый, очень тусклый свет. Так и хотелось сказать - призрачный.

Я замер, не сводя глаз с окон. Через несколько минут свет появился снова. В другом окне.

Я присмотрелся. Окно было разбито. То самое, через которое влез якудза. И через которое мы с Вик убегали.

В здании точно кто-то был. Точно. Сторож? Скорее всего. Но свет был не электрический. Свет был живой. Какой сторож будет ходить с бумажным фонариком?

В привидения я не верю, в параллельные миры тоже. Даже обезьяна не заставила меня усомниться в единственности давно изученной объективной реальности. Правда, я усомнился в возможности объективных оценок, когда речь заходит о реальности. Но это совсем другое дело.

И все же, несмотря на мое неверие в призраки, когда я увидел свет в окне, по спине побежали мурашки.

Я огляделся. Все тихо. Только унылый шелест дождя да вкрадчивый шепот ветра в ветвях платана. Никого вокруг. Ни одного светлого окна. Почти непроглядная, какая-то липкая темнота. Лишь бледный фонарь в противоположном конце улицы и лампочка над дверью клиники. Им было не справиться с этой тьмой. Которая вдруг стала еще темнее из-за того света в окне.

Кто-то там ходит.

У меня взмокли ладони. Свет появился в другом конце здания. И тут же, через мгновение, тремя окнами левее.

Этот «кто-то» должен быть очень шустрым парнем. Или их там несколько. Хотя на это непохоже. Похоже как раз на то, что кто-то носится во весь дух по клинике. С фонарем. Какой-то псих...

Как загипнотизированный я отлепился от шершавого ствола платана и подошел к двери. Она была закрыта. Снаружи. Висел замок, которого я поначалу не заметил.

Замок. Значит, этот «кто-то» явно не сторож. Зачем бы сторожу понадобилось закрывать себя снаружи? Глупость.

Нет, псих с фонариком пробрался через окно.

Мне следовало бы просто убежать оттуда. Развернуться и убежать. Добраться до машины и поехать домой. Там выпить, принять душ и лечь спать.

Но вместо этого я начал карабкаться вверх по пожарной лестнице. Скрипучей, ржавой пожарной лестнице. Сам толком не понимая, что я делаю. А главное – зачем?

На втором этаже было тихо и темно. Не горело ни одной лампы. Похоже, клинику действительно прикрыли. Думаю, что ненадолго. Магазин игрушек могут закрыть навсегда. А прибежище наркоманов и бандитов – лишь на очень короткое время. Вопрос доходов и востребованности бизнеса. И то и другое обуславливает потребитель. Трава и амфетамины должны продаваться бесперебойно, это вам не покемоны с иголками внутри.

Я прижался спиной к стене, соображая, что же делать дальше. Сердце молотом стучало в висках. Я предпочитал думать, что это из-за подъема по пожарной лестнице.

Но если честно, мне было просто страшно. Страх маленького ребенка в темной комнате, полной чудовищ, прячущихся до поры до времени по углам. Когда придет время, они выползут из своих убежищ, шевеля чернильно-черными щупальцами. И попытаются добраться до меня.

Я уговаривал себя, что все это чушь. Нет и не может быть никаких чудовищ. Нет никаких привидений. Самое ужасное, что я могу здесь встретить, – полицейский, оставленный присматривать за зданием. Или очередной прыщавый студент, подрабатывающий сторожем.

Но тело плевало на все доводы рассудка. Я не мог сделать ни шагу. В голову лезла всякая чертовщина. Я представил себе, как в конце коридора появляется окровавленный Фумио с бумажным фонариком в руках. Невидящие глаза широко раскрыты. Одежда изорвана, заскорузла от засохшей крови. В прорехах просвечивает мертвенно-бледная кожа.

Мои ноги сделаны из пенопласта.

Мое сердце сокращается со скоростью двести ударов в минуту.

Мое дыхание может заглушить рев урагана.

В коридоре по-прежнему было темно и тихо. Чудовища и привидения не появлялись. Постепенно приступ паники прошел. Я несколько раз глубоко вздохнул и вытер пот со лба.

Стоять здесь не имело смысла. Нужно идти вперед. Если уж я забрался сюда, придется осмотреть клинику.

Медленно, придерживаясь рукой стены, я пошел к лестнице. Так тихо, как только мог. Даже дышать, кажется, перестал.

Где же этот псих с фонариком? Вот это картина – два психа в темном доме. Один с фонариком, другой без. Я зажал рот рукой, подавляя истерический смешок.

Шаг, прислушаться, вдохнуть, еще шаг...

За пару метров до лестницы я увидел выбивающуюся из-под двери полоску света. Того самого. Тусклого, с красноватым оттенком.

Это была дверь кабинета, в котором убили якудза.

В комнате кто-то находился. Я ничего не слышал, но чужое присутствие ощущалось очень

ясно. Этот «кто-то» притаился за дверью, как я в тот раз.

На меня снова напало оцепенение. Как в кошмарном сне. Когда хочешь бежать, но не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Я услышал тихий шорох и мягкие шаги. Топ-топ, топ-топ, топ-топ... От двери в глубь кабинета. Полоска света дрогнула и стала едва различимой.

Шаги показались мне знакомыми. Тот, кто находился в кабинете, был маленького роста. Ребенок...

Уже зная, что увижу, я толкнул дверь.

Мозг завопил, тело отреагировало на этот вопль выбросом адреналина. Я успел дико пожалеть о своем поступке. Но изменить ничего не мог. Дверь медленно ползла в сторону, в увеличивающуюся щель лился призрачный свет, а я стоял, не в силах пошевелиться или хотя бы закричать от ужаса.

Наконец дверь тихонько ударилась о стопор.

На столе у окна, прямо напротив двери, сидела обезьяна. Рядом с ней стоял бумажный фонарик. Он заливал комнату ровным красноватым светом.

Обезьяна посмотрела на меня и почесала бок.

Я зашел в комнату и закрыл за собой дверь.

Глава 11

Я закрыл за собой дверь. Сухой стук, щелчок замка.

Ну и что теперь делать? – промелькнула мысль. Ничего подходящего в голову не приходило. Все, что я смог сделать – вытаращиться на обезьяну. Ну и прислониться к стене. Так, на всякий случай. Вдруг мое спокойствие – это просто шок. Неизвестно, что будет, когда он пройдет.

Так миновало несколько минут. Я смотрел на обезьяну, она – на меня.

Идиотская ситуация. Донельзя идиотская.

И тут обезьяна превратила просто идиотскую ситуацию в фантастическую. Она еще раз почесала левый бок и сказала писклявым голосом:

- Не... принес... пива... ты?

Хорошо, что я прислонился к стене. Падать на кафельный пол было бы очень больно. А так я тихо сполз по стене вниз, и обошлось без ушибов.

Спокойно, сказал я себе, спокойно, это всего лишь галлюцинация. Самая обыкновенная галлюцинация. Глюк. Бред. Ничего особенного. Меня не устраивает объективная реальность, и я выдумал себе другую. В моей придуманной реальности обезьяны болтают и обожают пиво. Все объясняется очень легко.

Я судорожно сглотнул. Спокойно...

- У тебя... так... нет... пива? - повторила обезьяна.

Я помотал головой.

- Капельки ни?

Моя голова опять мотнулась из стороны в сторону.

Обезьяна разочарованно выпятила нижнюю губу.

Во всяком случае, мне показалось, что разочарованно. Как на самом деле обезьяны выражают разочарование, я не знал.

- Пива... принеси... следующий раз... придешь... когда, - недовольно пропищала обезьяна.

Слова она выговаривала быстро, но паузы между ними тянулись по несколько секунд. Словно она каждый раз вспоминала нужное слово. На их странный порядок я обратил внимание не сразу. Удивили почему-то именно эти паузы.

Я ничего не ответил. Заставить себя разговаривать с галлюцинацией было выше моих сил.

- Пришел чего? Бар приходить хотел не. А сюда пришел. Чего?

- Не знаю, - пробулькал я.

- Не знает. Не знает. Он. Не если знаешь, зачем приходить? У времени меня мало. Пришла раз прошлый я, ты молчал. Сам пришел, молчишь еще раз. Молчать некогда мне тобой с.

Обезьяна была явно раздражена. Раздраженная обезьяна - еще то зрелище.

- Кто ты? - спросил я.

- Видишь не?

- Не знаю... То есть этого ведь не может быть...

Обезьяна внимательно осмотрела себя. Будто желая убедиться в том, что она на самом деле существует.

- Как быть может не? А ты может?

- Что? - Понять ее было нелегко.

- Ты быть может? Ты есть?

Я пожал плечами. Сейчас я не был уверен ни в чем.

- Ты была за рулем того автобуса? Ну, который чуть не сбил меня? Мне не показалось? Это действительно была ты?

Обезьяна сложила губы трубочкой и зачмокала ими.

Видимо, это был какой-то специфический обезьяний жест. Человеку знающему он бы о чем-то сказал. Я же не понял ничего и повторил вопрос.

- Мы, - сказала обезьяна. У нее получилось «ми-и».

- Зачем? Ты хотела убить меня?

Обезьяна отвернулась. Хвост несколько раз нервно дернулся.

- Почему ты не отвечаешь?

- Не хотим. Бар приходи. Приходи бар.

- Записки - это тоже твоя работа?

- Ми-и, - кивнула обезьяна.

- А бар? Ты знаешь негра? Кто он? Что это вообще за место?

- Наше место.

- Твое?

- Наше. Ты, ми-и. Гости приходить можем. Жить можем. Наше место.

- Он на самом деле существует?

Обезьяна наклонила голову.

- Почему же я его не нашел тогда? - спросил я.

Ощущение неестественности происходящего немного притупилось. Я почти забыл о том, что нахожусь в здании клиники, в которой произошло двойное убийство. В пустом, опечатанном полицией здании, где-то в трущобах, на окраине города. И мой собеседник - обезьяна. К тому же ужасно говорящая по-японски.

Я устроился удобнее на полу, сняв куртку и подложив ее под себя.

Обезьяна молчала, но на морде у нее было написано, что она пытается найти нужные слова.

- Бар приходить один не можно не, - наконец сказала она. - Ми-и испугались. Спрятались. Женщина взял зачем?

- Но я потом пришел один...

Обезьяна опять почесалась. Я подумал, что у нее, наверное, блохи.

- Испугались ми-и. Испугались. Ушли.

- Как бар может уйти?

- Не спрашиваешь о том.

- Что? - не понял я.

До чего же странная манера говорить. Конечно, смешно предъявлять подобные претензии обезьяне. Но в тот момент мне было не до смеха.

Это все нереально, - пронеслось в голове.

Незаметно я ущипнул себя за бедро. Потом еще раз, сильнее. Было больно.

Я повертел головой. Кабинет как кабинет. В том смысле, что ничего странного в стенах и мебели я не заметил. Я попробовал фокусировать зрение на разных предметах. Оно отлично фокусировалось. К звукам тоже никаких претензий не было. Ничего необычного. Ни эха, ни каких-то резонансов. Все в полном порядке. Ничто не указывало на то, что я брежу.

Ага, кроме обезьяны.

Она что-то попискивала, но я упустил начало, и теперь ее слова превращались в труху.

- Что ты говоришь? Я не совсем понял.

Она замолкла и уставилась на меня. Абсолютно осмысленный взгляд. Даже осмысленнее, чем у собаки.

- Слушаешь не? - она спрыгнула со стола и пробежала по комнате взад-вперед, словно пытаюсь успокоиться. Бежала на четырех лапах. Человек в такой ситуации прошелся бы, заложив руки за спину.

Приведя в порядок нервы, обезьяна легко запрыгнула на стол и почесалась.

- Вопросы, - сказала она. - Вопросы не те. Бар уйдет не. Подождать может, да. Другое спрашивай.

- Ты на все сможешь ответить?

- Ми-и не знаем... Женщина. Женщина, да.

- Что женщина?

- Женщина знает. Она ответить. Ми-и ответить не хотим. Пока. Спроси женщина. У.

- О чем я должен спросить женщину?

Обезьяна широко раскрыла пасть и заверещала. Клыки в ярко-розовой пасти были в половину моего указательного пальца. Я поежился. Если она вдруг вздумает укусить меня, мне придется несладко.

- Тыква у тебя, да. Голова нет. Как тыква голова пустая. Ты хотеть спросить. Хотеть что? Что хотеть, то спросить и, - пролопотала она настолько быстро, что я опять уловил только суть.

- Я могу спросить у нее все, что хочу?

Обезьяна энергично закивала. Кивки сопровождалась бесконечными почесываниями.

Женщина - это Вик. Других знакомых женщин у меня сейчас не было. Если не считать коллег. Вик... К ней у меня не было никаких вопросов. Во всяком случае, таких вопросов, на которые хотелось бы получить от нее ответ. Все, что она могла сказать - «псих» и «придурак». Это меня не устраивало.

Все мои вопросы касались обезьяны и бара. Но не глупо ли спрашивать галлюцинацию о ней

же самой? Наверное, глупо. Что она может ответить? Что бар – это совершенно реальное место. И сама обезьяна настоящая. Конечно настоящая... В созданной больным сознанием реальности.

Получалось, что говорить с обезьяной мне было не о чем.

Я посмотрел на нее. Она не растаяла, не растворилась в воздухе. У нее не вырос гигантский хобот. Она не превратилась в сморщенного карлика. Очень устойчивая галлюцинация. Сидит, болтает лапой. И смотрит на меня. Рядом фонарик. Говорящая обезьяна с фонариком. Китайский цирк плакал бы от зависти.

В голову пришла бредовая идея.

- А можно я тебя потрогаю? – спросил я.

- Не только щекотать.

- Не щекотать тебя? – пришлось уточнить мне. Привыкнуть к ее манере говорить было не так-то просто.

- Да. Не щекотать.

Я поднялся с пола и подошел к ней. Мне казалось, что она все-таки вот-вот исчезнет. Как Чеширский кот. Сперва хвост с лапами, потом туловище, потом голова... Останется одна ухмылка. И долго будет висеть в воздухе.

Но обезьяна сидела как сидела. Посматривала на меня настороженно, но пропадать никуда не собиралась.

От нее пахло, как, видимо, и должно пахнуть от нормальной обезьяны. Шерстью, мочой и еще чем-то... Наверное, специфическими обезьяньими выделениями.

Я осторожно протянул руку, ожидая, что та встретит пустоту. Но ощутил под ладонью мягкую теплую шерсть и каучуковые комочки мускулов. Чтобы убедиться получше, слегка ткнул пальцем в обезьянье плечо. Вместо того чтобы лопнуть, она взвизгнула и клацнула зубами около моей ладони. Я быстро убрал руку и вернулся на свое место.

Отличная галлюцинация. Мое больное сознание работало на славу. Все было совершенно правдиво. Если бы не уверенность в том, что обезьяны не умеют разговаривать, я бы принял все за чистую монету.

Впрочем, ведь психи обычно принимают свои видения за чистую монету, разве не так?

Мы сидели и молчали. В голове у меня была космическая пустота. Обезьяне, видимо, было безразлично, общаются с ней или нет. Она почесывалась, что-то вытаскивала из шерсти, совала это «что-то» в рот, вертела головой, снова почесывалась, выкусывала, вылизывала... Словом, вела себя как самая обыкновенная обезьяна. Вроде тех, что развлекают туристов в парке обезьян в Никко. На миг я даже почувствовал себя виноватым, что не захватил с собой каких-нибудь фруктов, чтобы угостить ее. Но тут же вспомнил, что она любит пиво. И может говорить. Вряд ли она обрадовалась бы обыкновенному банану...

- Ми-и устали. Хотеть домой.

- А где у тебя дом? - спросил я.

- Тама, - она неопределенно махнула лапой в сторону окна. - Не говорить хочешь, ми-и уходим.

Она взяла фонарик и спрыгнула со стола.

- Подожди... Ты мне кажешься, да?

- Ми-и не знаем. Ми-и приходим. Нужны приходим и. Как нужны, как настоящие, ми-и знаем не. Просто приходим.

- Ты мне нужна? Зачем?

- Знать откуда?

- Как ты можешь мне помочь?

- Ми-и помогаем не. Ми-и направляем, да.

- Куда направляешь?

Обезьяна опять запрыгнула на стол и уселась. Озадаченно почесала затылок. Совсем как человек. Даже выражение морды было вполне человеческое.

- Ми-и знаем так. Жизнь - паутина. Прямо нет. Нитей много, связаны все, да. И с другими паутинами связаны, да. Поворотов много. Повернешь как - по другой нити идешь. Раз еще повернешь. Потом еще. Куда дойдешь? Не знаешь. Повернуть куда правильно, чтобы дойти? Не знаешь. Ми-и помогаем. Можешь и по чужой паутине пойти, да. Думаешь твой поворот, а паутина там чужая. Тогда придешь никуда, нет. Ми-и распутываем... Разъединяем. Фу-у-у... говорить тяжело ми-и. Морда устает. Бар приходи. Там говорить.

Если бы речь шла о человеке, я бы сказал: он действительно выглядел слегка утомленным. Видно, ей и правда было тяжело говорить. Тем более что такую длинную тираду она произнесла почти правильно. Мне даже не пришлось переспрашивать.

- Все, - обезьяна опять спрыгнула со стола, - ми-и идти. Бар говорить.

Она взяла со стола фонарь и направилась к двери. Шла на двух лапах, держа фонарь над головой. И с убийственно серьезной мордой.

Дверь с щелчком закрылась за ней. Я оказался в темноте. Настолько плотной, что ее, казалось, можно резать ножом.

Постепенно глаза привыкли. Мне показалось, что кто-то снял с глаз повязку. Я стал различать контуры мебели. Справа белела дверь.

Потом луна выглянула из-за облаков и осветила кабинет. На полу, в нескольких сантиметрах от моих ботинок я увидел большое черное пятно. На этом месте зарезали якудза. Пятно было огромным. Наверное, из того парня вышла вся кровь. Меня передернуло.

Черт. Надо было убираться отсюда. Я осознал, где именно нахожусь. В здании, где убили, жестоко убили двух человек. А если вспомнить то, что говорила о нем Вик... Да тут, наверное, каждый день кто-нибудь умирал.

Мысль о привидениях вдруг показалась мне не такой уж идиотской. То есть идиотской-то она была. Но, тем не менее, ужас наводила такой, что я не мог заставить себя подняться с пола.

Перестань, говорил я себе, не валяй дурака. Никаких привидений быть не может. Ты уже не маленький мальчик, чтобы верить в подобную ерунду. Да, но говорящая обезьяна была? Была. Хотя это тоже невозможно. Не получится ли похожей истории с привидениями?

Заткнись. Это обыкновенная клиника. Встань и убирайся отсюда, пока тебя кто-нибудь здесь не застукал.

Но вот встать как раз и не получалось. Я сидел и смотрел на черное пятно передо мной. Оно было похоже на гигантскую кляксу. Будто кто-то разлил густую тушь.

Чем дольше я таращился на него, тем больше мне казалось, что с ним что-то не так.

Оно было слишком уж черным. Впечатление такое, что, дотронься до этого пятна рукой, под ладонью будет вовсе не холодный твердый пол. А что-то мягкое, ворсистое, теплое, живое... Да, именно живое.

Но почему это пришло мне в голову? Почему живое?

Я вгляделся в пятно внимательнее. До ломоты в висках... И отпрянул, ударившись о стену затылком.

Короткие, уродливо-кривые щупальца кляксы шевелились. Очень вяло, едва заметно, как водоросли на морском дне, только в десятки раз медленнее. Но все-таки шевелились.

Я не мог отвести от них взгляда.

Пятно явно приближалось ко мне. Очень, очень медленно. Когда я смотрел прямо на него, оно вроде не двигалось с места. Но стоило перевести взгляд куда-нибудь или просто на мгновение ослабить внимание, пятно оказывалось на несколько миллиметров ближе.

Я инстинктивно поджал ноги, будто боялся их промочить.

Промочить в чем? В пятне засохшей крови?

Не валяй дурака, этого не может быть. Пятна крови не могут двигаться...

Я еще раз внимательно посмотрел на него. Оно и правда казалось живым. В его целеустремленном движении была воля. Собственная воля. И оно действительно приближалось.

Минуты две назад я мог сидеть, вытянув ноги. Теперь я попробовал это сделать, но полностью разогнуть колени не удалось. Во время этого эксперимента носок ботинка случайно задел самый край пятна. По нему пробежала легкая дрожь. Как будто это было покрытое короткой шерстью желе. Какая-то гигантская волосатая амeba. Только способная мыслить. Отвратительное зрелище.

Но хуже всего было то, что теперь пятно двигалось быстрее. Оно почувствовало добычу.

Что будет, если оно до меня доберется?

Мне представилось, как нога случайно попадает в это пятно и вязнет в нем, как в болоте.

Черные щупальца расползаются по всему телу, медленно переваривая его. Пятно не торопится. Оно знает, что мне никуда не деться.

Чувствуя, как встают дыбом волосы на затылке, я оперся рукой об пол, подтянул ноги и начал медленно вставать. Спину холодил кафель стены.

Пятно как будто поняло, что добыча ускользает. Щупальца задвигались быстрее. По ним то и дело пробегала судорога.

Когда я встал, ближайшее щупальце было уже сантиметрах в десяти от моих ботинок. Я начал потихоньку, боком, двигаться в сторону двери. Мне нужно сделать всего три шага. Затекшие от долгого сидения ноги не слушались.

Прижимаясь к стене и стараясь не дышать, я преодолел половину расстояния. Пятно начало двигаться наискосок, собираясь отрезать меня от двери.

Я сделал еще полшага. Пятно было уже в трех-четырех сантиметрах от моих ног. Я по-прежнему не мог разглядеть его во всех подробностях. Пятно и все. Жирное, чернильно-черное пятно... Густое, как... Как свернувшаяся кровь. Мне даже показалось, что в нем и на самом деле плавают какие-то сгустки.

Борясь с тошнотой и ужасом, я сдвинулся еще немного вправо. Спина была мокрой от пота.

Всего полшага... Я вжался в стену так, будто хотел проломить ее телом.

И в этот момент луна скрылась за облаками.

Меня накрыла темнота. Пятно слилось с ней. Но не исчезло. Я чувствовал, что оно совсем рядом. Может быть, оно уже коснулась меня. Может быть, его щупальце уже ползет вверх по моей ноге...

Завопив, я бросился к двери. Мне было плевать, что будет. Выносить этот кошмар я больше не мог.

Когда я захлопывал за собой дверь, мне показалось, что в комнате кто-то тяжело и тоскливо вздохнул...

Как добрался до дома, я не помню. Словно меня накачали наркотиками. Все было в тумане. Вылез через окно, добрал до машины, вел ее как автомат. Ввалился в квартиру, доплелся до кровати и рухнул на нее, даже не раздеваясь.

И моментально уснул.

Где-то посреди ночи я проснулся. Как лунатик сходил в туалет, разделся и завалился обратно в постель. И спал без всяких сновидений до полудня.

Глава 12

По окну барабанил дождь. Это было первое, что я услышал, когда вынырнул из сна.

Шум дождя. Серый свет из окна. Я лежу в своей постели. Еще одно утро.

Сколько их было? Я посчитал в уме. Получилось одиннадцать тысяч семьдесят восемь дней.

Одиннадцать тысяч семьдесят восемь восходов. Столько же закатов.

Одиннадцать тысяч семьдесят восемь... Если перевести дни в часы – цифра расплющит меня, как кроссовок тинэйджера жестяную банку из-под кока-колы. Хрусть – и я плоский, как рисовая лепешка.

Хрусть...

Я вспомнил разговор с обезьяной. Удалось мне это безо всякого труда. Даже все интонации... Она сказала, что жизнь – это паутина. Нити пересекаются, расходятся, снова сходятся в неведомом человеку порядке. Каждая нить – дорога, которой можешь идти. Все-таки паутина – не совсем верное слово. Лучше сказать – лабиринт.

Множество ходов, перекрестков, ответвлений, ведущих в тупик. Или в лабиринт чужой жизни. Так бредешь себе, бредешь, свернул не туда, не в тот коридор, оказался в чужом лабиринте. И продолжаешь идти по нему, думая, что все в порядке. Что идешь туда, куда надо. А из того лабиринта переходишь в другой... В итоге оказываешься в такой дали от собственной жизни, что вернуться туда уже невозможно. Дорогу не найти.

Прозевать момент, когда свернул не туда, – проще простого.

Может быть и так, что кто-то заблудится и залезет в твой лабиринт. И будешь наткаться на него то там, то тут. Не обойти, не обогнать... Идешь, а впереди чужая спина. Тоже ничего хорошего. Особенно, если человек не нужен тебе.

Но все-таки оказаться в чужом лабиринте куда хуже.

Я прокрутил в голове свою жизнь, чтобы понять, не заблудился ли.

Вышло, что заблудиться мог очень даже просто. Скорее всего, так и случилось.

Когда учился в старшей школе, больше всего на свете я хотел рисовать комиксы. Не могу сказать, что получалось у меня уж очень здорово. Но лучше, чем у некоторых моих приятелей, фанатеющих от манга.

Отец сказал, что это не занятие для молодого человека. И настоял на том, чтобы я поступил в университет.

«Одно другому не мешает, Котаро. Ты можешь учиться и рисовать свои картинки. Но профессия у тебя должна быть. Профессия – это уверенность в завтрашнем дне».

Мать молчала, но я видел, что она на его стороне. Еще бы!

Стандартная ситуация. Похожие слова говорят миллионы родителей миллионам детей во всем мире. И девяносто процентов детей поступают так, как от них требуют.

Я вошел в эти девяносто процентов.

Рисовать я, правда, не бросил. Но для того чтобы чего-то добиться в том или ином ремесле, нужно знать, что у тебя нет запасного выхода. Должно быть отчаяние обреченного. У меня его не было. Я знал, что, если не буду валять дурака в университете, получу хорошую работу. Поэтому так и не стал художником. То, что я рисовал, никуда не годилось. После нескольких

неудач я махнул на это рукой.

Потом мне захотелось стать барменом. Бросить к чертям университет и начать протирать стаканы. Постепенно скопить на собственный бар...

На этот раз даже мать не молчала.

Можно было тогда плюнуть на все и сделать по-своему. Можно было. Но к тому времени я научился бояться.

Обычно на вопрос, почему не стал ни тем, ни другим, я отвечаю: не сложилось. И себе так говорю. Не сложилось. А на самом деле влез в чужой лабиринт. Свернул один раз не там, и все. Заблудился. Принял его за свой. Ничего примечательного в этой истории, конечно, нет. Не я один такой. Но от этого не легче.

Таких поворотов десятки. Если один раз сбился с пути, выйти на верную дорогу очень трудно.

Я тридцатилетний мальчишка. Моя жизнь - это лишь игра в жизнь. Единственное, что меня волнует - декорации и костюмы, в которых приходится играть. Если они хороши - значит, игра получилась.

Я прожил тридцать лет, так и не узнав, каково это - бросать в пике торпедоносец, заходя на цель, или удерживать последний рубеж обороны, будучи прикованным к пулемету. Все, что для меня важно, - купить новую дорогую игрушку или как следует развлечься. Даже не пытаюсь по-настоящему узнать, чего я стою. Я проживу долгую тихую бесполезную жизнь в чужих лабиринтах и умру чужим для самого себя человеком. Умру, так и не испытав в этой жизни ничего, кроме ленивой скуки. И еще страха лишиться этой сытой жизни.

Я перевернулся на другой бок. Вставать не хотелось. Комната выглядела недружелюбно в свете серого дня. Сезон дождей...

Хандра. Это обыкновенная хандра. Слишком много на меня навалилось. Я запутался в чужих лабиринтах. Но как найти свой? Может быть, для этого и правда нужно сесть за штурвал торпедоносца?

Это обыкновенная хандра. Она пройдет. Обязательно пройдет. Нужно только дать ей время.

Иногда мне кажется, что меня уже нет. Я лишь плод чьего-то воображения. Искорка чужого сознания. Кто-то выдумал меня, выдумал мир, в котором я живу.

Существую ли я на самом деле, или я лишь призрак - всем безразлично. Даже мне самому. Те, с кем я соприкасался, воспринимали меня как мимолетный эпизод. Я сам к этому стремился, и у меня, судя по всему, неплохо получалось. Люди проходили мимо, бросали на меня недоуменные взгляды и исчезали в серой мутной дымке... Кто-то останавливался, чтобы перекинуться со мной парой слов, и тоже исчезал, пожав плечами в ответ на мои ответы... Я не приметный камень на распутье множества чужих дорог.

Лицо мокрое. Что это? Слезы? Капли дождя?

Я не плачу. Просто что-то сжимается там, внутри. Сжимается так, что кажется - на месте желудка, печени, кишок вот-вот образуется черная дыра. Я перестану существовать. То, что после меня останется, будет искривлять пространство и время.

Лицо мокрое. Это просто дождь. Черная дыра не может плакать. Это дождь...

Из депрессивного забытья меня выдернул телефонный звонок.

Конечно же, это была Вик.

Конечно же, с очередным оригинальным предложением.

- Привет. Как спалось?

Голос у нее был бодрый. Пожалуй, даже слишком бодрый. Я бы сказал, что она на взводе. В ее голосе слышался адреналин.

- Спалось... Не так, чтобы очень...

- Поехали кататься.

- Не понял?..

- Кататься. На машине. Есть такая штука, которая едет сама по себе, без вола. Называется машина. Поехали, покатаемся на ней.

- Не думаю, что хочу садиться за руль сегодня...

- Тебе не придется. Спускайся, я около твоего дома. Только быстрее... По-жа-луй-ста.

Щелчок. Гудки.

Вылезать из постели я не хотел. Но еще меньше я хотел объяснять, почему не хочу вылезать из постели.

Я встал, ополоснул лицо холодной водой, наскоро почистил зубы, оделся и вышел из квартиры. На сборы ушло минут пятнадцать. Никакого повода для упреков.

Вик нервно ходила взад-вперед перед черным *Porsche 911*. Я присвистнул. Эта машина стоит кучу денег. Не просто кучу, а *очень большую* кучу.

Porsche 911 ... Легенда. Я о таком могу только мечтать.

Увидев меня, Вик махнула рукой и села на водительское место.

Надо сказать, смотрелась она там на удивление хорошо. Органично. Хотя представить такое было сложно.

Ее кое-как покрашенные волосы, торчащие в разные стороны, словно ветки засохшего куста, на который кто-то нацепил ярко-желтые ленты. Ее выцветшая футболка, потертая вельветовая куртка, будто снятая с чужого плеча. Наконец, ее лицо, на котором написано «идите в задницу, придурки»... Все это не вязалось с дорогой спортивной машиной. Но только до тех пор, пока Вик не села за руль. На водительском месте она выглядела так, словно всю жизнь только и занималась тем, что разъезжала на дорогущих тачках. Они идеально подходили друг другу. Как на американских рекламных плакатах, где блондинки смотрятся в дорогих норковых шубах так, будто в них родились.

Вик, похоже, родилась в черном «порше».

Честно говоря, я здорово удивился. И понял, что в этой девушке скрыто много такого, что я упустил. Первый раз я задумался об этом в клинике, когда увидел, как она разделяется с тем парнем. Второй раз – сейчас. Но если первое удивление было со знаком минус, то теперь я испытал что-то близкое к восхищению.

В машине сидела совсем другая Вик. Не та, которую я знал. Не запутавшаяся девчонка с кучей комплексов, а молодая красивая женщина, уверенная в себе, знающая, чего она хочет, и привыкшая получать это. Такая вот метаморфоза. И произошла она только благодаря машине. Вик не сделала себе прическу или макияж, не надела строгий деловой костюм. Ничего этого. Просто села в машину и небрежно выставила локоть из открытого окна.

Черт, я действительно ничего о ней не знаю. И чем дольше общаюсь, тем больше становится это «ничего».

- Ну что ты там стоишь с открытым ртом, придурок? Никогда не видел машин?

Все-таки она изменилась не так сильно.

Вздыхнув, я сел в миниатюрный космический челнок. И не успел захлопнуть дверь – «порш» рванул вперед так, будто Вик на самом деле решила вывести нас на космическую орбиту.

Первое время я сидел, вжавшись в сиденье и время от времени вытирая мокрые ладони о джинсы. Иностранцы, с которыми мне довелось пообщаться, утверждали, что такого сумасшедшего движения, как в Токио, они не видели больше нигде. Может быть. Иногда и правда, впечатление складывается такое, что права здесь выдают только чокнутым. Судя по всему, Вик получила их без всякого экзамена.

Она ехала так, будто вознамерилась свести счеты с жизнью именно таким образом. Сидя за рулем шикарной машины. С пассажиром, трясутым от страха.

Но, несмотря на экстремальный стиль вождения, она умудрилась выехать из города, не создав аварийной ситуации. Она вела машину уверенно и дерзко, на грани фолла. И ни разу не облажалась.

Когда мы выехали на шоссе, я немного успокоился. Если бы я курил, сейчас обязательно потянулся бы за сигаретой.

- Где ты научилась так ездить?

- У меня был парень. Гонщик. Дал мне несколько уроков, – не поворачивая головы ответила она.

- Тот, который считал, что заниматься с тобой любовью – все равно, что заниматься онанизмом?

- Нет. Другой. Гонщик вообще, кажется, не знал, что с девушками можно трахаться. Он трахался со своими машинами.

- Кстати, откуда у тебя *такая* машина?

- Не отвлекай меня. Или хочешь, чтобы я куда-нибудь врезалась?

Я замолчал и проверил ремень безопасности.

Вик включила музыку. Сёкити Кина пропел: «Ну-ка, вставай-ка!» [40]

Мы неслись по шоссе. Слева угрюмо вздыхало море. Я подумал, что только в пасмурную погоду море воспринимается как стихия. В солнечные дни – это лишь место для купания, дайвинга и прогулок на яхте. Большой бассейн. Аквапарк. Оно, несмотря на красоту, выглядит пронзительно жалким. Как тигр, посаженный в клетку. Тигр, в которого дети с веселым смехом тычут палками.

А вот когда небо затянуто тучами и ветер поднимается до трех баллов, вспенивая гребни свинцовых волн белыми барашками, море становится самим собой. Неподвластным человеку зверем. Оно не враждебно человеку. Ему до него вообще никакого дела. У него своя жизнь, свои цели и свои мечты. Нам их никогда не понять.

В пасмурную погоду море становится самим собой. Поэтому я и люблю иногда в дождь приезжать на побережье. Отличное средство от мании величия. Здесь очень хорошо понимаешь, что ты всего лишь человек. Пожалуй, только глядя на звездное небо и предштормовое море, до такой степени ощущаешь себя человеком,

- О чем думаешь? – спросила Вик.

- Да так, ни о чем конкретном. – Мне почему-то не хотелось делиться с ней своими соображениями насчет моря. Есть вещи, которыми лучше вообще ни с кем не делиться. Каждому нужны свои маленькие открытия. Пусть они вовсе не являются открытием для других.

- М-м-м, – промычала Вик.

Я посмотрел на нее. Все-таки она чертовски хорошо смотрится за рулем. Настолько хорошо, что кажется, будто ты оказался внутри рекламного буклета.

Мы съехали с шоссе на боковую дорогу, ведущую к морю.

Вик остановилась на самом берегу и заглушила двигатель. На меня навалился рокот волн и шум раскачиваемых ветром сосен.

Мы вышли из машины. Вокруг не было ни души. Даже рыбаки куда-то подевались. Мы были одни на усеянном серыми валунами берегу. Вик, не обращая на меня никакого внимания, побрела к воде. Лицо у нее было отсутствующим.

Я отошел в сторону и присел на камень. Вик стояла у кромки прибоя, засунув руки в карманы и опустив голову.

Серое море, серые камни, серое небо. Хрупкая фигурка девушки у воды. Картина под названием «Одиночество». Даже «порш» выглядел, как позабытый всеми старик.

Мне опять стало тоскливо. Слишком уж минорной получилась картина. Хотя, что веселого может быть в одиночестве? Ничего. От этой мысли стало еще тоскливее.

Я взял горсть гальки и принялся швырять маленькие, отполированные морем камешки себе под ноги. Занятие под стать настроению. Такое же унылое и нелепое. А главное, совершенно ненужное.

Подошла Вик. Села рядом.

- Зачем мы сюда приехали? - спросил я после долгого, очень долгого молчания.

- Захотела попрощаться.

- С кем?

- С морем.

- Почему попрощаться?

- Иногда ты ведешь себя как полный кретин. И вопросы задаешь кретинские.

- «Придурок» мне нравится больше...

- Плевать я хотела.

Ну что тут скажешь?..

Я попытался добросить камешек до воды. Ему не хватило пары метров.

- А я сегодня ночью с обезьяной разговаривал, - вдруг вырвалось у меня.

- М-м-м... И что она тебе рассказала?

- Ничего особенного. Так, поболтали... Что интересного может сказать обезьяна? Она и говорить-то толком не умеет. С трудом ее понимал.

- М-м-м...

Вик чуть запрокинула голову, подставив лицо ветру, и прикрыла глаза.

- Тебя это не удивляет?

- Что? То, что обезьяна не умеет толком говорить?

- Да нет... Вообще, что она разговаривает. Пусть плохо получается, но это ведь обезьяна.

- Я бы больше удивилась, если бы ты сказал что-нибудь умное, - хмыкнула Вик. - А так... Вы, наверное, здорово понимали друг друга.

- Я не шучу.

- Я тоже.

Мы снова замолчали. Честно говоря, мне было все равно, что думает Вик по поводу обезьяны. Пусть считает меня психом. Да, пускай, я и буду психом, черт возьми. Что тут такого? В этом мире противоестественно быть нормальным. А психом - в самый раз.

Я решил больше не возвращаться к этому вопросу. Чокнулся я или нет, теперь мне это было неважно. Съехал с катушек - и плевать. Жить мне это не мешает. Да и никому другому тоже.

Интересно, а найдется ли хоть один человек, которому я мешаю жить? Или мешал? Я перебрал в памяти тех, с кем мне доводилось общаться. Нет. Никому не помешал. И никому не помог.

Я неприметный камень на распутье дорог.

- Знаешь, - сказал я, - иногда мне кажется, что меня нет. Тело существует, мысли какие-то есть... А сам я далеко-далеко. Не ощущаю этого мира, понимаешь. Не чувствую, что нахожусь в нем. Где-то за пределами... Какую-то часть меня, самую нужную, отделили и выбросили в параллельный мир. Валяется там без всякого толку... А я без нее ничего почувствовать по-настоящему не могу. Осознания нет. Сделал что-то, а потом думаю - а зачем я это сделал? Разве хотел? Разве это было мне нужно?.. Всякий раз понимаю, что нет. Мог бы так и не поступать. Ничего бы не изменилось. Миру все равно, делаю я что-нибудь или сижу, сложив руки. С людьми то же самое. Есть кто-нибудь рядом или я один - без разницы. И людям и мне.

вернуться

40

Песня с альбома IN LOVE (1992) группы *Champloose*.

- Чувства под наркозом?

- Да нет, не так... Сложно объяснить. Ну вот, например... Сидишь ты дома. Делать абсолютно нечего. Дай, думаешь, пройдуся. Просто так, никуда... Ну и идешь себе. Идешь, идешь... Вроде и делом занята, слышишь все, видишь. Но не цепляет ничего. Понимаешь, что с тем же успехом мог бы дома сидеть и в стену смотреть. Или спать лечь. Все равнозначно. Не одинаково важно, а... Просто одинаково. Можешь придумать себе занятие на ходу, вроде, там, дома считать или лужи перешагивать. Но ведь мог бы и попросту идти, без всего этого. Будешь ты считать дома или нет - ничего не изменится. По-настоящему делать тебе нечего. Просто время убиваешь. Вот - убиваешь время. Так и я. Просто убиваю время. Минуту за минутой... А как престать это делать - не знаю.

- Ты и правда разговаривал с обезьяной? - спросила Вик.

- Ага. Она сказала, что ты знаешь ответы на мои вопросы.

- Какие вопросы?

Я пожал плечами.

- Нет вопросов?

- Ничего на ум не приходит. Так всегда бывает. Когда можно спросить, не знаешь, о чем. А когда вопросов уйма, ответить некому.

Вик кивнула головой. Я посмотрел на нее. Вид у нее был грустный, как у бездомной собаки под осенним дождем. Именно в этот момент я по-настоящему осознал, что она и в самом деле решила умереть. Сначала я не верил ей. Потом понял, что это правда. Но понял головой. Как понимаешь, что дважды два - четыре. А сейчас осознал. Очень ясно, без дураков. Мне стало страшно. Захотелось во что бы то ни стало уберечь ее. Спасти, как бы громко это ни звучало.

Глядя на ее опущенные худые плечи, я вдруг понял, что не хочу ее потерять. Несмотря на все эти «придурак» и «иди в задницу». Несмотря на ночные звонки и бросания трубок. Да даже несмотря на то, что я по ее милости нарушил закон и чуть не убил человека...

Это чувство даже отдаленно не было похоже на любовь. Смертельно уставший солдат, дерущийся

в окружении, вдруг увидел, что остался не один, что в соседнем окопе выжил и сражается брат по оружию. И теперь самое страшное – услышать, что его автомат замолчал. Вот что я почувствовал, глядя в тот момент на Вик.

Мы не друзья и не любовники. Мы братья по оружию. Единственные, кто остался из батальона.

- Иногда мне не хочется умирать, – тихо сказала Вик.

- Тебя никто не заставляет...

- Да.

- Может, оставишь эту идею?

- Это все, что у меня есть. Откажись я от нее, не останется вообще ничего. И тогда снова захочется умереть. Странно, да? Желание умереть – единственное, что придает смысл существованию.

- Ну тогда просто живи с этой мыслью. Собирайся умереть, но откладывай это дело на потом.

- Нет, Котаро. Уже слишком поздно. Любая идея, если слишком долго с ней жить, приобретает власть над человеком. В какой-то момент она начинает управлять им, а не наоборот. Я прошла точку возврата. Теперь мне придется умереть, даже против желания. Я ничего не могу с этим поделать. Как камень с горы. Я его столкнула. И остановить уже не получится. Как бы я этого ни хотела. Он должен упасть у подножья. Или как чихание... В носу свербит, зудит, и понимаешь, что не чихнуть ты уже не можешь. Вот-вот получится «ап-чхи»! И ты уже там...

- Ты говоришь глупости... – начал я, но она перебила:

- Не надо. Ты ничего не изменишь. Я не могу тебе объяснить... Чтобы это понять, нужно самому через это пройти. Игры со смертью всегда заканчиваются проигрышем. Даже если я не убью себя, все равно мне осталось недолго. Она почувствовала меня. И идет по следу. Обмануть ее невозможно. Она идет по следу, – повторила Вик совсем тихо.

От ее слов у меня по спине побежали мурашки.

Я силился найти какие-нибудь нужные слова, но все впустую. Все аргументы, которые приходили в голову, годились для пустой болтовни по телефону доверия.

- Ладно, – сказала Вик. – Не бери в голову. Все мы когда-нибудь умрем. Не устраивать же из-за этого сцену... Поехали обратно. Дождь начался. Не хочу мокнуть.

Когда мы подошли к машине, и я взялся за ручку двери, Вик, серьезно глядя мне в глаза, сказала:

- У смерти есть одно неоспоримое достоинство. Лишь когда чувствуешь ее дыхание, ты становишься свободным.

В тот момент ее слова не показались мне высокопарной чушью. В них была какая-то резкая, обнаженно жестокая истина. Как блеск клинка в лунную ночь.

Мы выехали на шоссе.

Я молча смотрел в окно. Солдат перестал слышать выстрелы из соседнего окопа. Чтобы как-то

отвлечься от гнетущего предчувствия чего-то очень нехорошего, я спросил первое, что пришло в голову:

- Ты мне не сказала, откуда у тебя эта машина?

- Угнала, - буднично ответила Вик.

- Ты шутишь?

- Я похожа на человека, которому охота шутить?

Я почувствовал себя как тогда, в клинике, при виде опускающегося на голову парня фонаря.

- Ты с ума сошла!

- Кто бы говорил. Смотри, какая красотка, - совсем по-мужски сказала Вик и прибавила газу.

Двигатель радостно заурчал.

- Осторожнее, - сказал я, - Асфальт мокрый!

- Чего ты все время боишься? Как можно жить, постоянно трясясь от страха? Ну ее в задницу, такую жизнь, Котаро! Ну ее в задницу!

Она утопила педаль в пол, нажав kick down. Меня вдавило в спинку сиденья. Вообще-то я люблю быстро прокатиться. В этой ситуации были два существенных «но». Во-первых, мокрая дорога и плохая видимость. Во-вторых, девушка за рулем...

И не просто девушка, а не совсем нормальная... чокнутая к чертям девица.

Я занервничал.

Стрелка спидометра неуклонно ползла вверх.

Ремни безопасности с пиропатронами, восемь подушек безопасности, анатомические сиденья. Иллюзия безнаказанности при скорости сто восемьдесят километров в час на мокрой дороге. В лучшем случае, у дорожной полиции не будет проблем с поиском моего тела и опознанием.

Деревья, растущие вдоль дороги, слились в сплошную темно-зеленую стену.

- Перестань! - заорал я, когда скорость дошла до двухсот. - Ты не справишься!

Вместо того чтобы снизить скорость, Вик включила музыку. По ушам и нервам ударила «Smack my bitch up». Я не заметил, когда она поставила диск Prodigy.

А потом Вик повернула руль вправо.

Теперь мы летели прямо по разделительной полосе.

Капли дождя лупили в лобовое стекло, словно какой-то великан со всей силы бросал пригоршни риса. Казалось, вот-вот - и они прошьют триплекс насквозь. Дворники не справлялись. Из-за пелены дождя и расплюснутых капель воды на стекле не было видно ни черта. Угадывалась только желтая лента разделительной полосы перед самыми колесами. Она извивалась, как ополоумевшая от боли и ярости кобра.

Вик сидела, пригнувшись, вцепившись в руль так, что руки стали белыми, как мел. Нога ее продолжала давить на газ.

Тревожно блеснули огоньки ехавшей перед нами машины. Вик вылетела на соседнюю полосу. Мимо нас промелькнула красная «субару». Я успел заметить удивленное лицо мужчины за рулем и указывающую на нас пальцем женщину рядом с ним.

- Езжай хотя бы по своей полосе!

Но Вик не слышала меня. Или не хотела слышать. Она продолжала гнать машину. При этом все больше забирала вправо. Я дернулся было к рулю, но понял, что это равносильно самоубийству. Одно неверное движение, и нас попросту вынесет с дороги. На такой скорости любое дерево или столб вонзят капот до багажника. Мясные консервы. Вот во что мы превратимся. В мясные консервы...

- Вырули на свою полосу, черт тебя дер!

Ответом мне был рев двигателя и завывания Prodigі. Я посмотрел на спидометр. Двести десять километров в час. Двести десять дерьмовых километров.

Вик нажала кнопку. Боковое стекло плавно поползло вниз. В машину ворвался свист ветра, грохот рвущих асфальт колес и дождь. Мы мгновенно вымокли. Даже я, хотя мое окно было закрыто.

- Суго-о-о-ой! [41] - вопила Вик.

«Оттрахайте мою суку!» - надрывался из динамиков Кейт Флинт.

- Уйди со встречной полосы!!! - орал я, но не слышал в этой какофонии собственного голоса.

вернуться

41

Круто.

Мне казалось, что из-за поворота вот-вот вылетит на нас, лоб в лоб огромный автобус. Я почти видел его тупую морду, оскал решетки радиатора, бешеные глаза противотуманных фар. И ухмыляющуюся от уха до уха обезьяну за рулем.

Чтобы сбросить наваждение, я на миг закрыл глаза. А когда открыл их, заверещал так, что заглушил и Вик и Флинта.

- Машина!

Прямо на нас неслась желтая «Хонда». Она бешено сигналила нам. Но Вик не обратила на нее никакого внимания. Только крепче стиснула руль и наклонила голову.

У меня не было сил даже закрыть лицо руками. Я сидел и как зачарованный смотрел на стремительно приближавшееся желтое пятно. Сто метров... Пятьдесят... Двадцать.

Чья-то ледяная ладонь сгрэбла мои внутренности и сжала так, словно хотела выжать из

них сок.

Мои глаза вылезают из орбит.

Мой рот распахнут в немом крике.

Мои мышцы сведены судрогой...

«Хонда», визжа тормозами и не переставая сигналить, вильнула в сторону. В окно хлынул поток воды из-под ее колес.

Я обернулся. С «хондой» все было в порядке. Я видел ее габаритные огни. Они быстро растворялись в серой пелене.

- Какого черта ты делаешь?! Какого дерьмового черта ты вытворяешь?!

Я посмотрел на Вик. По ее подбородку из прокушенной губы стекала тонкая струйка крови.

- Прекрати, слышишь?!

Бесполезно. Вик не было в машине. Она была где-то в другом месте. Мне показалось, что через мгновение появится маска.

Но этого не произошло.

Дорога шла в гору. Когда подъем закончился и мы оказались наверху, я увидел впереди целую вереницу машин. Если Вик не затормозит или не вернется на свою полосу сейчас, мы покойники. А вместе с нами еще несколько человек.

Но она и не думала тормозить. Наоборот. Почувствовав спуск, машина только увеличила скорость. Почти двести тридцать километров в час.

Наверное, со стороны мы выглядели как свихнувшаяся черная торпеда.

Целый хор гудков встречал нас внизу.

Перекрывая этот хор и шум ветра, Вик завизжала так, что у меня заложило уши:

- Смерть - это победа! [42]

У нее было совершенно безумное лицо. Действительно лицо летчика-камикадзе, бросающего самолет в последний вираж.

Суматошное мигание фар впереди.

Мы мчались прямо на них.

Следующие несколько секунд были наполнены визгом тормозов и воем сирен. Я вертелся в своем кресле, будто пытался увернуться от несущихся на меня машин. Кажется, что-то кричал...

Они бросались врассыпную, как цыплята от лисицы. Это было похоже на безумную компьютерную игру. Только нельзя было нажать на клавишу *save*.

В какой-то момент я очень ясно понял, что эти секунды могут стать последними в моей жизни.

А могут и не стать. Но рано или поздно, так или иначе, они обязательно придут. Это неизбежно. Мне *придется* пережить их. И случись это даже через сотню лет, они не станут приятнее и легче. Их так же будет наполнять предсмертный ужас. И меня так же будет переполнять желание жить. Я так же буду кричать про себя: «Только не сейчас! Пожалуйста, только не сейчас!!!» Ничего не изменится. Если я уцелею, это будет всего лишь отсрочка. И кто знает, сколько возьмет с меня смерть за нее. Цена может оказаться непомерно высокой.

Может быть, смерть в горящей машине на обочине дороги – это подарок мне.

Может быть, лучше, чтобы все закончилось именно сейчас. И именно так...

Поняв это, я перестал дергаться, как марионетка в руках эпилептика. Поняв это, я перестал цепляться за свою гребаную жизнь. Поняв это, я сказал своей смерти «привет» и улыбнулся.

Все равно я безраздельно принадлежу ей. Какого черта вести себя так, будто я собрался жить вечно?

Оказывается, почувствовать ее рядом с собой вовсе не так страшно. Это гораздо ужаснее... Но в то же время испытываешь огромное облегчение. Нужно только понять, что ты был обречен еще до появления на свет. А будущее – всего лишь иллюзия, рожденная жаждой жизни.

Сколько это продолжалось, я не знал. Мне показалось, прошла целая жизнь, прежде чем Вик, наконец, нашла прореху в потоке и нырнула на свою полосу. Лицо ее было совершенно непроницаемым. Только дрожь, которая сотрясала ее плечи, говорила о том, что она прекрасно осознавала происходящее.

Вик сбросила скорость, закрыла окно и выключила музыку. Я тут же оглох от тишины.

Некоторое время мы ехали молча. У меня не было сил разговаривать. Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Руки дрожали так, что слышно было, как постукивает браслет часов. С коленями творилось то же самое.

А Вик о чем-то думала. Мокрые волосы налипли на лоб. Рот перепачкан кровью. Но она не замечала этого. Никакого безумия на лице. Оно было умиротворенным. Глаза полуприкрыты, окровавленные губы чуть раздвинулись в улыбке. Плечи перестали подрагивать.

Превращение демона в бодхисатву.

Я не мог поверить собственным глазам. Только что она чуть не угробила нас, а теперь счастливо улыбается. Будто несколько минут назад любовалась цветущей сакурой. Во мне закипало глухое раздражение.

Пережитый страх, загнанный внутрь, хотел вырваться наружу...

- Может, скажешь, что это было? – стараясь казаться спокойным, спросил я.

Вместо ответа она съехала с шоссе и остановила машину на берегу залива. Ни слова не говоря, вышла и захлопнула дверь. Я остался один в салоне.

В салоне *угнанной* машины, – услужливо подсказал внутренний голос.

Я выскочил из нее, будто услышал тиканье часового механизма бомбы.

Вик неторопливо брела к морю, пиная попадавшие на пути камешки. Я догнал ее и схватил

за плечо. Ее голова безвольно мотнулась, когда я рывком развернул ее к себе.

- Зачем ты это сделала? Какого черта ты вытворяла там, на дороге? Мы чуть не погибли!

Она, все так же улыбаясь, смотрела мне в глаза и молчала.

Я схватил ее за лацканы вельветовой курточки и несколько раз потряхнул.

Часовой механизм тикал теперь во мне. Я почувствовал, что еще несколько секунд, и будет взрыв.

- Ты. Нас. Чуть. Не. Убила!

Вик начала смеяться. Сначала тихо. Не раскрывая рта. Просто задрожали плечи. Я даже подумал, что она плачет. Но содрогания перешли в смех, а потом в хохот.

И это была вовсе не истерика. Я понял это по ее взгляду.

Она смеялась надо мной. Над пережитым мною ужасом. Над моим желанием жить. Над моей запоздалой трусливой яростью.

Все закружилось у меня перед глазами. Горло сдавило так, что я не мог вздохнуть.

- Заткнись!

Я хватаю ее за плечи и трясу изо всех сил. Ее голова болтается, как у тряпичной куклы.

- Замолчи, слышишь!

У нее подгибаются ноги. Ей не хватает дыхания. Она слабо цепляется за мою одежду.

- Да перестань же ты, чертова сука!

Я бью ее ладонью по лицу. Наотмашь. Прямо по окровавленным губам. Хохочущим окровавленным губам.

- Давай! - кричит она сквозь смех. - Давай! Еще раз!

Я бью ее снова. Перед глазами розовый туман. Хохочущая маска...

- Заткнись!!!

- Бей! Бей! Покажи себя!

Еще один удар. Еще один. Кровь из рассеченных губ заливает ей подбородок. Губы опухли. Они шевелятся, как толстые красные черви.

- Давай! Прикончи меня! Прикончи!

Она падает на колени, не преставая хохотать. Я хватаю ее за волосы и вздергиваю голову вверх. Я хлещу ее по щекам. Проклятый смех не прекращается. Он режет, кромсает внутренности. Выворачивает меня наизнанку.

- Заткнись!!!

- Давай! - падая, хрипит она. - Давай! А теперь еще и трахни меня! Трахни!

- Прекрати!!!

Ее крики сводят меня с ума.

- Трахни меня и прикончи!!!

Она извивается на земле. Кровь сочится из рассеченных губ, кровь льется из разбитого носа. Кровь смешивается с рыхлым влажным песком.

Я больше не могу выносить этот смех.

У меня нет сил выносить это...

- Трахни меня и прикончи!!!

вернуться

42

Клич летчиков-камикадзе.

Я тяжело повалился рядом с ней на мокрый песок, зажимая уши ладонями. Смех прекратился. Крики перешли в стоны.

Что же со мной происходит?

Она неподвижно лежала ничком. Совсем близко. Я чувствовал тепло ее тела. Чувствовал ее тяжелое прерывистое дыхание и всхлипы.

Я перевернулся на спину, подставив лицо дождю. Мне хотелось плакать. Сам не знаю, почему. Может, я и плакал. Просто слезы тут же смывал дождь... И мне казалось, что я лишь хочу плакать.

Так мы и лежали. Две неподвижные фигурки на пустынном берегу. Под мраморно-серым небом. Под тоскливо-серым дождем. Рядом с тоскливо-серым морем.

Глава 13

Нас окружал туман. Непроницаемый. Настолько плотный, что казалось – его можно взять в горсть и слепить какую-нибудь фигурку.

В тумане не было слышно ни шума моря, ни криков чаек, ни шелеста дождя. Да и самого дождя не было. Капли не долетали до нас.

- Что это? – спросила Вик.

Я не видел, лишь угадывал ее, хотя она лежала на расстоянии вытянутой руки от меня. Там, где она лежала, туман был чуть темнее. И все. Впечатление такое, будто я разговариваю с туманом. Голос звучал глухо.

- Не знаю, - ответил я.
- Похоже на туман.
- Да.
- Странно, правда?
- Не знаю, мне так не кажется. Необычно - да. Но не странно.
- Есть разница?
- Да.
- Какая?
- Сейчас это не важно. Ты хотела убить нас?
- Не знаю. Может быть. Но еще я хотела научить тебя.
- Чему?
- Умирать.
- Зачем?
- Пока не умеешь умирать, жить плохо получается. Знаю по себе.
- Научила?
- Тебе виднее. Но, кажется, нет. Пока нет.
- Почему ты решила, что вправе меня учить? Так учить?
- Мне сказала обезьяна.
- Ты ее тоже видела?
- Да, - сказала Вик.

Я замолчал. Вопросов больше не было.

Туман становился все гуще. Вскоре я перестал различать силуэт Вик. Она говорила еще что-то, кажется, очень важное, то, без чего мне будет очень трудно жить дальше. Но я не мог разобрать слова. Как ни старался... Только голос. Он постепенно отдалялся.

Наконец, я остался один в тумане.

Глава 14

Полицейские пришли под вечер. Я как раз думал, что приготовить на ужин. В дверь позвонили. Не ожидая ничего плохого, я открыл.

На пороге стояли парни из моих кошмаров. Им даже не пришлось предъявлять документы. Я и

так сразу понял, что это служители закона.

Крепкие, невысокие, в дешевых костюмах. Точь-в-точь, как я их себе представлял. И какие-то ненастоящие. Лица будто нарисованы. Чем-то они напомнили мне покемонов. Тех самых, которых набивали швейными иглами. На вид вроде мягкая игрушка, а сожми ее посильнее...

Так и эти. Нет, правда, самые настоящие покемоны. Одного из них я назвал Пикачу, второго – Рейчу.

- Добрый вечер, – сказал один из покемонов, доставая удостоверение.

Он проделал это с таким значительным и суровым видом, что по их сценарию я должен был вяло обмочиться. Может, приди они на день-другой раньше, так бы и случилось. Но после поездки с Вик многое из того, что со мной происходило, казалось мне ненастоящим. Я словно смотрел фильм про парня, который смотрит фильм про парня, который смотрит фильм.

Так что я не стал пугаться, а просто кивнул.

Они не делали никаких попыток зайти внутрь. Стояли себе вежливо на пороге. На лицах была написана скука.

- Ито Котаро?

- Да.

- Инспектор Саито Акихиро. Это инспектор Като Тосикадзу.

- Да, – ответил я. Мне было не важно, как их зовут. Для меня они все равно будут Пикачу и Рейчу. – Чем могу помочь?

- Вы позволите задать вам несколько вопросов?

- Конечно, – снова кивнул я. – Желаете пройти?

Покемоны переглянулись и покачали головами.

В памяти всплыл эпизод какого-то детективного фильма. Там адвокат строго-настрога запрещал своему клиенту говорить полицейским что-нибудь кроме «да» и «нет». «Да» и «нет»... Стоит попробовать.

- Вы не вспомните, где были в ночь с восемнадцатого на девятнадцатое июня? – спросил Пикачу.

Я сделал задумчивое лицо. Потом сделал растерянное лицо. Потом разочарованное. И сразу за ним – огорченное. Да, я очень расстроился из-за того, что ничем не могу помочь полиции.

- Нет, – сказал я.

- Совсем не помните?

- Да. То есть, нет. То есть не помню совсем.

- А ваша машина... С ней все в порядке? Ее не угоняли? – подал голос Рейчу.

- Нет.

- Дело в том, что вашу машину видели именно в ту ночь в районе Итабаси. Может такое быть?

- Да.

Не так-то сложно, подумал я, вполне возможно, что смогу так продержаться весь разговор.

Покемоны озадаченно переглянулись. Было приятно думать, что озадачил их я. В том фильме, который смотрел самый последний парень, я был удачливым и изворотливым бандитом. Сугой...

- Так были вы там или нет? - Пикачу начал раздражаться.

- Не помню, - мне пришлось разнообразить ответы.

- Это было не так давно. Неужели вы можете этого не помнить?

- Да.

- Послушайте, - сказал Рейчу. - Мы можем пригласить вас к себе. Нам было бы так удобнее. Но не думаю, что вы будете в восторге. Мы пошли вам навстречу. Почему бы и вам не проявить любезность? А?

- Вы меня в чем-то подозреваете?

- По-моему, он смотрел очень много детективов, - усмехнулся Пикачу, глядя мне в глаза.

- Ага, - кивнул Рейчу, - он просто насмотрелся дерьмовых фильмов. И теперь считает себя самым умным.

Похоже, покемоны разозлились. Но я никак не мог заставить себя испугаться. Пока они не создают серьезных проблем. Неприятности - да. Но к неприятностям я уже начал привыкать.

- Так что, вы предпочитаете поехать с нами? Или все-таки напряжете память?

- Да. Припоминаю. Я там действительно был. И именно в ту ночь. А что?

- Что вы там делали?

- Я обязан отвечать?

- Нет. Но ответить придется, - сказал Пикачу.

Рейчу кивнул и почесал кончик носа.

- Развлекался.

- Не самое подходящее место для развлечений.

- Кому как. - Я пожал плечами.

- С вами была девушка, так?.

- Да. Это-то и было развлечение.

- Кто она?

- Мне бы не хотелось отвечать на этот вопрос.

- Почему? - в один голос спросили покемоны.

У них одинаково приподнялись брови.

- Это личное. И, кстати, почему вообще вы спрашиваете меня об этом? - несколько запоздало возмутился я.

Они отметили эту задержку.

- Этой ночью, недалеко от того места, где вас видели, произошло убийство. Возможно, вы слышали о нем в новостях. Мы опрашиваем свидетелей. Только и всего, - сказал Пикачу.

- Только и всего, - повторил Рейчу.

- Только и всего, - зачем-то промямлил и я.

- Так вы скажете, кто эта девушка и что привело вас в этот район?

- Неужели это так важно? - попробовал возмутиться я.

- Поедем к нам? - спросил Пикачу.

- Хорошо, скажу. Девушка - проститутка. Мы приехали к ней. У меня, понимаете, принцип. Женщин к себе в квартиру не привожу.

- Проститутка? - переспросил Рейчу.

- Ну да. Женщина, которая отдается за деньги.

- Не смешно, - заметил Пикачу. Рейчу согласно кивнул.

- Да чего уж тут смешного, - покачал головой я. - Скорее, грустно. Я каждый раз, снимая проститутку, думаю, что же толкнуло ее на этот шаг? Ну, в смысле, продавать свое тело... Не поверите, но мне их даже немного жаль.

Я очень надеялся, что издевка будет не слишком заметна. Совсем не издеваться я не мог. Кто-то тянул меня за язык. Этот «кто-то» первый раз выглянул из моего нутра, когда я бил Вик. Доктор Джекил и мистер Говнюк.

Покемоны снова озадачились. Правда, ненадолго. Эти парни хорошо знали свое дело. Сбить их с толку было не просто.

- Это точно была проститутка? - спросил Пикачу.

- Она взяла с меня деньги за... ну, вы понимаете. Так поступают только проститутки. Вернее, принято считать, что только проститутки.

- Хорошо, - очень спокойно произнес Пикачу. - Вы не могли бы сказать, как ее можно найти?

- Вряд ли это получится. Я нашел ее по одному из тех объявлений, которыми обклеены все

остановки по вечерам. Бумажку с телефоном, естественно, тут же выбросил. Я вообще-то не очень люблю проституток. Так, иногда, от случая к случаю... Поэтому и не храню телефоны агентств. Так, может быть, теперь вы скажете, к чему все эти вопросы? Я ведь могу сейчас закрыть дверь и пойти спокойно ужинать. А вам придется...

- Мы знаем, что нам придется делать, - сказал Рейчу. Судя по всему, у него нервы были послабее.

Второй покемон многозначительно посмотрел на него. Словно говорил: «Пока еще рано». Рейчу насупился.

- Вопрос у нас, собственно один, - сказал Пикачу. - Не видели ли вы что-нибудь подозрительное, когда были там, около клиники.

- Я не был около клиники. Я был в нескольких кварталах от нее... Если судить по сведениям в новостях.

Рейчу вскинул брови, но промолчал. Слово опять взял Пикачу:

- Хорошо, допустим... Ну, а там, где вы были... Ничего интересного не видели?

- Только банду подростков.

- Банду?

- Подростков. Просто подростков. Они нехорошо смотрели на мою машину. Этим мне и не понравились. Вполне возможно, что это были обычные школьники.

Я заметил, что говорю слишком много. Так они могут запросто меня поймать. Опыта общения с полицейскими у меня не было. Но я был уверен, что, стоит им заподозрить меня во лжи, они возьмут меня в оборот.

- А куда вы направились после того, как оставили машину?

- В квартиру... проститутки. Куда же еще?

- И где эта квартира?

- Этого я не могу сказать точно. Было темно. Кроме того, у меня не было задачи запомнить маршрут, чтобы потом сообщить его полиции. Уж извините.

- Значит, - решил подвести итог Пикачу, - вы ничего не видели. Очень жаль.

- Мне тоже очень жаль, - сказал я. Немного холодности в голосе, старательно подавленный зевек. Получилось вроде неплохо.

- Вы ведь никуда не собираетесь уезжать из города в ближайшее время?

- Кажется, нет.

- Хорошо. Мы к вам обратимся, если у нас возникнут еще вопросы? Не будете возражать? - со смирением буддийского монаха спросил Пикачу.

- Конечно, конечно. В любое время.

- Вы не дадите свой рабочий телефон?
- Можно подумать, вы его не знаете.
- И все-таки...
- Хорошо.

Я продиктовал номер. Рейчу, выхватив блокнот, записал его с совершенно невозмутимым видом. Парни были неплохими лицедеями. Впрочем, в их работе это необходимо.

- Что ж, - сказал Пикачу. - Спокойной вам ночи. Спасибо, что уделите нам время.

Он произнес это так, словно прощался с лучшим другом.

Покемоны повернулись, чтобы уйти. Я потянул на себя дверь, с трудом подавив вздох облегчения. В последний момент Рейчу вдруг развернулся и вставил носок ботинка в щель. Трюк, который я видел в кино раз сто. Своей эффективности он от этого не потерял.

- Мы тебя достанем, засранец, - тихо сказал он. И убрал ногу.

Я захлопнул дверь. Мне вспомнился разговор с Ямадой. Вернее, тот резкий переход от вежливого давления к откровенной грубой угрозе. Очень похоже.

И неожиданно. Даже от полицейского. Конечно, ожидать от этих ребят исключительной вежливости не стоит. Но немотивированная грубость... Это чересчур. Даже для них.

Я вернулся на кухню. Постоял немного перед открытым холодильником. Потом захлопнул его. Аппетит ушел вместе с покемонами.

От нечего делать я отправился в комнату и включил телевизор. Странно. Никаких убийств в новостях. Я пощелкал пультом. По одному из каналов показывали документальный фильм про отряд 731. Врачи-убийцы времен последней войны. Опыты над людьми и все такое. Через пятнадцать минут рассказов о вскрытии живых людей меня замутило, и телевизор пришлось выключить.

В истории каждой страны был такой отряд. И каждая страна теперь клеймит позором тех, кого раньше награждала. Интересно, почему? Что изменилось? Мораль? Или то, что морально в условиях войны, аморально теперь, в мирное время? А случись война сейчас? Стали бы опять создавать подобные отряды? Наверное, стали бы. И через пятьдесят лет снова отреклись бы. Человеческая нравственность - величайший конформист.

От философствования меня отвлек телефон. Это была Вик. Иногда мне казалось, что она следит за мной. Как только случалось что-нибудь такое, о чем можно было ей рассказать, звонил телефон, и в трубке звучало ее вялое «привет». Будто скрытые камеры в моей квартире установила ...

- Привет, - сказала она. - Чем занимаешься?

- Да так, ничем особенным. Думаю о том, что человек гуманен лишь тогда, когда обстоятельства это позволяют. Вернее, когда обстоятельства не позволяют ему быть негуманным.

- Интересно?

- Что?
  - Думать об этой чепухе. Интересно?
  - Интереснее, чем вспоминать про визит покемонов.
  - Кого?
  - Извини. Ко мне только что приходили полицейские. Двое. Очень похожие на покемонов.
  - А-а-а, - протянула Вик и без тени интереса добавила: - Что сказали?
  - Спрашивали, где я был, когда убили тех парней. Как я понял, они нашли тех подростков. Они и рассказали им о машине. А дальше дело техники.
  - И что ты им ответил?
  - Что приехал туда с проституткой. К ней на квартиру.
  - Проститутка - это я?
  - Извини. Сказал первое, что пришло в голову. - Мне было чуть неловко. Сначала избить девушку, а потом назвать ее проституткой. Не очень красиво с моей стороны.
  - Да ладно. Ерунда. Проститутка, так проститутка. Недалеко от истины...
  - Ты о чем?
  - Не важно. Надо же как-то зарабатывать на жизнь.
  - Ты спишь за деньги?
  - Нет. Встречаюсь за деньги... Иногда подрабатываю хостесс. Ну, еще трусики свои продаю. А за деньги не сплю... Что еще говорили?
- Что-то подобное я и предполагал. Бурусэра [43]... Как еще может заработать деньги молодая девушка, которая не хочет выходить замуж или делать карьеру? Только так...
- Сказали, что я засранец и что они меня достанут.
  - Испугался?
  - Честно говоря, нет. Удивился. Знаешь, вчера мне примерно то же самое сказал мой шеф. И приблизительно в таких же выражениях. Странно, да?
  - Что собираешься делать? - спросила Вик. Ее мало занимали мои отношения с шефом.
  - Не знаю... Спать лягу. Что еще делать?
  - Я решила умереть в следующее воскресенье. Так что постарайся до этого времени не угодить в тюрьму. И вообще никуда не исчезай.
- Опять она за свое...
- Извини меня за то, что устроил на берегу.

- Да ничего. Лицо уже почти не болит.

- Мне правда жаль. Не знаю, что произошло.

- А что произошло? Сделал то, что хотел. Быть может, впервые в жизни. Жаль, что ты не видел себя в этот момент... Это было круто! Ладно, спи. И подумай, может, все-таки тебе стоит на время исчезнуть из своей квартиры? Пусть ищут... Мяс.

И она дала отбой.

Я же отправился на кухню и приготовил «Джон Коллинз». Джин, лимонный сок, сахарный сироп и содовая. Скромно и со вкусом. Если вовремя пополнять запасы в баре, можно очень неплохо жить.

Честно говоря, я сам поражался своему спокойствию. По идее, я должен был бы сейчас носиться по квартире, как курица с отрезанной головой. Шутка ли - до меня добралась полиция. Пускай не совсем добралась. Но от одного «мы тебя достанем, засранец» *вчерашний* я пришел бы в ужас. Однако *я сегодняшний* смешал отличный «Джон Коллинз». Не пролив ни капли. Будто и не полицейские ко мне приходили, а почтальон, который ошибся адресом.

На всякий случай, будто не доверяя собственным ощущениям, я прислушался к себе. Ничего. Ни страха, ни даже волнения. Абсолютно спокойная холодная голова. Как кусок льда.

С одной стороны, это радовало. Я здорово устал бояться и нервничать. С другой - настораживало. Именно так люди и попадают в неприятности. Когда перестают бояться. Но поделаться с этим я ничего не мог. Во всяком случае, сейчас.

вернуться

43

Девушка, зарабатывающая на продаже ношеного нижнего белья в секс-магазины для фетишистов.

Обещание Рейчу, обещание Ямады... Все это казалось наивным и смешным. Как кажутся наивными и смешными угрозы главных негодяев в фильмах. Он делает свирепое лицо и произносит страшные клятвы мести, но мы-то знаем, что герой надерет ему задницу. И хмыкаем про себя в темноте зрительного зала. Ну-ну, посмотрим, что ты скажешь, когда славный парень сбросит тебя с крыши небоскреба.

Вот такое же чувство было и у меня. Полицейские, Ямада - все они лишь плоские картинки, мелькающие на белом полотне. А я? А я сижу в первом ряду. И смотрю, как парень, до боли похожий на меня, будет выкручиваться. В том, что он выкрутится, у меня почему-то нет сомнений.

Но куда важнее то, что мне было наплевать, выкрутится он вообще или нет. Операция под местным наркозом. Я вижу, как мне вскрывают живот, но ничего не чувствую.

Словно вся прошлая жизнь вдруг стала мне безразлична. Умом я понимал, что нужно контролировать ситуацию. Но... даже не собирался этого делать.

Просто выпил коктейль, умылся, почистил зубы и лег спать. Полиция, начальник, обезьяна,

Вик – все могли катиться к чертям. Это было важно раньше. Сегодня я сделал первый маленький шаг к чему-то неизведанному. К иной жизни. Где будут важны совсем другие вещи. Какие, я пока не знал. Но был уверен – все, что у меня есть сейчас, рано или поздно придется бросить.

Примирившись сегодня на мгновение со смертью, я, кажется, вдрызг поспорил со своей жизнью.

Глава 15

На работу я опоздал. Забавно, но от этого Фудзи не перебралась на Хоккайдо. И конец света не наступил. Ничего похожего. Раньше мне казалось, что как минимум небо должно будет упасть на землю. Но нет. Все было как обычно. Честно говоря, я даже немного удивился.

Когда я пришел, Ямада посмотрел на меня так, будто ему сказали, что я ношу женское белье.

- Ито-сан, подойдите, пожалуйста, ко мне, – сказал он.

Я зашел в его закуток. Самое сердце паутины. Мне показалось, что у Ямады сейчас вылезут из середины лица острые ядовитые жвала, которыми он будет с аппетитом перемалывать меня. Его взгляд обещал именно это.

- Итак, – он прошелся по кабинету, заложив руки за спину. – Почему вы опоздали, Ито-сан? Вы знаете, что опоздание сотрудника приносит фирме убытки?

- Да, – поклонился я.

- Как вы это объясните? – Он остановился напротив меня, изучая носки своих туфель *Armani*. Они были начищены до стеклянного блеска.

- Никак, – ответил я, надеясь, что это прозвучало не очень грубо. Что-что, а злить его не хотелось.

- Совсем никак? Никакого объяснения?

Я покачал головой.

- Хорошо. – Он снова заходил. – Очень хорошо... Если вы сами не желаете сохранить свое место, мне будет легче вышвырнуть вас отсюда, Ито-сан.

- Из-за одного опоздания? Я обращаюсь в профсоюз. Ваше решение не одобрят.

- Нет, Ито-сан. Опоздание – это мелочь. Так, лишний повод. А хотите знать, что является главной причиной моего желания с вами расстаться? Официальной, разумеется?

- Наверное, хочу... Правда, не уверен точно.

Он все-таки имел надо мной какую-то власть. Мне все труднее было выдерживать этот спокойный, чуть ироничный тон, которым я начал разговор.

Я хотел бы думать, что дело здесь только в страхе потерять работу. Хотел бы. Но не мог. Потому что страх, который заставлял мои ладони потеть, был слишком силен для такого простого объяснения. Иррационально силен.

Если начальник захочет тебя уволить, не имея для этого достаточно оснований, ты можешь испытать обиду. Можешь разозлиться. Можешь даже испугаться. Но это будет страх перед ситуацией. Перед неизвестностью. Перед туманными и не слишком приятными перспективами.

Но у тебя не будут замирать сердце и подгибаться ноги, как бы ты ни старался дышать ровно и спокойно. У тебя не будет стекать по спине струйка пота лишь от того, что шеф посмотрел на тебя в упор.

Ничего этого не будет.

Если ты испытываешь обычный страх перед увольнением.

Я же боялся человека. Как ни старался я себе внушить, что сделать он мне ничего не может, липкий, потливый ужас все больше сковывал меня. Я начал понимать, что чувствует бабочка, угодив в паутину и чувствуя вибрацию нитей, которая говорит о приближении палача.

С полицейскими я опасался совершенно обычных вещей. Долгого допроса, неудобной койки в камере, невкусной тюремной еды. С Ямадой дело обстояло иначе. Он не мог бы доставить мне и сотой доли тех неприятностей, на которые была способна полиция. Но именно его я боялся куда больше, чем всех полицейских вместе взятых.

Тупой необъяснимый страх. Что-то сродни страху перед змеями. Ведь хорошо знаешь, что они никогда не нападают на человека первыми, потому что сами боятся людей. Но страх от этого не становится меньше. Он не подчиняется нашему сознанию. Не реагирует на его доводы. Он просто есть. И заставляет содрогаться каждый раз при виде змеи.

То же самое я испытывал, когда оставался один на один с Ямадой.

- Значит, вы не уверены точно... А в чем вы уверены? - неожиданно спросил он.

Я промолчал. Еще не хватало вступать с ним в философские споры.

- Молчите... Ну что ж, не будем терять времени. Главная причина моего желания избавиться от вас - звонок из полиции. Да-да, не смотрите так удивленно. Звонили из полиции. Задавали вопросы. Касающиеся непосредственно вас. Что вы натворили, Ито? Убили кого-нибудь? Ограбили банк? Впрочем, - он пристально посмотрел мне в глаза, - кого может убить такой червяк, как ты?

Я постарался пропустить «червяка» мимо ушей.

- Ну так что вы там натворили?

- Ничего. Я интересую полицию только как свидетель.

- Вот как? А мне показалось, что все гораздо серьезнее. Гораздо серьезнее, Ито-сан. С чего бы полиции спрашивать, какой вы работник и не замечал ли я последнее время за вами чего-нибудь необычного. Они задавали именно такие вопросы, Ито-сан. Не думаю, что к простому свидетелю может быть *такой* интерес.

Я молчал. Сейчас каждое слово было бы обращено против меня.

- Так что вы натворили? Не молчите, пожалуйста. Я не могу позволить, чтобы в моей фирме работал преступник.

«Моей фирме»! Ничего себе. Простой начальник отдела говорит «в моей фирме». Очень неплохой аппетит у господина Ямады. Произносить это вслух я, разумеется, не стал. Вместо этого насколько возможно искренне сказал:

- Я ничего плохого не сделал, Ямада-сан. Просто оказался недалеко от места, где было совершено преступление. И, к сожалению, именно в это время. Все, что мог, я уже рассказал полицейским. Не понимаю даже, зачем они звонили сюда.

- Преступление? И что же это за преступление?

- Может быть, вы слышали? Об этом говорили недавно в новостях. Кто-то убил двух человек в одной из клиник на окраине города. Сначала оглушил, а потом зарезал и изуродовал.

Глаза Ямады масляно блеснули. Будто ему сообщили пикантную деталь полового акта.

- Нет. Ничего подобного я не слышал. Значит, вы оказались свидетелем этого чудовищного преступления? Что же вы видели? - спросил он ровно.

Слова, как в передовице газеты. «Чудовищное преступление»... Эти слова неприятно резанули слух. Не так, как «червяк». Там мне просто было обидно. А эта фраза чем-то насторожила меня. Разбираться, чем именно, времени не было. Паук еще не закончил мучить бабочку.

- Ничего, Ямада-сан. Я не был свидетелем. Я лишь припарковал машину в паре кварталов от той клиники. Вот и все. Припарковал машину. Меня видела компания подростков. Видимо, они и сообщили полиции, что в этом районе была какая-то незнакомая машина.

- А что вы там делали?

- Это личное дело, Ямада-сан. Если позволите, я не буду отвечать на этот вопрос.

- Вряд ли я вам это позволю.

Он сказал это спокойно. Но плотно сжатые губы слегка побелели. Я понял, что дразню тигра.

- Это личное, Ямада-сан, и надеюсь, не пойдет дальше нас... Я всего лишь проводил время с проституткой.

- С проституткой?

- Да.

Ямада опять заложил руки за спину и принялся вышагивать по кабинету. У меня противно подрагивали колени. Мне очень хотелось, чтобы все это поскорее закончилось. Я больше не был крутым парнем, смотрящим фильм про крутого парня.

- С проституткой... - словно размышляя вслух, проговорил Ямада, не престаивая мерить шагами комнату. - Неудивительно для такого червяка. Запустить работу, влипнуть в какую-то историю и развлекаться с девочками. За деньги. Впрочем, кто пойдет с ним бесплатно? С этим червяком...

Он подошел ко мне.

- Что, без денег женщину найти себе не можешь?

- Могу.

- Не верю. Зачем тогда проститутка?

- Для разнообразия. Как и всем. Все ведь этим занимаются. Почему именно ко мне такие вопросы?

- Потому что больше никем из наших сотрудников полиция не интересуется... И вы действительно ничего подозрительного не видели, Ито-сан?

Мне было все сложнее успевать за его переходами. То червяк, то Ито-сан... Черт бы его побрал. Садист.

- Нет, Ямада-сан, я ничего не видел. Только подростков. Я же сказал, что даже не приближался к той клинике.

Я надеялся, что это прозвучало убедительно. С него станется в случае малейшего подозрения обратиться в полицию. Неизвестно еще, что он ответил на их вопросы.

- Вы уверены, что вам нечего рассказать полиции? - с нажимом спросил Ямада. Глаза его были похожи на алмазные сверла.

- Все, что я мог сказать, я сказал, - твердо ответил я.

Мои ладони влажные.

Мое сердце трепыхается, как раненый зверек.

Выдержать его взгляд трудно, как остановить руками бульдозер.

- Интуиция, которой я привык бесконечно доверять, шепчет мне на ухо, что вы лжете, Ито-сан.

«Конечно, я лгу, чертов сукин сын!» - хотелось мне крикнуть и убежать, вырваться из этой паутины.

Чтобы только не видеть его глаз, впивающихся в меня, как когти ястреба в кролика.

Чтобы не видеть его бледных тонких губ, из которых того и гляди высунется раздвоенный змеиный язык.

Но я сделал над собой еще одно усилие.

- Боюсь, что на этот раз ваша интуиция ошибается, Ямада-сан. Я действительно ничего не видел и не мог видеть. Просто развлекался с проституткой. И все.

Мне показалось, что он меня сейчас ударит. Я напрягся.

Бить он меня, конечно, не стал. Уверен, что остановило его не воспитание. Будь мы одни в офисе, неизвестно, чем кончилось бы дело. Может быть, я умывался бы кровью. Но рабочий день только начался.

А может быть, он придумал что-нибудь получше.

- Хорошо, - сказал Ямада. Его взгляд потух. Как у терминатора, из которого вытащили

батарейку. – И все же прошу вас, если вы что-нибудь вспомните, сообщить мне... Или сразу в полицию. Лучше мне.

– Почему?

– Мой младший брат работает в полиции. Он мог бы посоветовать, что делать с информацией. Знаете, нередко случаи, когда свидетеля превращала в преступника сама полиция. Вам ведь не хочется отвечать за чужие нарушения?

– Конечно, нет.

– Вот и хорошо. Возвращайтесь к работе. И постарайтесь как можно быстрее привести себя в порядок. Мне не очень нравятся ваши тексты. Впрочем, я это уже говорил.

– Да, Ямада-сан. Я постараюсь. Конечно.

– Ну, идите, идите, – почти отечески сказал он.

Я вышел из кабинета, вытер платком лоб и направился к своему столу. Один раз я обернулся. У окошка своего кабинета стоял Ямада и смотрел мне вслед. От этого взгляда у меня по спине промчался табун мурашек. Заметив, что я увидел его, Ямада опустил жалюзи.

Этот взгляд преследовал меня весь день. Наверное, так смотрели врачи из отряда 731 на подопытных китайцев, перед тем как приступить к особо интересному эксперименту.

Но, как ни странно, до конца рабочего дня я дождался без всяких приключений. Выполнял свои обязанности. Из полиции больше не звонили. Ямада вроде решил на время оставить меня в покое. Кажется, гроза миновала.

Пообедал я на рабочем месте. Потом снова принялся за писанину. Все шло гладко. Видимо, утренняя встряска подействовала. Ямаде не откажешь в некоем извращенном педагогическом таланте.

Впрочем, чувство тревоги полностью не ушло. Оно напоминало о себе неприятной тяжестью внизу живота. Мне казалось, что вокруг моей шеи затягивается петля. Очень скоро, если ничего не изменится, она плотно обхватит шею, врежется в кожу, передавит дыхательное горло, зажмет сонную артерию, так что кровь перестанет поступать в мозг, а под конец с сухим треском раздробит шейные позвонки. Я представил себе это настолько четко, что даже почувствовал приступ удушья.

Ничего хорошего прощальный взгляд Ямады не предвещал. Ничего хорошего не предвещало его излишнее любопытство. Не говоря уже о «червяке». Все это выходило за границы обычных отношений подчиненного и начальника. И не менее успешно выходило за границы моего понимания.

Раньше я думал, что выражение «играть, как кошка с мышью» – просто речевой оборот. Пока не увидел этой игры своими глазами. В школе у меня был друг. Ну не то чтобы друг... Так, очень хороший приятель, с которым мы много времени проводили вместе. Общего у нас было немного. Но того, что имелось – патологического увлечения комиксами и американским футболом и такого же патологического отвращения к учебе, вернее, к учителям, – было достаточно, чтобы мы сошлись на какое-то время.

У него жил кот. Не знаю, какой породы, в этом я не разбираюсь. Но это был не кот, а чудовище.

Огромный, весь в шрамах, с наполовину оторванным ухом и глумливой, чересчур наглой даже для кота, мордой.

Коты, как я думаю, якудза животного мира. Неуправляемые, нахальные, сующие морды и хвосты во все щели. А главное, постоянно рискующие жизнью из-за своего врожденного авантюризма. Потому-то и гибнут они чаще других домашних животных. И зачастую смерть у них бывает очень жестокой. Все, как у якудза.

Но этот кот был настоящим кумитё. [44] Дома его видели редко. В основном пропадал на свалке, находившейся недалеко от нашего квартала. Мы с приятелем тоже частенько там бывали. Уж не помню, что нас туда тянуло. Наверное, как это ни странно прозвучит, воздух свободы. На свалке ведь не может быть никаких правил и законов. Они там попросту никому не нужны. А что может быть свободнее места, где нет правил и законов?

Вот на этой свалке я и наблюдал однажды, как кот играет со своей жертвой. Правда, это была не мышь, а здоровая крыса. Старая и опытная. Тоже, наверное, глава какого-нибудь крысиного клана. Удивительно, как она попала в такой переплет. Может быть, слишком поверила в свою неуязвимость и опытность.

Начала схватки я не видел. Когда мы с приятелем вышли на небольшой свободный от хлама пятачок, кот-якудза уже сидел, якобы беззаботно поглядывая по сторонам, а прямо перед ним замерла крыса. Она была жива. И даже не сильно ранена. Хотя следы когтей отпечатались на ее грязно-серой спине.

Мы с приятелем остановились в нескольких шагах. «Смотри», – шепнул он мне на ухо. Ему было не впервой наблюдать за этой игрой.

Крыса, поверив, что кот потерял к ней интерес, попробовала юркнуть в ближайшую кучу мусора. Но тут же последовал молниеносный удар лапой. Крыса отлетела в сторону и получила уже в воздухе еще один удар. Шлепнувшись о землю, она оказалась придавленной лапой. Я заметил, что когти кот убрал. Но стоило крысе чуть пошевелиться, когти впивались в ее кожу.

Через некоторое время все повторилось сначала. Кот убрал лапу и стал умываться. Ему не было никакого дела до жертвы. Крыса сидела неподвижно, прижавшись к земле. Ее облезлые израненные бока подрагивали. Несколько минут ничего не происходило. Крыса не хотела рисковать понапрасну.

Наконец последовал еще один рывок. И сразу за ним – несколько ударов лапами. На этот раз кот прикусил крысу за загривок и придавил к земле. Крыса пыталась барахтаться, но он лишь сильнее сжимал челюсти. Было хорошо видно, как под шерстью перекатываются желваки.

И еще несколько минут затишья. Однажды, когда крыса сидела уж очень долго, не предпринимая попыток к бегству, кот сам подтолкнул ее лапой. Крыса послушно дернулась, но тут же получила свое.

вернуться

44

«Старший начальник». Глава клана якудза.

В конце концов коту эта игра надоела, и он прокусил ей затылок. С легким, едва слышным хрустом. Без всяких эмоций. Будто выключил наскучившую заводную игрушку.

То, что происходило между мной и Ямадой, напомнило тот случай. Только я не был старой опытной крысой. А вот Ямада похож на якудза. И даже очень. Разве что без татуировок и в нормальном костюме.

День близился к концу. Я вел себя, как затаившаяся крыса. То есть сидел тихо и работал, не поднимая головы. Мне уже казалось, что на сегодня отпущенный мне мешок неприятностей закончился. Через несколько минут я понял, что нет. Что самая большая, самая вкусная и сочная неприятность была оставлена напоследок.

И неприятность эта пришла не в виде полицейских-покемонов, потрясающих наручниками и ордером на арест. И даже не в виде взбешенного Ямады с приказом о моем увольнении.

Неприятность пришла в виде стройной высокой, слегка сумасшедшей девушки по имени Вик. Видимо, для такого случая она решила одеться поприличнее. На ней был строгий костюм в тонкую серую полоску. Правда, вкупе с ее прической и манерой себя держать, впечатление он производил не совсем то, какое должен был. Все равно, что на овцу надели бы седло и упряжь и попытались выдать ее за лошадь. Не то чтобы Вик не шел костюм. Шел и даже очень. Но за деловую женщину ее принять было сложно все равно.

Неприятность подошла к секретарше, что-то спросила, не переставая жевать резинку, кивнула, улыбнулась и направилась в мою сторону.

Иногда ко мне приходят посетители. Некоторые заказчики считают, что лучше меня знают, как писать рекламные тексты и слоганы. Такие визиты не часты, но в принципе ничего необычного в них нет. Поэтому никто из коллег особого внимания на Вик не обратил. Разве только на ее прическу и жвачку, совершенно неуместную здесь.

Зато я обратил. А самое плохое, что и Ямада обратил. Он как раз что-то обсуждал с одним из дизайнеров. Я заметил, как он посмотрел на нее. А потом на меня. Как кот, у которого перед носом трепыхнулась крыса.

- Привет! - сказала Вик и оперлась о мой стол.

- Что ты здесь делаешь? - прошипел я, изо всех сил изображая приветливую улыбку.

- Ничего. Просто захотела посмотреть, где ты работаешь. Обычное любопытство.

- Черт тебя дери, Вик! Я в одном шаге от увольнения. Сюда звонила полиция. Они что-то подозревают. Мой шеф тоже думает, что я что-то скрываю. Я по макушку в проблемах. И еще приходишь ты...

- А что, это запрещено? У вас закрытое предприятие? - Она как ни в чем ни бывало ногой подвинула к себе стул и села.

- Нет. Это не запрещено. Но шеф обязательно поинтересуется, кто ко мне приходил.

- Ну и что? Скажешь, твоя подруга. Вот и все.

- Нет, не все. Он разговаривал с полицией, понимаешь? И знает, что меня там видели с какой-то женщиной. Я всем говорю, что это была обыкновенная проститутка. Ямаде ничего не стоит

позвонить туда еще раз и попросить ее описание. Наверняка чертовы подростки запомнили твою прическу, раз уж у них хватило ума запомнить мою машину.

- Ну и что? Во всем Токио только у меня такая прическа?

- Нет. - Я пытался говорить спокойно и не переставать улыбаться. - Нет, не только у тебя. Но получится уж очень странное совпадение. Любой дурак концы с концами свяжет. А Ямада не дурак. И покемоны не дураки. Так что меня поймают на лжи.

- Подумаешь!

Если бы мог, я бы стукнул ее.

- Не прикидывайся дурой, Вик. Все очень серьезно. Мало того, что они выйдут на тебя. Они еще как следует нажмут на меня. Им только дай понять, что ты врешь...

- Да и плевать, - пожала она плечами. Потом встала со стула, с грохотом перевернула его и оседлала, положив руки на спинку.

Теперь внимание на нее обратил весь офис. Судя по всему, этого она и добивалась.

- Сядь нормально. На нас смотрят.

- Пусть идут в задницу.

- Ты хочешь, чтобы меня вышвырнули отсюда?

- Тебе это было бы полезно.

- Кормить меня ты будешь? На деньги, вырученные от продажи трусиков?

- Иди в задницу.

- Сейчас я сам тебя вышвырну.

- Ага. Попробуй, - сказала она, вытащила жвачку изо рта и прилепила ее к столешнице.

- Уходи отсюда, пожалуйста.

Я соскреб резинку и бросил ее в корзину. Ямада стоял около своего окна и смотрел на нас. Это нервировало больше всего. Нетрудно предположить, что потом меня ожидает разговор с ним. «Что это за вульгарная девица, Ито-сан?» - «О, это всего лишь та самая проститутка, о которой я вам говорил. Я произвел на нее неизгладимое впечатление, и она никак не может со мной расстаться».

- Пока не хочу. - Вик с любопытством оглядывала офис. - Так, значит, ты здесь работаешь? Круто.

- Ничего крутого. Работа как работа...

- Хороший офис. Чисто, светло, тепло... И липко, да?

- Не понял?

- Ну, липко... Сел один раз и прилип. Никуда уже не денешься.
- Кажется, благодаря тебе, денусь и еще как.
- Да перестань ты. Если хочешь жить – давно пора бросить эту работу.
- А что я буду есть? Чем платить за квартиру?
- Ну я-то плачу.
- Прости, но мое нижнее белье никто покупать не будет. Да и платить деньги только за то, чтобы я посидел с ним в баре, тоже. Ты женщина, а я мужчина. У нас все немножко по-разному, если тебе невдомек.
- Ладно, говорить с тобой бесполезно. Это я давно поняла. Придурок.
- Спасибо. Это все, что ты хотела сказать? Может, теперь пойдешь? Если хочешь – позвони мне сегодня вечером. Мы что-нибудь обсудим. Даже мою работу, если захочешь. Только сейчас уходи, пожалуйста. Пойми, у меня будут неприятности.
- Какие?
- Вон стоит мой начальник. – Я взглядом указал на окно, за которым по-прежнему маячил Ямада. – У него будет масса вопросов ко мне, когда ты уйдешь. На половину из них я не хочу отвечать. Вторую половину не хочу даже слышать...
- Не слушай и не отвечай. Что он тебе может сделать?
- Он мой начальник. Он может меня уволить.
- Тебя пугает не увольнение, а сам шеф. Как будто он имеет над тобой безусловную власть... Сам себе сделал пугало и теперь его боишься, – фыркнула Вик. – Как его зовут, ты говоришь?
- Ямада. Ямада Кадзуки.

Вик повернулась в сторону кабинета Ямады. Он смотрел на нас, совершенно не смущаясь. Похоже, он вообще не имел понятия, что такое личная жизнь. Я даже не знал, чья беспардонность меня больше раздражает – его или Вик. Оба были хороши.

- Какой-то он у тебя противный, тебе не кажется? – задумчиво сказала Вик, а потом крикнула: «Эй, Кадзуки!», вытянула сжатую в кулак руку в сторону Ямады и отогнула средний палец.

Тишина, последовавшая за этой выходкой, была настолько тихой, что у меня заложило уши.

Девушка по имени Вик. Девушка с необычным лицом.

Она только что сделала меня безработным. Другими словами, она только что разрушила мою жизнь. Налаженную, спокойную, вполне обеспеченную жизнь. Единственное, чего мне не хватало для полного счастья, – своего дома. Но по моим расчетам, через пару лет я смог бы его себе позволить.

Хорошая жизнь. Мечта любого среднестатистического японца тридцати лет.

Все рухнуло.

Благодаря девушке по имени Вик.

Честно говоря, я был в таком состоянии, что даже не смог ничего ей сказать. Как и все остальные, я замер с открытым ртом. Вот и все, на что я оказался способен в минуту своего краха.

Впрочем, Ямада тоже потерял лицо. Он был похож... Похож на кота, которому крыса показала «птичку». Вообще-то, будь я на его месте, не уверен, что повел бы себя достойнее.

У поступка Вик был только один положительный результат. Ямада опустил жалюзи.

- Ты соображаешь, что сейчас сделала? - спросил я, будто во сне. Умом я понимал, что произошло нечто непоправимое. Но поверить пока не мог.

- Не будь занудой. Все нормально. Гляди, как все встряхнулись. - Она обвела веселым взглядом офис. Смотреть ей в глаза желающих не нашлось.

Зато смотрели на меня. Так, что живи мы лет двести назад, я вынужден был бы вспороть себе живот. Хотя, может быть, Ямада именно этого и потребует. Ну или чего-нибудь в этом духе. Если только сам ничего мне не вспорет.

- Уходи, Вик, - сказал я. - Ты уже дел натворила. Не надо обижать здесь еще кого-нибудь. Ни к чему это.

- Никого я и не думала обижать. А этот, - она кивнула в сторону кабинета Ямады, - сам напросился. Жуткий он. Я когда его увидела, впечатление было такое, будто лягушку раздавила босой ногой. Фу, гадость.

- Эта гадость устроит мне такую жизнь... Черт, да лучше бы я станцевал босиком на лягушках! Как представлю, что скоро начнется... Зачем, Вик, зачем?

- Приходи вечером ко мне. Расскажешь, чем кончилось дело.

Она продолжала жить, как хочет. При этом ломать жизнь другим и даже не считать нужным извиниться. Отличное воспитание. Скорее всего, чисто французское... или американское. А может, ее вообще не воспитывали. Очень похоже на то.

Вик встала со стула, опять с грохотом вернула его на место и, вихля бедрами, вышла из офиса.

Я как мог, извинился перед коллегами. Толку от извинений было немного.

Черт, спасибо тебе, Вик.

Зайти с объяснениями и извинениями к Ямаде мужества у меня не хватило. Все равно что кинуть в морду тигру горящий окурок сигары, а потом подойти и попробовать его погладить. Я хоть и сошел с ума, но не настолько.

До вечера я просидел, уставившись в монитор. О работе не могло быть и речи. Приговоренному к смертной казни через расчленение не до уборки в камере.

Новое место я себе, конечно, найду. Возможно, что и не хуже, чем это. Но произойдет это не сразу. И там все придется начинать сначала. Времена изменились, и никто не будет платить мне деньги только за мой возраст. Да, в этой конторе мне уже не стать мадогивадзоку. [45] Похоже, теперь вообще не успеть... И дом... С мечтой о собственном доме придется проститься

на неопределенное время.

Спасибо тебе, Вик.

Я горестно вздыхал до самого сигнала об окончании рабочего дня. Но и после него остался сидеть на своем месте, пока не ушел самый чокнутый трудоголик. Только тогда я поднял голову и обвел взглядом опустевший офис. Жалко будет с ним расставаться. Я успел к нему привыкнуть. Хотя не слишком любил свою работу. И ни с кем не успел сойтись близко.

Есть люди, которые привыкают к человеку. Есть такие, кто привыкает к образу жизни. Вообще, есть сотни вещей, к которым можно привыкнуть. Я же привязываюсь к домам. Мне проще расстаться с человеком, чем, например, с квартирой. Наверное, потому, что я эгоист.

В любой привычке есть толика эгоизма. Расставаясь с любимым человеком, приходится терять не только его, но и тот образ самого себя, который он создал. Он вообразил себе, что ты веселый парень, и через какое-то время начинаешь сам считать себя таким. Стоит расстаться, ты опять становишься брюзгой и занудой. Ведь никто в тебе ничего веселого не находил. Да и сам ты так не считал. Без поддержки со стороны этот образ разрушается. Потому зачастую так больно терять любимых и друзей. С ними уходит частичка тебя. Пусть не настоящая. Выдуманная другими. Но с этой частичкой жить было чуть светлее.

С домами все иначе. Они ничего не выдумывают о тебе. Ни плохого, ни хорошего. Они предельно объективны. Как зеркало, отражают то, что есть на самом деле. В них можно увидеть настоящего себя. И когда уходишь из места, где прожил достаточно долго, теряешь гораздо больше, чем какую-то выдуманную другим частичку. В старых домах оставляешь всего себя. В новом доме придется начинать все сначала. Поэтому я так не люблю переезжать.

А может быть, эта нелюбовь вызвана тем, что очень редко люди покидают старый дом, чтобы в новом вести прежнюю жизнь. Если ты уезжаешь, значит, что-то в твоей жизни изменилось или должно измениться. И значит, ты неумолимо изменишься сам. Я слишком люблю себя, чтобы меняться. Меня вполне устраивает Ито Котаро тридцати лет, сотрудник рекламного агентства, не женатый, без особых примет и стремления к счастливой жизни, предпочитающий вместо нее покой и хороший коктейль вечером.

Задумавшись, я не заметил, как рядом со мной оказался Ямада. Услышав его деликатное покашливание, я вздрогнул.

- Решили сегодня задержаться, Ито-сан? - спросил он.

Я вскочил и поклонился.

- Извините, пожалуйста, Ямада-сан... За выходку этой девушки. Я очень сожалею...

- Ну-ну, - остановил он меня жестом. - Вы ведь не можете отвечать за поступки других людей, верно? Не думаю, что за вами есть какая-то вина.

Он говорил вежливо, почти мягко. Я даже забыл выпрямиться от изумления. Так и замер в поклоне.

- Как у вас продвигается работа?

- Очень хорошо, Ямада-сан. Все в полном порядке.

- Я рад, что вы справились со своими проблемами. Надеюсь, вы сделаете должные выводы на будущее. И у меня не будет причин быть вами недовольным.

На будущее? Я выпрямился и посмотрел на него. Он был абсолютно серьезен. Во взгляде можно было увидеть даже нечто, похожее на сочувствие. Если присмотреться как следует. Замечательная картина - заботливый начальник тихо радуется за исправившегося подчиненного.

- Спасибо большое за ваше доверие, Ямада-сан, - сказал я.

- Вы же знаете, для меня самое главное - процветание фирмы. Я был с вами несколько резок только потому, что увидел в вас угрозу этому процветанию. Теперь, когда вы в состоянии хорошо выполнять свою работу, я могу быть спокойным. Надеюсь, вы сделали нужные выводы, Ито-сан.

- Да, конечно. Обещаю, что больше подобного не повторится. Я приложу к этому все усилия.

Я не верил своей удаче. В эти минуты я даже не подумал, что удача была чересчур уж большой. И не обратил внимания на то, что у Ямады был очень довольный вид. Не просто довольный, а очень довольный. Как у кота, в последний момент ухватившего крысу за хвост...

- Хорошо, вы можете идти. Не стоит без особой надобности засиживаться допоздна. Силы вам еще пригодятся, - сказал он и ушел к себе.

Я поспешно собрал вещи. Надо было поторапливаться. Неизвестно, что взбредет ему в голову через минуту.

Пробираясь между столами к выходу, я бросил взгляд на кабинет Ямады. Мне показалось, что он наблюдает за мной в щель жалюзи. Стоило мне посмотреть в его сторону, щель сразу исчезла. Мне это не понравилось.

Глава 16

Все объяснилось, когда я вышел на улицу. Напротив двери офиса, прислонившись к черной служебной «тойоте», курили уже знакомые покемоны.

Готя-готя.

- Привет, - сказал Пикачу.

Рейчу приветственно махнул рукой.

Я остановился в нескольких шагах от них. Мысли устроили бег с барьерами. Лидировала «что теперь делать?». Следом за ней шла «Ямада сукин сын».

Видя, что я не трогаюсь с места, покемоны направились ко мне. «Что теперь делать?» - сделала ускорение и далеко оторвалась от соперниц.

- Эй, вы что, привидение увидели? - весело спросил Рейчу.

- Давайте прокатимся, - вежливо предложил Пикачу.

- Куда?

- К нам.

Это многозначительно «к нам» мне не понравилось абсолютно. Есть фразы, которые вызывают отторжение у каждого нормального человека. Одна из них - «проедем к нам». Тут, конечно, многое зависит от того, кто ее произносит. От врача, к примеру, куда хуже услышать «извините, но». В этот раз фразу произнес именно тот, кто нужно. И добился замечательного эффекта.

Готя-готя.

Почему-то сегодня полицейским удалось напугать меня. Не так сильно, как это у них получилось бы раньше. Но все-таки удалось. Сегодня я не смотрел фильм про супермена.

Они были без наручников. И без всяких ордеров. Это меня немного успокоило. Совсем чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы я смог не шатаясь дойти до их машины.

Рейчу сел за руль, а Пикачу рядом со мной, на заднее сиденье.

Я ожидал, что они сейчас включат сирену или нечто подобное и помчатся по городу. Но Рейчу вел машину медленно и аккуратно, словно мы просто решили немного покататься по вечернему Токио.

Через пять минут я начал приходить в себя. И тут же решил перейти в атаку. Атака, правда, вышла не слишком решительной и дерзкой.

вернуться

45

Дословно: «смотрящие из окна». Люди, проработавшие на одном месте так долго, что их никто никогда не уволит, хотя занимаются они преимущественно тем, что просто смотрят в окно, не изменилась ли погода или не пожелтела ли трава.

- А что случилось? - спросил я голосом трансвестита.

- Пока ничего, - ответил Пикачу, рассеянно поглядывая по сторонам. - Просто хотим задать вам несколько вопросов. Чего вы испугались?

- Ничего, - проямлил я. - А что еще вы хотите узнать? Я же вам все сказал в прошлый раз.

- Ну, скажем, мы хотели бы уточнить некоторые детали. Например, девушка с которой вас сегодня видели в офисе... Это, случайно, не та самая проститутка? В смысле, которую вы сняли в ту ночь?

- Нет, конечно, с чего бы проститутке приходиться ко мне на работу?

Сделав усилие, вперед вышла мысль «Ямада сукин сын». Вот откуда его вежливость и доброжелательность. Сукин сын.

- Давайте сразу договоримся, - устало сказал Пикачу. - Все ваше дерьмовое вранье мы знаем наперед. Придумать что-нибудь новое и интересное у вас не получится, поверьте мне. Так что не тратьте ни свое, ни наше время... Вы поняли? Мы можем поговорить прямо здесь, в машине.

А можем проехать к нам. Все будет зависеть от ваших ответов. Понятно?

Куда уж понятнее! Только что я могу им сказать? Упираюсь бесполезно, это понятно. Но говорить правду... Проще сразу поставить печать [46] на признании.

- Я не понимаю, о чем вы говорите. - это было лучшее, что мне пришло в голову.

- Парень, если бы мне каждый раз давали по сто иен, когда я слышал эту фразу, я бы выкупил «Окуру». [47]

- И все-таки...

- Слушай, может, поедem к нам? - подал голос Рейчу.

Я не понял, к кому он обращается, ко мне или к Пикачу. На всякий случай я решил не отвечать.

- Подожди, - сказал Пикачу. - Пусть он немного подумает. Пока время есть.

«Пока» явно относилось ко мне. Время, может быть, и было. А вот выходов нет. Я вдруг понял, что эти ребята, с виду вполне добродушные, от всей души хотят засадить меня за решетку. И сделают для этого все, что могут. Они уже почувствовали запах крови и теперь не остановятся. Чертова сука Вик! Чертов сукин сын Ямада! Оба сейчас, наверное, думают о том, как здорово прошел день...

А я сижу в прокуренной машине с двумя полицейскими, которые смотрят на меня как на преступника.

Что же делать? Расскажи я им про Вик, они вытянут из меня и все остальное. Это уж точно. Потом я буду доказывать, что всего лишь бил того якудза по голове. А резал кто-то другой. Вопрос: смогу ли я их в этом убедить? Сможет ли муравей передвинуть Фудзи?

Даже если мне удастся выстоять, они будут знать про Вик... Здесь вопрос посложнее. Что может взбрести ей в голову? Она ведь запросто выложит всю историю. Что ей терять? Расскажет, как все было. Или вообще свалит все на меня.

С другой стороны, а сам-то я что о ней знаю? Ничего. Только то, что ее зовут Вик. Ну, еще, где она живет. Так ведь об этом можно и не говорить... Лучше уж так, солгать наполовину. В книгах все говорят, что это самая убедительная ложь.

- Ну что, ты подумал? Хочешь сегодня переночевать дома или начнешь привыкать к камере? - спросил Пикачу, очень непринужденно перейдя на «ты».

- Что значит «привыкать к камере»? Вы думаете, что я убил тех людей? - тут уж я возмутился вполне искренне.

- Мы пока ничего не думаем. Мы просто задаем тебе вопрос. Девушка, которая пришла сегодня к тебе на работу, была с тобой и тогда?

- Да, - сдался я. - Это она.

- Хорошо, - кивнул Пикачу. - Дальше.

- Что «дальше»?

- Как познакомились, как ее зовут, где она живет, что вы делали в том районе? В общем, все, что можешь сказать. Только давай без всяких «больше я ничего не знаю».

- Я честно знаю немного... Зовут ее Вик. У нее отец - американец французского происхождения, - сказал я, увидев поднятые брови Пикачу. - Фамилию она мне не говорила. Да я и не спрашивал. Познакомились случайно. В магазине.

- В каком?

- В книжном. Где живет, не знаю.

- Номер телефона?

- Она сказала, что у нее нет телефона. Она всегда звонит мне сама из автомата. Мне кажется, что не врет. В трубке действительно все время шумят машины.

Пикачу слушал молча. Мне показалось, что он думает о чем-то своем. Но стоило мне сделать паузу, он вопросительно посмотрел на меня.

- И?..

- Вот и все, что я о ней знаю.

Вроде получилось естественно. Со стороны, конечно, виднее, но по-моему, я говорил убедительно. Плюс плохое освещение от уличных фонарей... Должно сойти. Впереди же ожидало самое трудное - правдоподобно объяснить наше появление на той улице. У меня не было ни одной версии. Даже самой бестолковой. Вообще ничего. Если не считать версией «мы приехали, чтобы украсть из той клиники хлороформ». Хотел бы я посмотреть на их лица, когда они услышат такое!

- Не много же ты знаешь.

- Сколько есть.

- Ну, допустим... А что ты делал со своей подружкой там?

- Где?

- Не прикидывайся дураком.

- Ну... Понимаете... Это очень странно на самом деле. Боюсь, вы не поймете.

- Я постараюсь, - сухо сказал Пикачу.

- Видите ли...

А что «видите ли»? Что?..

- Ну? - Пикачу, похоже, начал терять терпение.

- Все дело в сексе, - выпалил я.

- В чем?

- В сексе. Моя подруга любит заниматься сексом во всяких неподходящих местах. В заброшенных домах, на свалках... Ну и так далее. Такие вот у нее фантазии. Поэтому мы иногда уезжаем в какие-нибудь глухие районы и там выискиваем, где бы можно было заняться сексом. Чего не сделаешь, если девушке захотелось...

Такую вот чушь я сказал. И сам удивился. То же самое сделали и покемоны. Удивились. И озадаченно притихли.

Я перевел дыхание и незаметно вытер пот со лба.

- Не понимаю, ты сам дурак или нас за дураков держишь, - обернувшись, сказал Рейчу.

- Ни то, ни другое. Она у меня действительно со странностями. Что вы хотите, у нее отец - француз.

Каким бы бестолковым ни было мое объяснение, придется держаться этой версии до конца. Чего бы мне это ни стоило.

Мы продолжали колесить по городу. Но теперь движение было целенаправленным. Судя по всему, мои слова покемонов не устроили. Неудивительно.

Пикачу закурил. Следом за ним щелкнул *Zippo* Рейчу. В машине сразу стало нечем дышать. Все окна были плотно закрыты. Покемоны дымили совершенно спокойно, будто родились на Венере. Я же через минуту начал кашлять. Никто из них даже не подумал приоткрыть окно. Или это было началом того самого давления, которого я опасался? Если это так, то продолжение даже не хочется представлять.

- Можно открыть окно? - спросил я. Надо было проверить, что это - издевательство или просто невнимательность.

- Нет, - ответил Пикачу и выпустил струю дыма мне в лицо.

Он сделал вид, что получилось это случайно.

Отлично. Проверка удалась. Они оба уже мечтают увидеть меня в тюремной одежде. Вот ведь прихоти судьбы. Всю историю затеяла Вик. А задыхаюсь от дыма в полицейской машине я. Конечно, я не хотел, чтобы она оказалась на моем месте. Но так, как есть, тоже никуда не годится.

- Неправильный ты сделал ход, парень, - сказал Пикачу, туша окурок.

- Я сказал вам все, что знал. - Меня трясло. Противная нервная дрожь, которая зарождается внутри, в области пупка, а потом начинает распространяться по всему телу и выходит наружу. Я чувствовал, что вот-вот у меня затрясутся пальцы и колени.

- Ну, значит, знаешь ты какие-то неправильные вещи.

- Сдается мне, что влип ты очень серьезно, - поддержал Рейчу своего коллегу.

- Послушайте, я вам сказал, что ничего не видел и ничего не знаю. Насколько я понимаю, я всего лишь свидетель. Не слишком хороший, но это неважно. Почему вы ведете себя так, будто мне предъявлено обвинение? Что за произвол?

- Обвинение, парень, это лишь дело времени. А вот со свидетелем ты не прав. Теперь ты

подозреваемый. Впрочем, и раньше им был... Но тогда у меня не было возможности поймать тебя на лжи.

- Почему это я подозреваемый? Неужели вы думаете, что если бы я собирался кого-то убивать, я взял бы с собой девушку? Мол, посмотри, милая, как ловко я орудую ножом. Бред.

вернуться

46

У японцев не подписи, а личные печати.

вернуться

47

Один из самых фешенебельных отелей Токио.

- Что бред, а что не бред, решать нам, - ответил Пикачу.

- И все-таки... Какие у вас основания подозревать меня?

- Ваша парочка очень хорошо подходит на эту роль, парень. Тоже мне, Бонни и Клайд... Может, скажешь по-хорошему, зачем вам это дерьмо понадобилось?

- Да какое дерьмо? - Не выдержав, я повысил голос. Впрочем, получилось у меня не очень грозно. Похоже на лай пекинеса. - При чем здесь парочка? При чем? Какие Бонни и Клайд? С чего вы взяли, что девушка может быть в этом замешана?

- Убийц было двое, - сказал Пикачу. - Тебе ли не знать?

У меня похолодело внутри.

- С чего вы взяли?

- Не ожидал от нас такой прыти, приятель? - хмыкнул Рейчи.

- Один правша, другой левша. Криминалисты установили, что удар по голове якудза нанес правша, а второго, молодого, бил левша. Так-то, парень. Надо было вам учесть, что когда человек на взводе, он забывает о приличиях. [48] Ну, кто из вас левша?

Вот так. А я думал, что будут искать одного убийцу-маньяка. Они, оказывается, с самого начала разыскивали двух человек...

- А ножом? Ножом кто бил? Правша или левша?

У меня мелькнула шальная мысль: а что если это Вик? Мы же расстались около клиники. У нее было минут сорок.

- Как будто ты не знаешь.

- Скажите, пожалуйста. Пожалуйста...

- Нож был у правши.

- Это точно?

- Кто здесь на допросе?

- А разве это уже допрос?

- Не валяй дурака, парень. Хватит болтать. Мы скоро приедем. Потрать оставшееся время на то, чтобы вспомнить телефон адвоката, если он у тебя есть.

Я последовал его совету. То есть заткнулся. Правда, вовсе не для того, чтобы вспоминать телефон адвоката. И так понятно, что никакого обвинения они мне предъявить не могут. Никаких доказательств у них нет. Пока то, что меня видели недалеко от места убийства, – это лишь повод заинтересоваться мной, но не больше.

Как ни странно, я стал успокаиваться. Напряжение заставило меня забыть об эмоциях. Как тогда, когда я бил по голове типа, который душил Вик.

Итак, положение у меня незавидное, но не безвыходное.

Значит, Вик левша. Это, конечно минус. Если до нее доберутся и устроят проверку, у нас будет куда меньше шансов выкрутиться. Следовательно, важно сделать так, чтобы до нее не добрались. Очень просто. Сложнее это сделать.

Дальше. Скорее всего, убийца тот второй, с кем разговаривал якудза и кто остался у двери. Девяносто девять шансов из ста, что это он. Нужно найти его. Причем самостоятельно. Прямо как в дешевом детективе. Полиция бессильна, и расследование ведет главный герой – какой-нибудь не в меру деятельный учитель истории... В кино такая штука смотрится здорово. На практике из этой затеи ничего не выйдет.

Я попросту не знаю, как надо искать преступников. Не знаю, и все. Даже с чего начать, не представляю. Никаких зацепок, никаких предположений.

Если бы я мог сказать покемонам, что был этот второй. Что он остался ждать, когда ему откроют дверь изнутри. А когда не дождался, сам залез в окно и зачем-то прикончил тех парней. Да, если бы я мог сказать...

Но делать этого нельзя. Стоит мне обмолвиться, что я был в клинике... Ничего хорошего из этого не выйдет. Даже если они найдут настоящего убийцу, меня будут судить за нанесение телесных повреждений и кражу со взломом. Такой вариант меня не устраивает. Но вероятнее, что никакого убийцу они искать даже не станут. Зачем? Уже есть я. И Вик.

Оказывается, положение все-таки безвыходное. Если не рассказать все – у меня будут огромные проблемы. Если рассказать – проблемы будут ничуть не меньше.

Вот что получается, когда влезает в чужой лабиринт.

Но еще не все потеряно. Не все. У меня будет время обдумать все как следует. Ночь, скорее всего, придется провести у них. А вот завтра я хорошенько подумаю. Завтра... Сегодня главное – не говорить лишнего про Вик. И стоять на своем.

Я чуть приободрился.

- Ну вот, почти приехали, - довольно сказал Пикачу. - Надеюсь, телефон адвоката ты вспомнил?

- Не думаю, что он мне понадобится в ближайшее время.

- Напрасно.

- В чем я виноват? В том, что оказался в неподходящее время в дерьмовом месте?

- Ну, лично я думаю, что ты виновен в двойном убийстве. Совершенном с чертовской жестокостью, - ответил Пикачу.

- Я тоже так думаю, - кивнул Рейчу, высматривая свободное место напротив участка.

- Вас ждет разочарование. Я всего лишь трахался там.

- Где? В клинике?

- Нет, в двух кварталах от нее. В наполовину снесенном доме. Среди куч мусора...

Пикачу хмыкнул. Рейчу хохотнул. Мне его смех не понравился. Так смеются не над извращенцами. Так смеются над людьми, которые испачкали задницу, сев на грязный стул, но еще не догадываются об этом.

- Боюсь, что после того, как ты кончил, вы отправились в клинику и пришили двоих парней. Может, это тоже часть сексуальной фантазии?

- Да с чего вы взяли? - я неожиданно для самого себя разозлился. Будто говорил правду, а мне не верили.

Пикачу посмотрел на меня, выдержал полную драматизма паузу и сказал то, что мне совсем не понравилось. Не понравилось настолько, что я чуть не обмочился. Он сказал:

- А с того, парень, что в этой пропахшей дерьмом клинике мы нашли до черта отпечатков твоих пальцев.

В моей голове вспыхивает неоновая надпись: «нет выхода».

Кровь стучит в висках азбукой Морзе: «нет выхода».

Перед глазами морда ухмыляющейся обезьяны. Ее губы шепчут: «нет выхода».

Я не заметил, как остановилась машина. Не заметил, как Рейчу, ругаясь сквозь зубы, дернул несколько раз заевшую вдруг рукоять ручного тормоза, пока не удалось ее поднять. Не заметил, как Пикачу выкарабкался на улицу и, вдохнув полной грудью свежий вечерний воздух, полез в карман за сигаретами.

Нет выхода. Нет выхода. Нет выхода.

Нетвыходанетвыходанетвыхода.

Дверь с моей стороны распахнулась. Надо мной стоял Пикачу, с сигаретой в губах. На лацкане пиджака прилепился маленький столбик пепла.

Нет выхода. Нет выхода. Нет выхода...

- Ну, так и будешь сидеть?

Он протянул руку и взял меня за локоть. Я попытался выйти из машины, но ноги новокаиново онемели. Пикачу почти выдернул меня. Мне пришлось опереться на теплый капот.

- Сам дойдешь или помочь?

Нетвыходанетвыходанетвыхода...

Я отклеился от машины и сделал несколько шагов к какому-то светлому пятну. Наверное, это была освещенная дверь полицейского участка. Наверное. Мозг отказывался воспринимать и перерабатывать информацию, которую ему доставляли органы чувств.

Нет выхода...

Пикачу вынул окурочек изо рта и щелчком отправил его в урну. Но не попал. Окурочек описал оранжевую дугу и упал на асфальт, разбросав вокруг яркий снопочек искр.

Эта крошечная вспышка вернула меня в реальность. Внезапно пришло четкое осознание происходящего. Звуки, запахи, краски набросились на меня со всех сторон, грозя разнести мозг в серые скользкие брызги.

Я увидел слева от себя Пикачу, по-прежнему держащего меня за локоть. Чуть впереди справа шел Рейчу, засунув руку в карман брюк.

«Нет выхода» - вспыхнуло последний раз в мозгу. Несколько раз моргнуло, как испорченная неоновая вывеска, и погасло.

Дверь участка приближалась. Пятнадцать шагов, двенадцать, десять... Я разглядел потемневшую дверную ручку. Трещину в светло-серой стене чуть правее косяка. Выщербленную ступеньку.

И тут адреналиновое цунами накрыло меня с головой. У меня даже перехватило дыхание. Вернулось ощущение, которое я испытывал на берегу моря, когда бил Вик. Только теперь оно было сильнее, ярче раз в десять. Все мышцы разом остро заныли.

Я только успел в панике подумать, что *этого делать не надо*. Но тело не захотело слушаться.

Моя рука, которую держал Пикачу, резко рванулась, освобождаясь от захвата. Нога сделала шаг в сторону, и кулак второй руки впечатался в висок покемона. Сдавленно хрюкнув, он рухнул на колени и схватился за голову.

вернуться

48

Левшей в Японии очень жестко переучивают на правшей с детства. Быть левшой считается неприличным.

Рейчу услышав какую-то возню за спиной, обернулся и растерянно замер. Больше он не был

похож на покемона. Он был похож на до смерти удивленного учителя сельской школы. Неужели никогда не видел, как бьют его напарника?

Удивлялся Рейчу недолго. Через мгновение он кинулся на меня, выставив вперед руки и пригнувшись. Будто ловил взбесившуюся кошку.

Моя нога сделала короткое движение навстречу. Носок ботинка воткнулся в неожиданно мягкий пах покемона. Рейчу тонко завыл и упал на асфальт, свернувшись калачиком. Мне показалось, что глаза у него вот-вот вывалятся. И будут болтаться на зрительных нервах...

Боковым зрением я увидел, что дверь участка открылась и на пороге появился еще один полицейский.

- Эй! - растерянно крикнул он.

Странное дело, ведь эти ребята должны быть крутыми. А они ведут себя, как бухгалтеры, напуганные хулиганом.

Хотя, наверное, каждый бы растерялся на их месте. Скорее всего, преступники убегали от них нечасто. Правда, полицейский хоть и опешил, но автоматически начал нашаривать у себя на поясе кобуру.

Тогда я побежал. Побежал так, как никогда в жизни не бегал. Иногда так бегаешь во сне. Ты почти летишь, едва касаясь земли. И от полноценного полета тебя удерживает только то, что даже во сне ты помнишь о гравитации.

Через дорогу, лавируя между машинами, потом направо по пестрой улице до первого перекрестка и снова направо. Не думая о том, куда я бегу. Не имея четкой цели. Не представляя даже, в каком районе нахожусь.

Я слышал позади крики. Они действовали на меня, как шпоры на лошадь. Люди на улице бросались от меня... Да, врассыпную, как цыплята от лисицы. Точно так же, как тогда, на шоссе, бросались от нас с Вик машины. Одного замешкавшегося пьяного сасаримена я сбил с ног, задев его плечом. Дипломат отлетел далеко в сторону и раскрылся, выблевав стопку исписанных листов. Одним криком больше...

Легкие жгло. Будто я с хрипом втягивал в себя раскаленный воздух доменной печи. Мышцы, накачанные адреналином, казалось, вот-вот прорвут кожу. И она лопнет, как тонкая рисовая бумага, обнажая ярко-красные, бешено сокращающиеся жгуты. Сухожилия натянуты до предела. Еще чуть-чуть, и они разорвутся с жалобным стоном лопнувшей струны.

Хотя сейчас я бы продолжал бежать без кожи и сухожилий. Даже если от меня останется лишь скелет, он не остановится. Он, гремя костями, будет нестись по улице, наводя ужас на прохожих.

Крики не затихали. К ним прибавился вой сирены. Я нырнул в щель между домами и оказался в лабиринте узких улочек. Я почти летел по этому лабиринту. Меня вело шестое чувство. Оно задавало мне направление и не позволяло сбиться с него; оно подсказывало, где нужно свернуть, чтобы не угодить в тупик; оно указывало, куда ступить, чтобы не переломать ноги в захлавленной темноте в щелях между домами.

Постепенно я начал уставать. Ощущение легкости, почти невесомости, медленно, но верно уступало место тяжелой, как ртуть, усталости. Я все чаще сбивался с дыхания. Я все чаще

спотыкался. А преследователи никак не хотели отстать или сбиться со следа.

Отчаяние холодной рукой начало сжимать сердце. И вместе с отчаянием пришло понимание того, что я наделал. Сначала оно лишь скользнуло по краю сознания. Но с каждым шагом оно становилось все отчетливее. Я будто просыпался.

Все пути к отступлению были отрезаны. Раньше у меня был хоть какой-то шанс выкрутиться. Теперь я окончательно поставил себя вне закона. И мне не помогут ни ложь, ни адвокат. Ничто уже не поможет. Меня будут искать. И рано или поздно обязательно найдут.

Шаги за спиной приближались. А может, мне просто так казалось... Как бы то ни было, поймают меня сейчас или мне удастся уйти – не важно. Они все равно доберутся до меня. Так или иначе доберутся.

И я сам подписал себе приговор.

Это запоздалое раскаяние чуть не заставило меня остановиться и сдаться полицейским. Быть может, я бы так и сделал... Но чутье, звериное, не умеющее ошибаться чутье продолжало гнать меня вперед. Оно вело меня к какой-то неизвестной сознанию цели.

И привело меня туда, где я меньше всего ожидал оказаться.

Вылетев из-за очередного поворота, я увидел перед собой еще одну улочку. Что-то мне показалось в ней знакомым. Мелькнула мысль, что я просто описал круг и теперь вот-вот выбегу прямо к полицейскому участку. Я замедлил бег, оглядываясь по сторонам.

И через несколько метров увидел то, чего никак не должен был увидеть здесь.

Тусклую вывеску. Всего лишь одно слово.

BAR.

Знакомая деревянная дверь была приоткрыта. Словно ждала меня. В щель пробивалась полоска света.

Я в два прыжка оказался у двери. Сзади и немного в стороне были слышны топот и голоса. Эти ребята не хотели сдаваться так просто. Уже взявшись за ручку, я на мгновение замешкался. Стоит ли скрываться от полиции в собственной галлюцинации? Дети тоже закрывают глаза ладонями и пребывают в уверенности, что их никто не видит. Не буду ли я похож на такого ребенка?..

Топот и голоса приближались. Я слишком долго простоял здесь. Теперь оторваться будет почти невозможно...

Не раздумывая больше, я влетел в бар и захлопнул за собой дверь.

Глава 17

Я захлопнул за собой дверь и тяжело привалился к ней, жадно хватая ртом воздух. Перед глазами плыли красные круги. Пот заливал лицо. На губах стоял его солоноватый привкус.

По улице, в шаге от двери, пробежали два человека. Я одеревенел. Один человек что-то крикнул. Шаги на секунду замерли, потом забарабанили снова уже в другом направлении.

Кажется, в галлюцинации все-таки можно спрятаться.

Я всхлипнул. Ноги дрожали так, что мне пришлось сесть прямо на пол. Стоять я не мог. Я был настолько вымотан, что вообще ничего не мог. Только сидеть, прислонившись спиной к двери, и хлюпать носом. Сил не было даже добрести до стойки...

...За которой стоял огромный старый негр. И невозмутимо протирал стакан переброшенным через плечо полотенцем. Будто ничего не случилось.

Я окинул взглядом зал. Брат-близнец или клон негра спал на своем месте. За столиком у двери. То есть в трех шагах от меня. Несмотря на то, что по моим барабанным перепонкам колотил какой-то полоумный барабанщик, я услышал храп клона.

В общем, здесь ничего не изменилось. Абсолютно ничего.

Немного придя в себя, я кое-как поднялся и поковылял к стойке. Из моих ног вытащили кости и мышцы, а кожу плотно набили ватой. Настолько плотно, что нога не могла согнуться. Ни одна, ни другая. То и дело хватаясь за столики, я дошел до стойки. Кряхтя, взгромоздился на табурет и сказал:

- Дайте воды. - Голос мой был чем-то средним между фальцетом кастрата и предсмертным хрипом.

- На подходе, - кивнул негр.

Он поставил передо мной высокий запотевший стакан. Я схватил его трясущимися руками и выпил, обливаясь, давась, выбивая дробь зубами по стеклу. И тут же попросил еще.

После трех стаканов я перевел дух. Негр вопросительно посмотрел на меня.

- Еще?

Я помотал головой.

Он взял кружку, сверкающую как горный хрусталь, и принялся ее протирать. Потом придирчиво посмотрел ее на свет, недовольно поморщился, стер еще какое-то невидимое пятнышко и взялся за другую кружку. Я его не интересовал.

- Дайте что-нибудь покрепче.

- Что? Виски?

- Давайте виски. «Джим Бим». Чистый. Без льда и воды.

- На подходе. Только не наберись, как в прошлый раз.

Глоток виски схватил стальной рукой за горло, вышиб слезу и отвесил хорошую оплеуху, от которой слегка закружилась голова.

- Полегче, приятель. С непривычки можешь опять слететь с катушек.

- Ничего, - просипел я откашлявшись. - Зато легче стало.

Действительно, постепенно дрожь унялась, мышцы, намертво сведенные судорогой,

расслабились, панические вопли в голове притихли. Я снова приобрел способность соображать и сидеть на табурете, не цепляясь за стойку. А главное, ко мне пришла уверенность, что здесь я в полной безопасности. Пока я в этом баре, ничего плохого со мной случиться не может. Не может, и все. Ни капли рационального в этой уверенности не было. Поэтому ей можно было доверять на сто процентов.

- Я смотрю, у тебя опять неприятности, - произнес бармен.

- Не то слово. Неприятности - это слабо сказано.

- Что на этот раз? Снова обезьяна?

- Я вляпался в отвратительную историю. Теперь у меня проблемы с полицией.

- С полицией? Вот это да! Я видел, как ты влетел в бар. Будто тебя черти вилами под зад подбадривали. Видать, и правда ты в дерьме по уши. Что ты натворил?

Мне почему-то казалось, что он и так все знает. Может быть, даже лучше меня самого. Но, тем не менее, я в нескольких словах рассказал ему о том, что со мной случилось после нашей первой встречи.

Негр слушал внимательно, подперев подбородок рукой и кивая время от времени. Но все-таки меня не покидало ощущение, что он просто играет заранее выбранную роль.

О том, что это - всего лишь моя галлюцинация, я забыл. В конце концов, эта иллюзия была куда реальнее некоторых реальных вещей. По крайней мере, сейчас.

- Дерьмо, - сказал негр, когда я закончил рассказ.

- Что вы имеете в виду? - спросил я и подумал, что глупо называть персонажа собственного видения на «вы».

- То, во что ты влип. Отличное стопроцентное свежайшее дерьмо.

Спорить с ним было трудно. Я уныло кивнул. Мне стало еще страшнее. Если только это было возможно. От слов «стопроцентное свежайшее дерьмо» веяло такой безысходностью, что мне захотелось пойти в полицию, признаться во всем и больше ничего не бояться.

Я вдруг подумал, что сегодня в один миг лишился всякой надежды когда-нибудь стать счастливым. Не тем большим счастьем, о котором пишут философы и влюбленные поэты. Обыкновенным человеческим счастьем, которое является прямым родственником довольства.

У меня не будет своего дома с маленьким садом и прудом, выложенным розовым известняком. А ведь я так хотел, чтобы в мае прямо у меня под окнами зацвели ирисы, а в июне - гортензии, и чтобы все лето в саду пели цикады, а в пруду поблескивали на ярком солнце серебристо-красные куяку. [49] Я бы смотрел на карпов вместе со своим сыном, а в доме хлопотала бы жена, готовя воскресный обед. Я отвечал бы на непростые вопросы сына. И тихо радовался бы этой жизни. А иногда, по ночам, лежал без сна в своей постели, слушая ровное дыхание жены, и потихоньку тосковал бы о том самом большом счастье, которое недостижимо, но так желанно...

А потом умер бы, окруженный детьми и внуками. И в День предков они зажигали бы костер, приветствуя меня... Но мне на это было бы уже наплевать. Как было бы наплевать на то, что у

меня был садик, пруд с кои, жена и дети.

Замкнутый круг. В любом случае, в конце концов, мне будет на все наплевать. Стоит ли так суетиться сейчас?

Я вернулся в бар. Оказалось, что успел за это время выпить две порции виски. Неразбавленного. Пора остановиться. Я вовсе не хотел напиваться. Приключения еще не закончились. Рано или поздно мне предстоит выйти из бара. Кто знает, что ожидает меня за его порогом...

- Что думаешь делать? - спросил негр.

- Не знаю. - Я пожал плечами.

А что тут сделаешь? Вариантов немного. Или идти в полицию, или ждать, пока они сами придут ко мне. Бежать? Куда? У меня не хватит денег, чтобы бежать за границу. А скрываться в Японии, не имея связей в преступном мире, не имея опыта и хоть каких-то познаний в этой области, - глупая затея. Проще отправиться домой и терпеливо дожидаться появления служителей закона. Результат будет тот же. Впрочем, они уже наверняка там...

Ограбление, нанесение телесных повреждений, сопротивление полиции - не так уж и плохо для простого копирайтера. Если прибавить к этому то, что и двойное убийство спишут на меня... Очень неплохо. Лет сто тюрьмы. Или двести, если припомнить гонки на угнанной машине.

- Не знаю, что делать, - сказал я и допил виски.

Стук доньшка стакана о стойку прозвучал для меня как выстрел.

- А эта девушка, которая хотела наложить на себя руки? Как она, сделала это?

- Пока нет.

- Ты говоришь об этом спокойно.

- Да. Если честно, сейчас меня больше заботит мое положение... Я, конечно, не хочу, чтобы она умирала... Но это далеко, понимаете? А полиция и все остальное совсем рядом. За дверью...

- Она тебя и раньше-то не слишком заботила, так? - спросил негр.

Мне показалось, что в его словах прозвучал упрек.

Но какое ему дело до меня и до Вик?..

- Заботила, - ответил я. - Только я ничем не мог ей помочь.

- Ну да, ты был слишком занят мечтой о доме с садом.

- Откуда... - начал было я, но вовремя вспомнил, что непонятно с кем разговариваю.

Негр казался вполне реальным. И бар... Но в то же время была обезьяна, зазывавшая меня сюда. А главное - в прошлый раз этот бар находился едва ли не на другом конце города. Вот в чем фокус. Блуждающий бар. Летучий голландец ресторанного бизнеса.

Самое интересное, что это меня ни капли не смущало. Хотя, возможно, на самом деле я сидел сейчас в подвале какого-нибудь полупустого дома и разговаривал сам с собой.

- Не упрощай так все, - сказал негр. - Меня ты можешь считать галлюцинацией. При условии, что тебе нравится себя считать чокнутым. Но девушка-то реальна. И слишком много цепочек замыкается на нее. Ты блуждаешь по центру ее путины. По привычке считаешь эту паутину своей.

- Лабиринт, - отстраненно произнес я. - Мне больше нравится «лабиринт». Так точнее.

- Ну, пусть будет лабиринт. Дело не в названии.

- А в чем? В чем дело? В том, что эта девчонка втянула меня во все то, что вы... ты называешь свежайшим дерьмом?

- Да, - кивнул негр. - Именно в этом. Ты сделал обычную ошибку - влез в чужой лабиринт, но не захотел этого признать и вел себя, как ни в чем не бывало.

- Что же я, по-твоему, должен был сделать?

- Она пригласила тебя в свою жизнь. Ты вошел. Это произошло, когда она сказала тебе, что хочет покончить с собой, а ты воспринял это всерьез и начал ее отговаривать. Попался на этот крючок. Уйди ты тогда, сразу, как только понял, что с такой ситуацией тебе не совладать, не было бы ничего этого. Ты бы жил, как жил. Но ты шагнул за ней. А когда понял, что все идет не так, как тебе хотелось, начал паниковать. Даже не попытавшись выйти из ее лабиринта. Наоборот, еще больше запутался...

- Да уж, запутался. Но что же я, должен был помочь ей убить себя?

- А почему бы и нет?

- Потому что я никого не хочу убивать. А это было бы самым настоящим убийством.

- Она все равно умрет.

- Но без моего участия.

- А это что-то меняет?

- Для меня меняет.

- Нет, даже для тебя это ничего не меняет. Кроме того, что теперь ты будешь испытывать угрызения совести не в уютном домике, а в тюрьме.

- Почему меня должна мучить совесть?

- Потому, что ты ничего не сделал, чтобы не дать ей умереть. Все это время ты был занят только собой. И ты это знаешь. Она была для тебя лишь помехой. Человеком, втянувшим тебя в неприятности. Ты просто сидел сложа руки и восхищался собственным ничегонеделанием. Нельзя в чужом лабиринте валять дурака. Это всегда плохо кончается... Если оказался там, должен быть осторожен. Каждый поступок нужно хорошо взвешивать. Малейшая расхлябанность, и ты никогда не вернешься в свою жизнь, понимаешь? В чужой жизни - как в тылу противника. Когда я понял, что ты зашел дальше, чем можно было, я дал тебе подсказку, сказал, что у этой девушки есть ответы на все вопросы. Но ты был слишком туп.

- Ты мне это сказал? Разве это говорила не обезьяна? Или... ты и есть обезьяна?
- Ну, - сказал негр, - можешь называть меня обезьяной.
- Нет-нет, подожди... Я точно помню, что это были слова обезьяны.
- Если бар оказался на другом конце города, почему бы мне не стать на какое-то время обезьяной? - пожал плечами бармен.
- А как бар оказался здесь?
- Есть места, которые существуют не «где», а «когда». Они вне пространства. Только время... Тебе был очень нужен этот бар - и ты пришел в него. Окажись ты на необитаемом острове, ты все равно смог бы пропустить здесь стаканчик виски. Очень удобно, не находишь?

вернуться

49

Вид декоративных карпов кои.

- Но все это нереально, да?
- Какая тебе разница?
- Но я хочу понять...
- А-а-а, - протянул негр, - Объяснения... А зачем тебе так нужно все это объяснять? Как будто от объяснений что-то изменится. Молния убивала древних людей. Они полагали, что это кара богов. Теперь мы знаем, что это электрический разряд. Но она убивает людей по-прежнему.
- Но зная, мы научились с ней бороться. Громоотводы и все такое.
- Я говорю не о выживании, а о сути вещей. Молния может убивать. И точка. Вне зависимости от того, что ты о ней знаешь... Или думаешь, что знаешь.
- Все это философия, - сказал я. - Мне сейчас не до нее. Я должен найти выход...
- Ты не там его ищешь.
- А где его искать? Ты можешь мне сказать?
- Нет. Я всего лишь опознавательный знак. Табличка с надписью «это не твоя жизнь». Я могу лишь сказать тебе, что пора сворачивать, если хочешь вернуться в свой лабиринт.
- Но что я должен для этого сделать?
- Все ответы у нее. От тебя требуется только задать нужные вопросы. На самом деле, она и так сказала тебе достаточно. Но, как я уже говорил, ты был слишком туп, чтобы что-то понять.
- Например?

Негр пристально посмотрел на меня. Мне показалось, что его лицо - маска, за которой

проступают обезьяньи черты. И тут я вспомнил, что согласно мифам, Сару [50] могут превращаться в людей. При этом они выглядят как пожилые люди, очень умные и знающие, но несколько странные. Странностей у этого негра было предостаточно.

- Не надо считать меня кем-то вроде доброго духа, цель всей жизни которого - вытирать тебе сопля, - произнес негр. - Я тебе сказал - все ответы у нее. Чего тебе еще надо?

Он разозлился. Обезьяньего в его лице стало еще больше.

- Ответы уже мало что изменят, - сказал я. - Мне не выкрутиться. Полиция рано или поздно меня найдет. Если бы я мог узнать, кто убийца... Но Вик мне в этом не поможет.

- Ты опять за свое... Центр этой истории девушка. С нее все началось и ею должно закончиться. Как, я не знаю. Да и никто не знает. Но конец истории связан с ней. У тебя нет другого выхода. Ты должен вернуться к тому, с чего все началось. Вернее, с кого... И постараться распутать клубок.

- Но как...

Откуда-то из-под стойки раздалось дребезжание. Резкое, как внезапная зубная боль. Я подскочил на табуретке.

Негр нагнулся, пошарил рукой и вытащил источник звука. Это был телефон. Старый-старый, наверное, ровесник самого бара. Телефонный динозавр. Еще из тех аппаратов, у которых не было дисков. Он соединялся напрямую с коммутатором, и нужно было называть номер телефонистке. Продолговатый деревянный корпус, сбоку рукоятка, уродливая трубка с раструбом на месте микрофона, медная шишка звонка. Никакого шнура у телефона не было. Если он к чему-то и подключен, то к DoCoMo. Хотя, конечно, предположение бредовое.

Я должен был удивиться, но я уже давно перестал чему-то удивляться.

Негр поставил дребезжащее чудовище на стойку, обтер полотенцем и пододвинул ко мне.

- Это тебя.

Еще бы! Кого же еще...

Я снял трубку и поднес к уху, ожидая услышать жуткий треск помех. Даже поморщился заранее...

Но голос прозвучал абсолютно ясно и четко, будто человек сидел рядом со мной. Этим человеком была Вик. Нетрудно догадаться...

Негр деликатно отвернулся и принялся опять что-то протирать. С его усердием на месте бара уже должна была образоваться дырка...

- Не разбудила? - сказала Вик.

- Не знаю, - честно ответил я.

- Придурок. Шутки у тебя с каждым разом получаются все хуже.

- Скажи, ты куда звонишь?

- Кусотарэ...

- Я серьезно. Какой номер ты набирала?

- Твой. Если я разговариваю с тобой, чей номер я могла еще набрать?

Ну да. Теперь хорошо бы выяснить, сижу я сейчас дома и воображаю, что нахожусь в баре, или происходит что-то невероятное и звонок в мою квартиру просто переадресовался в бар, которого не может быть? Плохо, если первое. Тогда в любой момент меня могут привести в чувство полицейские. То-то для них будет радость. Беглый преступник спокойно сидит дома и болтает по телефону, даже не пытаясь как-то уйти от погони. Во втором варианте дело еще хуже. Я столкнулся с необъяснимым. Неизвестно, где лучше пребывать. В тюрьме или в параллельном мире.

От этих мыслей голова шла кругом.

- Что молчишь? - раздраженно спросила Вик. - Удивлен, что, позвонив в твою квартиру, я попала в твою квартиру и разговариваю с тобой?

- Ты звонишь по делу или просто так?

- Хочу узнать, как закончился рабочий день. Тебя уволили?

- Гораздо хуже. Ты не поверишь...

Я пересказал ей события последних часов. Дойдя до того момент, когда я увидел бар, я замолчал. Как ей рассказать об этом? Да и стоит ли вообще?.. Но она сама спросила.

- И ты после всего этого пошел домой?

- Не совсем... То есть, я не знаю. Может быть, я дома. А может быть, и нет. Запутанная история... Помнишь, мы с тобой искали бар, но так и не нашли?

- Ну.

- Так вот, я сейчас в этом баре. Хочешь, верь, хочешь, нет. Впрочем, как я уже сказал, может, мне просто кажется, что я в баре, а на самом деле сижу в своем кресле... Не знаю, как это проверить.

- Мда... - протянула Вик. - Тебе, похоже, здорово досталось. Обезьяны там часом нет?

- Ты будешь смеяться, но есть. То есть не совсем обезьяна... - Я понизил голос. - Человек, который, как я понял, в нее превращается... То есть обезьяна становится этим человеком. Так вот, в общих чертах.

Говоря это, я посмотрел на негра. Тот с невозмутимым видом полировал стойку.

- Псих.

- Наверное, - устало сказал я.

- Полицейские-то точно были? Или тоже кто-нибудь в них превратился?

- Полицейские были... Но это сейчас не важно. Послушай, Вик... Нам с тобой надо встретиться.

Как можно быстрее.

Негр кивнул.

- У меня уже не осталось времени. *Это* должно произойти сегодня или завтра. Мне надо спешить. Собственно, я звонила попрощаться. Судя по всему, ты слишком занят, чтобы сделать то, о чем я тебя просила...

- Нет, послушай...

- Подожди, не перебивай. Я справлюсь сама... Обещай только, что первым найдешь мое тело и вызовешь полицию.

Вызовешь полицию... Вот уж что-то, а обращаться в полицию мне сейчас было абсолютно противопоказано. «Алло, это звонит тот самый парень, который подозревается в двойном убийстве и который убежал от двух полицейских, оставив одного без яиц. Сейчас я нахожусь в квартире моей знакомой, которая покончила жизнь самоубийством... Что? Нет-нет, я и пальцем к ней не притронулся... Вы не могли бы приехать, подтвердить факт самоубийства?»

Вот опять... То, о чем говорил негр. Я начинаю решать свои проблемы, забыв обо всех на свете. Сажу в чужом лабиринте и занимаюсь своими делами. Наверное, это и правда не самый лучший способ действовать. По крайней мере, я так уже поступал. И в результате оказался в том самом «свежайшем дерьме». Надо попробовать другой путь.

- Эй, - позвала Вик. - Обещаешь мне это?

- Нет, Вик. Этого я обещать не буду... Во всяком случае, пока. Я сейчас приеду к тебе, и мы все обсудим, хорошо?

Негр снова кивнул. Мне не очень нравилось, что он подслушивает наш разговор, но ничего поделать я не мог. В конце концов, это его бар и его телефон. Если только...

Если только ты не у себя дома, - подумал я, прижимая трубку к уху. И сейчас не раздастся стук в дверь.

- Не думаю, что тебе стоит приезжать, Котаро.

- Стоит, Вик. Еще как стоит.

- Ты попытаешься меня отговорить, а это бесполезно.

- Нет... Мне нужно приехать. Во всем разобраться. Ты как-то на все влияешь... Пока я тебя не знал... Ну, в общем, и Ямада вел себя не так, и с полицией у меня не было неприятностей... Понимаешь?

- Мяс...

- Может быть, мы с тобой каким-то образом связаны. Я пока не знаю, как... Но вдруг, если что-то изменится у меня, то и у тебя все пойдет по-другому? Ну или наоборот...

- Меня все устраивает.

- Я понимаю... Но ведь это может быть и оттого, что ты не знала других путей.

вернуться

50

Обезьяна.

Вик молчала в трубку, решая что-то. Я взглянул на негра. Он перестал делать вид, что не слушает. Стоял напротив и не спускал с меня внимательных глаз.

- Только давай договоримся, - сказала Вик после долгой паузы, - что ты не будешь читать мне мораль. Чуть типа: «тебе есть, для чего жить» и «умереть ты всегда успеешь» - оставляешь для себя. Понял?

- Да.

- Обещаешь?

- Обещаю.

Она опять немного помолчала.

- Слушай, а что все-таки ты хочешь выяснить?

- В двух словах этого не объяснишь, Вик. На самом деле, я не знаю, нужно ли что-нибудь вообще выяснять...

Негр покачал головой. Я отвернулся от него.

- Правда не знаю. Может быть, это всего лишь мой бред. Есть такая теория... Не так давно о ней узнал...

Я пересказал ей идею о лабиринтах.

- Вот с этим я и хочу разобраться. По этой теории, я сейчас в твоём лабиринте. Мне надо найти из него выход. Для этого я должен что-то сделать для тебя. Закрывать счета, понимаешь? Сделать то, для чего я был втянут в твой лабиринт. Никто ведь не появляется в жизни другого человека просто так, без всякой цели. Если я пришел к тебе, значит, зачем-то это было нужно... Вот мне и надо понять, зачем. И выполнить свою миссию. Тогда я вернусь к себе...

- В психушку, - вставила Вик.

- Может быть. Сейчас я бы не стал с этим спорить. Похоже, что у меня действительно не все в порядке с головой. Но и сумасшествие тоже может быть лишь следствием нашей встречи. Или не следствием... Просто без него я бы не смог решить эту проблему.

- Какую проблему?

- Проблему наших отношений.

- А разве у нас есть отношения?

- У нас есть проблема.

- Ты очень непонятно говоришь. Я, если честно, половину не поняла. Здорово смахивает на бред. Ты уверен, что не ударялся головой, когда дрался с полицейскими?
  - Уверен. Ударялись головами они... Оказывается, я крутой парень, Вик.
  - Не сомневалась в этом. На берегу моря ты показал себя во всей красе...
  - Ты до сих пор обижаешься, да? Извини меня.
  - Нет, я не обижаюсь. Как ни странно, в тот момент я поняла, что могла бы влюбиться в тебя. Если бы не... - Она замолчала.
  - Что?
  - Если бы не необходимость уходить.
  - Тебя же никто не заставляет...
  - Ты начинаешь пороть чушь, - оборвала она.
  - Все. Больше не буду. Обещаю.
  - Хорошо. Ладно, хватит болтать. Я устала ... Когда мы встретимся и где?
  - Прямо сейчас. Я приеду к тебе, если ты не против. У меня сидеть опасно. Покемоны могут нагрянуть в любую минуту. Тебя же им придется еще поискать.
  - Прямо сейчас?... Так быстро?
  - Да. И так слишком много времени потерял.
- И не только времени, - промелькнуло в голове.
- Хорошо, придурок. Буду тебя ждать. Дорогу найдешь?
  - Думаю, да.
  - Захвати чего-нибудь выпить.
  - Договорились.
- Вик бросила трубку. Удивительная способность так класть трубку, что каждый раз чувствуешь себя телефонным хулиганом.
- Негр убрал телефон со стойки, предварительно протерев его с таким видом, будто я болел проказой.
- Ну что? Решился, наконец? - спросил он.
  - Дай еще виски. Выпью и пойду.
  - На подходе.
  - Откуда это дурацкое «на подходе»?

- Не знаю. Где-то услышал. Мне понравилось. А потом привязалось. Уже не отучиться. Тебе со льдом?

- Да. И с содовой.

Негр поставил передо мной стакан. Я сделал несколько глотков. Вкус виски едва чувствовался.

- Не знаю даже, с чего начать, - задумчиво сказал я.

- Ты уже начал.

- Что я ей скажу? Что старый негр и обезьяна настоятельно рекомендовали мне с ней поговорить?

- Тут я тебе ничем не могу помочь. Я ведь уже сказал: вытирать тебе сопли - это не моя забота.

- Ну да. Указательный знак и все такое. Я давно заметил - чем больше человек дает советов, тем меньше от него толку.

Негр равнодушно пожал плечами. Жест означал: «это не мои проблемы, приятель». Естественно. Тут вообще мне одному что-то надо.

- Дашь мне бутылку виски с собой? - спросил я.

- Бери.

Бармен снял с полки бутылку «Джека Дениелса» и поставил на стойку. Не забыв протереть.

- Сколько с меня?

- За счет заведения.

- И на том спасибо. А за то, что выпил здесь?

Негр махнул рукой. Щедрая обезьяна.

Я посмотрел на дверь, через которую мне вскоре предстояло выйти в мир, где меня не очень-то любят. Честно говоря, выходить не хотелось совершенно. Что, если они устроили там засаду? Вряд ли, конечно. Такое могло бы произойти в детективном фильме, в жизни они не станут усложнять. Будь они здесь здесь, просто зашли бы сюда. Но понимание этого не поднимало настроение.

Стараясь оттянуть хоть немного момент встречи с реальностью, я спросил:

- Так ты на самом деле обезьяна?

- Что-то вроде.

- И только в баре можешь быть человеком?

- Ага.

- Но почему именно негр? Странно как-то...

- Будь я японцем, тебе было бы легче? - резонно возразил он.

- Да нет, наверное. А это кто? - я кивнул головой на спящего за столом.
- Будем считать, что это мой брат.
- Что значит - будем считать?
- Некоторых вещей лучше не знать.
- Не думаю, что мне может стать хуже, чем сейчас.
- Напрасно. Всегда может быть хуже. Всегда. Не обольщайся...
- Да. Например, сейчас я выйду, а там меня ждут покемоны.
- Нет. На этот счет можешь не волноваться. Никого там нет.
- Откуда ты знаешь?
- С тобой ничего не может случиться, пока ты идешь по верному пути. Неприятности происходят лишь тогда, когда ты сворачиваешь с него. Это аксиома.

Почему-то я ему поверил. Особых причин для этого не было, но я поверил. В глубине души я и сам знал, что до встречи с Вик мне опасаться нечего. Я могу сейчас совершенно спокойно пройти мимо участка и запустить в окно камнем. Никто даже не посмотрит в мою сторону. Темнота и дождь, ждущие за дверью бара, сегодня для меня безопасны.

Я вдруг почувствовал, что весь мир сейчас является моим союзником. Слово кто-то или что-то хочет, чтобы я непременно добрался до Вик. И готов мне в этом помочь.

О том, что будет потом, я не хотел задумываться. Все зависит от того, не собьюсь ли я с верного пути.

Наконец, я решился и слез с табурета.

- Ну, мне пора, - сказал я, пряча бутылку виски в карман.
- Пора так пора. Удачи тебе, - ответил негр.

Ответил так, словно я был самым обычным клиентом.

- А этот бар... В него может прийти любой?

- И да и нет.

- Как это?

- У каждого есть место, куда отправиться, если он свернет в чужой лабиринт.

Я посмотрел на дверь. Все-таки сложно было заставить себя сделать первый шаг.

- Мы еще увидимся? - спросил я, не сводя взгляда с двери.

- Мы знаем не. Да быть может.

Я обернулся. За стойкой стояла обезьяна. С полотенцем через плечо. Мне пришлось опереться

о табурет, чтобы не упасть. Одно дело слушать о превращениях, и совсем другое – присутствовать при них. А мне-то казалось, что меня уже ничем не удивить.

Обезьяна стояла, опершись о блестящую поверхность стойки. Именно стояла. На задних лапах. Мне почему-то стало интересно, как она ухитряется возвышаться над стойкой. С ее-то ростом. Я подошел ближе и перегнулся через стойку. С обратной стороны вдоль нее было сделано что-то вроде подиума. На нем-то и стояла обезьяна. Никакой мистики. Точнее, почти никакой...

- Ну, я пошел, – полувопросительно промямлил я.

- Да. Ты иди. Ми-и ждать.

Я помедлил немного, но повода задержаться еще ненадолго не находилось. Я пожал плечами, поудобнее пристроил в кармане бутылку и поплелся к выходу.

Человек у двери поднял на секунду голову, посмотрел на меня мутным, невидящим взглядом и, ничего не сказав, снова уронил ее на руки.

Я толкнул дверь и вдохнул влажный ночной воздух.

Глава 18

Без всяких приключений я дошел под дождем до улицы, где можно было поймать такси. Таксистам пришлось показывать три пальца, прежде чем хоть кто-то остановился. Наконец передо мной притормозила машина с красной табличкой. Я плюхнулся на заднее сиденье и описал шоферу, как добраться до нужного места. Повторять пришлось дважды. То ли парень недавно работал, то ли не отличался сообразительностью. Через несколько минут детальных описаний маршрута, с рисованием наиболее сложных моментов на запотевшем стекле, он кивнул и сказал:

- В общих чертах я понял. Но вы все равно внимательно смотрите. В случае чего, подскажите.

Мы тронулись с места.

Ехать предстояло довольно долго. Тем более с таким водителем. Я откинулся на спинку и закрыл глаза. Вообще-то, это было рискованно, я мог проснуться вовсе не там, где нужно. А, скажем, на другом конце Токио, где-нибудь в районе Ота. Но мне хотелось немного отдохнуть. Сегодня был очень долгий день. Чересчур долгий.

Все тело ломило от усталости. Спина как будто была выстругана из дерева. На плечах примостился бегемот. Хуже всего обстояло дело с ногами. Одну из них я, видимо, подвернул, когда убежал. Тогда я этого не заметил, но теперь лодыжка ныла нестерпимо. Мышцы горели огнем. Избыток молочной кислоты делал свое дело. Я даже засомневался, смогу ли вылезти из машины.

Я пристроил поврежденную ногу так, чтобы было хоть немного легче. Сейчас мне не помешала бы горячая офуро... А потом легкий расслабляющий массаж. Но обо всем этом можно только мечтать. То, что мне предстоит, вряд ли будет похоже на расслабляющий массаж. Даже отдаленно.

В кармане завибрировал мой NEC. За эти две недели сотовый звонил всего несколько раз. И все звонки были по работе. Интересно, кому я мог понадобиться сейчас? Разве только

полиции... Я слышал, что они могут установить таким образом местонахождение человека. Сотовый телефон срабатывает, как маяк. Охота на лис. По фильмам я мог представить себе, как это происходит.

Я снимаю трубку, а в десятке кварталов отсюда сидит полицейский в огромных наушниках и напряженно всматривается в карту города на мониторе. Вдруг, срывая наушники, он кричит: «Есть, я засек его!» На карте мигает красная точка. Это я, едущий в такси с туповатым водителем. Полицейский участок взрывается торжествующими криками...

Такие вот картинки мелькали у меня перед глазами, пока я тянулся в карман за телефоном.

Номер на дисплее был мне незнаком. Та часть мозга, которая отвечала за сохранность моей задницы, настоятельно рекомендовала вышвырнуть телефон в окно. Другая часть, решающая прямо противоположные задачи, требовала ответить на звонок. И узнать, кто же это звонит мне поздно вечером. Она мотивировала это требование очень просто: «Ну ведь интересно же!»

Я нашел компромисс. Если это будет незнакомый голос, я выброшу телефон в окно. И пускай полиция засекает меня сколько ей угодно.

Но голос оказался знакомым. И даже очень. Мало того, что голос, – слова эти я тоже хорошо знал. Во всяком случае, некоторые. Я мигом забыл про боль в ноге.

- Ну что, червяк, ты еще на свободе? – спросил меня Ямада-сан.

Я несколько раз беззвучно открыл рот. Не лучшая речь в моей жизни.

- Что, не ожидал?

- Нет, – просипел я.

И это была истинная правда. В общем-то, нет ничего странного в том, что начальник знает номер сотового телефона своего подчиненного. Но все нестранное на этом и заканчивалось. Ведь он явно позвонил не справиться о предполагаемых сроках готовности текстов.

- Как тебе удалось выкрутиться, червяк?

Черт, почему он не хочет оставить меня в покое? Что ему нужно? Непременно засадить меня за решетку?..

- Почему ты молчишь? Тебя спрашивает твой начальник. Так как тебе удалось выкрутиться? Что ты им наврал на этот раз?

- Ничего.

- Ничего? Они не должны были тебя отпускать, червяк. Слышишь? Если ты еще на свободе, значит, ты или наврал им и они тебе поверили, или... Или ты сбежал... Ну, отвечай, ты сбежал?

Да чего же он хочет от меня? Неужели он что-то знает? Не то, что ему сказали полицейские, нет. Этого мало. Он как будто пытается внушить мне мысль, что именно я виновен в тех убийствах... Как он зацепился за это! Как у него блестели глаза, когда он пересказывал мне свой разговор с полицией. Это был блеск глаз собаки, взявшей верный след. Но почему? В этом скрывалось нечто большее, чем стремление гражданина выполнить свой долг...

- Отвечай мне, червяк! – закричал он в трубку так, что даже водитель нервно оглянулся.

- Мне незачем врать и убегать, - сказал я. - Я рассказал им, как было дело, и они меня отпустили...

- Врешь. Ты мне врешь. Это вы со своей сучкой убили тех парней. Так ведь? А? Так ведь, Котаро?

- Нет, я здесь ни при чем.

- Еще как при чем. Еще как! Ты сейчас у нее? У своей крашеной суки? Скажи ей, что скоро я доберусь до нее и отрежу ее поганый палец.

Мне было трудно дышать. Даже разговаривая с ним по телефону, я чувствовал, как от него исходят волны ненависти. Это было похоже на удушливые волны жуткого смрада.

Мой шеф псих.

Такой же, как я.

Такой же, как Вик.

Разница только в том, что агрессия Вик была направлена на нее саму. Агрессия Ямады - на окружающих. А я был совершенно безобидным психом. Если не считать физических упражнений с фонариком.

- Но сначала я доберусь до тебя, - не унимался в трубке Ямада. - Сначала я доберусь до тебя, слышишь, червяк?

Я подумал, что ему придется постараться. Вряд ли я приду завтра на работу. Было бы глупо появляться там, где меня почти наверняка будет ждать полиция. И Ямада.

- Что ты молчишь? Испугался, червяк? Ты слышишь меня?

Мне вдруг вспомнился парень, выбивающий футон. Интересно, чем он теперь занимается?

Выращивает репу, - пришел откуда-то из глубин подсознания ответ. Конечно, репу. Что же еще?

- Да, я слышу вас, Ямада-сан.

- Скажи, ведь ты был там?

- Не понимаю, о чем вы...

- Все ты понимаешь. Ты был в той больнице. Ведь был, да?..

- Прошу прощения, - обратился ко мне водитель, - Куда теперь? Направо или прямо?

Я посмотрел по сторонам, не обращая внимания на голос в трубке.

- Кажется, прямо.

- Кажется?

- Поезжайте прямо. Извините, Ямада-сан, я прослушал. Что вы говорите?

Ямада, похоже, задохнулся от ярости. Во всяком случае, возникшую паузу я истолковал именно так.

- Ты ведь был там, - прошипел он.

- Где?

- В больнице! Ты был там, я знаю.

- Послушайте... - Я старался говорить спокойно, хотя меня всего трясло от отвращения и страха, будто я проглотил ядовитого паука. - Что вы от меня хотите? Чего добиваетесь? Я не был ни в какой клинике. Понимаете? Не был. К чему весь этот разговор? Если вы хотите меня уволить - увольняйте. Но зачем вы снова и снова говорите мне про эту чертову больницу? Вам-то какая разница, был я там или нет?

- Какая мне разница, я решу сам, червяк. Ты должен мне ответить. Слышишь? И ты мне ответишь. Иначе твоя сучка не отделается отрезанным пальцем.

- Зачем? - я почти кричал. - Зачем вам это знать?

- Ты ответишь или нет?!

Я нажал клавишу сброса. Через несколько мгновений NEC опять завибрировал. Я отключил его. Меня била дрожь. Он даже по телефону имел надо мной какую-то власть. Ведь я едва не выложил ему все. Еще немного, и я бы в подробностях рассказал об ограблении клиники. О том, как я избивал человека... бил его по затылку тяжелым фонарем, пока он не ткнулся лицом в пол.

Перед глазами всплыла заботливо загнанная в самые дальние уголки памяти картинка: окровавленный Mag-Lite с налипшими волосами. На секунду мне показалось, что мои руки в крови... Неосознанно я несколько раз провел ладонями по брюкам.

Сукин сын! Что же ему от меня нужно?

- А теперь куда?

Я не сразу сообразил, что водитель обращается ко мне.

- Куда? - переспросил я.

Действительно, куда? Да, мне нужно было спешить к Вик. Она ждала меня. Кто знает, что сейчас у нее на уме... Она сказала: «сегодня или завтра». Мне нужно спешить к ней.

Но вместо этого я неожиданно для самого себя скомандовал:

- Прямо. Сейчас прямо.

- Вы уверены?

- Нет, черт возьми, - пробормотал я, - нет, я вовсе в этом не уверен.

- Эй, что вы говорите? Я не слышу.

- Прямо. Езжайте прямо. Мне нужно заехать в одно место. Это недалеко.

Водитель пожал плечами. Ему было все равно, куда ехать. И я ему отчаянно позавидовал. Еще совсем недавно я мог так же беспечно пожимать плечами. Теперь от каждого слова зависят моя жизнь и свобода. И жизнь странной девушки по имени Вик.

Где живет Ямада, мне сказала еще год назад секретарша нашей секции, с которой я время от времени спал, когда ее муж уезжал в командировки. Сказала, разумеется, просто так. Сам я ни о чем ее не спрашивал. Тогда Ямада был просто моим шефом. Не самым лучшим, конечно. Станным парнем, пытавшимся затащить девчонку в свою машину. Но поводов интересоваться его домом он мне не давал. Как-то я подвозил секретаршу после работы, и она, ткнув наманикюренным пальчиком в боковое стекло, сказала: «А вот дом господина Ямады». Ей просто нравилось показывать, что она обладает исключительной информацией.

Это было год назад. Изменилось за это время много чего. Секретарша от кого-то забеременела и уволилась, я перестал заводить романы на работе, господин Ямада свихнулся... Но я надеялся, что он не переехал в другой район в связи с этим событием. Это было бы очень некстати.

Если бы сейчас появилась обезьяна и спросила меня, какого черта я делаю, я не знал бы, что ответить. Но у меня было предчувствие, что сразу ехать к Вик бессмысленно. Я забрел слишком далеко в ее лабиринт. Вряд ли у меня получится вот так, сразу, вернуться к началу пути. Для начала нужно завернуть в пару закоулков. Например, к господину Ямаде. Чертову психу Ямаде. К моему чокнутому шефу. И задать ему несколько простых вопросов. Настолько простых, что дошкольник легко записал бы их на бумаге.

Итак, мы начинаем наше шоу «Засади шефа за решетку»! Вы готовы играть?

Да, конечно.

Почему вы так хотите отправить своего босса за решетку? Он вас как-то обидел?

Он свихнулся. И называл меня червяком. А кроме того, у этого сукина сына глаза мучителя кошек!

Причин более чем достаточно... Но есть ли у вас доказательства его вины?

Это я и хочу выяснить на вашем шоу.

Отлично. Тогда приступим! Вы готовы?

- Куда дальше?

Вопрос водителя выдернул меня в реальность.

- Теперь направо. И поезжайте медленнее.

- Уж как смогу, - недовольно ответил он.

Я внимательно смотрел на проплывающие за окном улицы. В этом районе я бывал несколько раз и почти не сомневался, что найду нужный дом. Но особенно расслабляться не следовало. Стоит посмотреть его, и придется делать приличный крюк, чтобы вернуться. А времени у меня было очень мало. Я почти физически ощущал, как оно уходит от меня. Интересно, а что остается, когда время уходит совсем?.. И еще интересно, куда именно оно уходит? В прошлое? В никуда? В никуда...

Черт! Вик... Она же ждет меня.

Я выхватил телефон. Но, поднеся палец к кнопкам, сообразил, что звонить, собственно, некуда. Оставалось только надеяться, что она позвонит сама. И позвонит тогда, когда я смогу с ней разговаривать... Пришлось включить телефон снова. И надеяться, что Ямада не будет больше меня беспокоить.

Мелькнула знакомая ограда. Высокая. Куда выше, чем у соседних домов. Он или нет? Он или нет?.. Дождавшись, когда мы проедем еще несколько домов, я сказал:

- Остановите здесь.

Расплатившись, я вышел из машины. За шиворот упало несколько прохладных капель. Хороших, полновесных капель. Все же что-то странное творится с погодой этим летом. Впрочем, не только с погодой.

Я прошел вдоль забора, не особенно таясь. Улица была пуста. Отличный квартал. Светло, тихо, чисто. Ямаде повезло. Сомнений больше не было - это его дом. Интересно, откуда у него деньги на такой особнячок да еще в таком районе? Зарплаты начальника отдела даже в хорошем рекламном агентстве для покупки такого жилья явно маловато. Еще один вопрос для шоу...

Ворота, естественно, были закрыты. Я внимательно осмотрелся. Никакой лазейки. Еще бы! Людям, живущим здесь, есть что охранять. Даже психу Ямаде.

Я стоял перед воротами, стараясь держаться в их тени. Конечно, если кому-то придет в голову прогуляться по такой погоде, он меня сразу заметит. Но из окон увидят вряд ли. Тем не менее, торчать здесь долго было нельзя. С каждой секундой возрастала вероятность нежелательной встречи. И с каждой секундой возрастала вероятность звонка от Вик.

Словно в ответ на мои мысли запищал мой NEC. Чертыхаясь вполголоса, я вырвал телефон из кармана и судорожно нажал на сброс. Сердце едва не сделало трещину в ребрах.

Номер не высветился. Наверное, Вик. Скорее всего... Кто еще будет названивать мне среди ночи? Я быстро отключил звук. Вовремя. Через секунду экран телефона замигал.

- Да, - шепотом сказал я.

- Где шляешься? - Конечно же, это была она.

- Извини, мне придется задержаться.

- Надолго?

- Надеюсь, что нет. Слушай, у меня к тебе одна просьба.

- Иди в задницу.

Она была обижена. Я ее понимал. Но объяснять что-либо не было времени.

- Пожалуйста, Вик...

- Я тебе сказала - иди в задницу со своими просьбами.

- Вик, выслушай меня... Мне очень нужна твоя помощь. Ты не представляешь, как нужна...
- С чего ты взял, что мне не наплевать на это?
- Вик... Это касается и тебя тоже.
- Что, не знаешь, чем кормить свою обезьяну?
- Не смешно, Вик...
- Я не собираюсь тебя веселить, придурок. Ладно, что у тебя?
- Я сейчас около дома Ямады...
- Того мерзкого парня?
- Да, того самого мерзкого парня. Я хочу задать ему несколько вопросов. Мне кажется... Есть вероятность, что он каким-то образом замешан в том убийстве... Ну, в клинике...
- С чего бы это?

Слишком долгим получался разговор. Я торчал на этой улице уже пять минут.

- У меня нет времени все объяснять, Вик, - чуть громче сказал я. - Просто выслушай и сделай так, как я скажу, хорошо?
- Ну? - Она был явно недовольна. Удивительно...
- Ты можешь время от времени звонить мне? Скажем, каждые два часа. Если я два раза подряд не отвечу, позвони в полицию. Пусть едут сюда.

Я как мог объяснил, где находится дом Ямады.

- Запомнила?
- Вроде да...
- Вик, черт тебя дери! Если все так, как я думаю, у меня могут быть большие неприятности. Очень большие... Этот чокнутый маньяк вполне может оказаться тем самым парнем, который уродует трупы. Ты понимаешь?
- С чего ты...
- Вик!
- Все, все... Я запомнила.
- Ты сделаешь?
- Сделаю... Все равно не спится.
- Спасибо, - выдохнул я.
- Пошел ты!

Она бросила трубку.

Я привалился спиной к воротам. Они тихонько скрипнули.

Так, это улажено. Правда, полной безопасности я себе не обеспечил, но хоть что-то... В случае чего, будет не так обидно умирать.

По спине пробежал холодок. Я вдруг осознал, где нахожусь и что собираюсь делать.

Действительно придурок. Вик тысячу раз права. Мелькнула трусливая мыслишка бросить все и уйти. Поехать к Вик...

Но это не решит мои проблемы. Скорее, наоборот. Сейчас у меня есть хоть один союзник. Не самый хороший, конечно, но все же союзник. Завтра его может уже не быть. Я останусь один в этом дерьме.

Нет, сейчас у меня есть единственный шанс. И упускать его нельзя. Я снова выругался. Как бы ты не осознавал необходимость совершения харакири, легче тебе не будет, когда кишки вывалятся на татами.

Время, время...

Я еще раз прошел вдоль забора, пытаюсь найти способ перебраться через него. Не позвонить ли Ямаде? «Ямада-сан, я рядом с вашим домом. Хочу узнать, не вы ли зарезали тех ребят в клинике. Откройте, пожалуйста, ворота. У вас чертовски высокий забор». Я нервно хихикнул.

Никаких лазеек не было. Отличный забор. Гладкий, как голова буддийского монаха. Я понял, что придется рисковать. Если разбежаться, можно подпрыгнуть и ухватиться за верхний край ограды. Потом дело техники. В школе такие трюки я делал лучше всех в классе. Правда, заборы были пониже. И не было необходимости оставаться незамеченным... Но другого выхода я не видел.

Я застегнул пиджак, удобнее пристроил бутылку виски в кармане, проверил, не вывалится ли телефон, и отошел на несколько шагов от забора на освещенную часть улицы. Вокруг никого не было видно. Потом коротко разбежался, подпрыгнул, воткнув одну ногу в стену и хватаясь руками за край забора... И чуть не свалился. Верх ограды был утыкан битым стеклом. Маньяк! Такие штуки нормальные люди делали полвека назад.

Стиснув зубы и шипя, как разъяренный страдающий от ожирения кот, я подтянулся на руках, лег грудью на осколки, потом поставил на них сначала одно колено, затем второе. И замер, прислушиваясь. Наверное, я был похож на мутировавшую летучую мышь. Что-то вроде Бэтмена. Только очень неуклюжего.

Сигнализация, если она и имелась, либо не сработала, либо запищала в самом доме. Я изо всех сил надеялся, что этого не произошло.

Убедившись, что никто не бежит ко мне с криками: «Вон он!», – я спрыгнул вниз. В подвернутую ногу будто вбили огромный гвоздь. Пришлось вцепиться зубами в рукав, чтобы не закричать. Судя по всему, хромать я буду очень долго. Черт с ним, главное, чтобы нога не подвела меня сегодня.

Дождавшись, когда боль немного утихнет, я проверил остальные части многострадального тела. Им тоже досталось. Из левой руки я вытащил два осколка, из правой один, но большой.

Ладони были липкими от крови. Рубашка на груди изодрана в клочья. На коленях глубокие царапины.

Хорошее дело! Меня уже сейчас можно было госпитализировать. А ведь самое сложное еще впереди. Я снова пожалел, что не поехал к Вик.

Вспомнив о ней, я спохватился и проверил, на месте ли телефон. Тот уютно лежал в кармане. Ему не было никакого дела до забот хозяина.

Переведя дух и немного успокоившись, я принялся рассматривать дом. Темные окна. Уже далеко за полночь. Ямада, наверное, видит десятый сон. Хотя мне почему-то казалось, что такие психованные парни вообще не спят, а вынашивают по ночам свои коварные планы...

Горела лишь лампочка над крыльцом. Дом Ямады был построен на европейский манер. Два этажа, балкон, мансарда... Хороший дом. Я не силен в архитектуре, но, по-моему, это было что-то в стиле неоклассицизма. Да, судя по всему, ничего подобного у меня уже не будет.

Эх, Вик, Вик...

Прячась за деревьями, я приблизился к дому. Нога болела нестерпимо, и я старался не ступать на нее. Если Ямада не захочет вести переговоры, а попытается применить силу, мне придется туго.

Теперь нужно было решить, что делать дальше. Вопрос, прямо скажем, непростой. Лезть в окно? Взламывать дверь? Нет. Конечно же нет... В конце концов, я хочу просто поговорить с ним. Так что, наверное, самое лучшее – войти, как входят все нормальные люди. То есть позвонить в дверь и дождаться, пока хозяин откроет. Разумеется, было бы очень здорово использовать эффект неожиданности на все сто. Прокрасться, как ниндзя из комиксов, через какое-нибудь слуховое окно в дом, пройти по потолочным балкам и мягко тряхнуть спящего Ямаду за плечо. «Ку-ку, пора ответить на пару вопросов, босс»... Это было бы очень эффектно. А главное – эффективно. Но я не ниндзя. Я всего лишь парень, сочиняющий рекламные тексты.

Поэтому остается постучать в дверь. И надеяться, что Ямада не станет звонить в полицию, едва поймет, кто к нему пожаловал.

Чем яснее я понимал, что это единственный способ попасть в дом, тем меньше мне хотелось это делать. Глупейшее положение... Хорош я буду, если Ямада вообще не имеет никакого отношения к убийству в клинике. Что, кстати, вполне возможно. То, что он так жаждет вывести меня на чистую воду, вовсе не свидетельствует о *его* вине. Кто-то выбивает по ночам фuton, кто-то хочет покончить с собой, кто-то разговаривает с обезьяной, а кто-то выводит на чистую воду подчиненных. Выводит, не считаясь ни с чем...

И все-таки, ведь не просто так я оказался здесь, в саду Ямады. Что-то заставило меня прийти сюда. И наверняка не простое любопытство. Тот тон, которым он говорил со мной по телефону... Это был не тон поборника нравственности.

Я посмотрел на часы. Прошло уже пятнадцать минут сидения в кустах. Пора было что-то делать. Иначе у меня будет прекрасная возможность проводить шефа на работу.

Ступая как можно тише, я подошел к крыльцу. Внизу живота резко заныло. Во рту было сухо и противно, как при хорошем похмелье. Колени мелко дрожали, ноги так и норовили подогнуться.

Крутой сукин сын...

Скажи сейчас кто-нибудь мне в ухо: «бу!», – и я обделаюсь.

Крутой сукин сын.

Мне стало жаль, что рядом нет Вик с фонариком в хрупких руках. С ней было бы куда проще... Я вытащил из кармана бутылку виски, которая чудом не разбилась, и ухватил ее так, чтобы можно было использовать в качестве дубинки. Какое-никакое, но оружие. В фильмах хорошие парни управляются им довольно ловко.

Тянуть дальше было бессмысленно. Я чувствовал, что если промедлю еще несколько секунд, никакого разговора не получится. Я просто-напросто сбегу. А утром придумаю себе кучу оправданий. К сожалению, оправдания – это не та штука, которая не может сделать твою жизнь лучше.

Спрятав бутылку за спину, я поднялся по ступенькам к двери. Рядом с ней висел медный молоточек. Ничего себе! Ямада, оказывается, еще тот эстет. Ну-ну...

Я взял изящный молоточек и несколько раз стукнул в дверь.

Сердце колотилось где-то между пятками и стельками. Рука, державшая бутылку за горлышко, вспотела. Пот смешался с кровью и превратился в прекрасный смазочный материал. Бутылка так и норовила выскользнуть. Я взял ее подмышку и тщательно вытер ладонь о брюки.

В доме было тихо. Никто не торопился гостеприимно распахивать передо мной дверь. Выждав пару минут, я постучал еще раз. На этот раз громче. Соседей можно было не бояться. Вряд ли они что-нибудь увидят, даже если захотят. Все-таки высокие заборы – это не только минус.

С улицы донесся шум проезжающей машины. Не одному мне не спится...

Я постучал снова. Никаких признаков жизни. У меня возникло чувство, которое обычно появляется, когда, сидя в приемной дантиста, вдруг узнаешь, что тот заболел и сегодня приема не будет. Досада, но в то же время где-то и облегчение. Сердце переместилось повыше.

Похоже, что дома никого нет. Все мои усилия и страхи были напрасны. Ямада где-то развлекается. Может быть, уродует очередной труп. Я еще несколько раз ударил молоточком по медной нашлапке на двери. Сделал это, скорее, для очистки совести... Разумеется, ничего не изменилось. Тишину нарушал только шорох дождя.

Я уже с тоской начал подумывать о том, что опять придется лезть через этот чертов забор. Веселое дело... Руки будут заживать не один день. Да и после всех этих попыток достучаться до Ямады меня запросто может увидеть какой-нибудь мучимый бессонницей бедняга. Наверняка, стук можно было услышать в соседних домах. Я так и представил себе полуночника в пижаме, изнывающего от любопытства около окна.

Я машинально дернул дверь на себя. Почему-то человеку всегда нужно убедиться в том, что дверь закрыта, если на его стук никто не отвечает. Абсолютно механический жест. Голова занята предстоящим прыжком через забор, а ладонь сама ложится на матовую ручку двери.

Дверь открылась без всякого скрипа. Меня прошиб пот. Вот так-то. Оказывается, все это время она была открыта.

Я растерянно замер.

Как это можно объяснить? Или Ямада забыл запереть дверь, когда ложился спать, или кто-то взломал замок снаружи. Второй вариант мне не нравился абсолютно. Кому могло понадобиться пробираться таким образом в дом Ямады? Грабителям?.. Полиции? Поди, угадай.

Я огляделся. Никаких подозрительных следов... Хотя как понять, что является подозрительными следами, что неподозрительными, а что – следами вообще? Вряд ли здесь будет валяться окровавленный топор. Или черная маска...

Самым благоразумным было бы убраться отсюда. С другой стороны, может быть, это мой единственный шанс разрешить чертову уйму загадок.

Мнения внутри меня опять разделились.

И снова после непродолжительной борьбы победу одержала та часть мозга, которая отвергала благоразумие в принципе.

Сжав покрепче горлышко бутылки, я осторожно шагнул в темноту прихожей и прикрыл за собой дверь. Меня окутала непроглядная темнота...

...Которая через мгновение взорвалась ослепительной вспышкой.

Последней мыслью было, что на меня, наверное, упала крыша дома.

Глава 19

Очнулся я на чем-то мягком, слегка покачивающемся, вкусно пахнущем кожей.

В детективах герой, приходя в себя после того, как его оглушили, прикидывается, что по-прежнему находится без сознания, следя хитро приоткрытым глазом за злодеем. И лишь когда полностью оценит ситуацию и заметит лежащий неподалеку пистолет, начинает глухо стонать...

В жизни проделать это не так-то просто. Организм не дожидается, пока сознание вернется. Он начинает реагировать, едва оживает мозжечок. Поэтому я сначала застонал, а потом начал соображать. Вернее, попытался начать соображать.

Новый удар отправил меня в черноту гораздо раньше, чем я что-то понял.

Второй раз я пришел в себя уже не так быстро. И в гораздо худших условиях.

Я лежал на холодном полу. Руки были скованы за спиной наручниками. Голова гудела так, будто там наяривал оркестр сил самообороны. Я попробовал пошевелиться и едва справился с приступом тошноты.

Рядом слышались чьи-то шаги.

- Ну что, пришел в себя?

Барабанщик оркестра выдал бодрое соло.

Не балуя своего мучителя разнообразием, я застонал.

- Хватит прикидываться.

Я застонал громче.

Тут же боль обожгла правый бок. Кто-то ловко пнул меня по печени. Несильно. Но я на секунду задохнулся, а потом желудок свело судорогой и меня вырвало. Обжигающе горький вкус желчи, как ни странно, заставил немного рассеяться туман в голове. Я приоткрыл глаза, все еще ничего соображая.

Темно. Только скачущее пятно света на полу, расплывающееся перед глазами.

- Вставай.

Какое там! Я не мог даже повернуть голову. Все, на что было способно тело, - вяло покорчиться на полу и снова обессилено замереть. Мозг в этом действии никакого участия не принимал.

Вот каково пришлось прыщавому Фумио... Теперь у меня была прекрасная возможность испытать все на собственной шкуре. Не могу сказать, что я был в восторге.

Я почувствовал, как на лицо полилась какая-то жидкость. Знакомый запах... Жидкость попала в глаза, и острая боль заставила меня вскрикнуть. Жгло так, будто кто-то ковырял в глазницах раскаленным прутом. Разбитые губы тоже горели как в огне...

Теперь я пришел в себя окончательно. Жидкость на лице... Виски. Скорее всего, из моей бутылки. Из той самой бутылки, которой я храбро собирался оглушить врага. Ага.

Кто-то взял меня подмышки, протащил пару шагов волоком и кое-как усадил в кресло. Все это сопровождалось кряхтением и ругательствами. Я уже достаточно пришел в себя, чтобы узнать голос своего мучителя. Настроение от этого не улучшилось. Наоборот. Крошечная надежда на то, что все еще может закончиться хорошо, рассеялась бесследно. Вместо нее пришла абсолютная уверенность, что я попал в переplet, из которого мне не выбраться.

- Ну, что, пришел в себя, червяк?

В глаза ударил луч света.

- Убери фонарь, - пробулькала я.

- Ты плохо выглядишь, червяк.

В голосе Ямады слышалось глубочайшее удовлетворение.

Луч света сместился немного в сторону.

Он был в костюме-тройке. Белая рубашка. Серый, в тонкую белую полоску галстук. Все как обычно. Будто пришел в офис. Лишь один аксессуар нарушал привычную картину. Черные кожаные перчатки на руках.

Я огляделся. Увидеть удалось немного, свет фонаря освещал небольшой пяточок пространства. Но увиденное заставило меня вздрогнуть и задохнуться в очередном приступе рвоты. Тонкая горькая ниточка слюны сползла по подбородку на окровавленную рубашку.

Это было похоже на очень плохой триллер. На совершенно никудышный триллер... Автор сценария не озаботился подарить своим героям хоть какое-то подобие здравого смысла. Их поступки нелогичны, их идеи скучны и наивны. Автора, видимо, интересовало только одно – он хотел заставить зрителя или читателя визжать от ужаса. Все повороты сюжета предсказуемы, декорации не балуют разнообразием, действия героев – глупы. Особенно просты главный герой и его антагонист – главный злодей.

Хороший парень лезет в дом плохого парня, и в итоге оказывается...

... В той самой клинике, где уже бывал неоднократно.

Если бы я смотрел такой фильм в кинотеатре, на этом месте я бы встал и ушел. Мне стало бы невыносимо скучно. Никакой изобретательности и непредсказуемости. Я бы ушел, жалея о потраченных иенах.

Но, к сожалению, я был внутри этого бездарного фильма. И уйти из него раньше, чем погаснет луч проектора, не было никакой возможности.

- Что, червяк, нравится местечко?

Ямада был доволен. Даже больше – наступил его звездный час.

Итак, первый вопрос нашего шоу. Вопрос на десять тысяч иен: с чего бы это вашему шефу оглушать вас и везти в клинику?

Догадываетесь? Раз, два, три...

Ваш ответ?

Он полоумный маньяк. Он просто чертов придурок! Психопат!

С этим, конечно, трудно спорить... Но все же я бы хотел услышать более толковый ответ. Подумайте, пожалуйста. И поменьше эмоций. Итак, раз, два, три...

Он решил поставить точку в своей игре. И хочет сделать это именно здесь, потому что как-то связан с этой клиникой.

Формально вы правы. Ответ засчитан, хотя толковым его назвать трудно. Вы намерены продолжать игру?

Конечно.

- Я знал, что ты явишься ко мне, червяк... Знал.

- Чего ты хочешь?

Настоящего страха я пока еще не чувствовал. Поэтому, задавая вопрос, опустил вежливое «Ямада-сан». Пусть он катится ко всем чертям...

- Поговорить, – ответил Ямада. – Просто поговорить с тобой.

- Почему мы не могли поговорить у тебя дома? И зачем нужно было меня связывать?

- У меня дома? Думаю, что там мне вряд ли удалось бы добиться от тебя откровенности. А я

очень хочу, чтобы ты был откровенен со мной.

Ямада присел на краешек стола, аккуратно подтянув брюки. Острые складки на них напомнили лезвия ножей.

Стол стоял справа, почти у меня за спиной, и мне пришлось вывернуть шею, чтобы не потерять шефа из поля зрения. Упускать его из вида мне не хотелось. Особенно меня волновали его руки, обтянутые перчатками. Эти чертовы перчатки заставляли меня нервничать.

- Так что ты наговорил полицейским? Как они отпустили тебя?

- У них не было причин задерживать меня.

- А-а-а... - вяло протянул Ямада.

Потом встал, неторопливо подошел ко мне и резко ударил по лицу. В голове взорвалась петарда.

Когда звон в ушах немного поутих, я проверил языком, все ли зубы на месте. Зубы не пострадали, а вот нижняя губа лопнула, как перезрелая слива.

- Давай договоримся, - сказал Ямада. - За каждую попытку свалить дурака я буду начислять тебе штрафные очки. Три штрафных - я отрезаю тебе ухо. Еще три штрафных - приступаю к пальцам. Девять штрафных - аккуратно выкалываю тебе глаз... Ну и так далее. Пойми, я не полицейский. Мне некогда заниматься всякой ерундой вроде написания протоколов и собирания окурков. Завтра рабочий день, и я хотел бы хоть чуть-чуть поспать, прежде чем идти на работу. Ну, договорились?

Я кивнул. По спине побежала струйка пота.

- Тогда я повторяю вопрос. Почему они отпустили тебя?

- Они не отпускали... Я сам сбежал.

- Одно штрафное очко.

- Я действительно сбежал! Они не собирались отпускать меня.

- Допустим... У них много улик против тебя?

- У них не может быть против меня никаких улик! Я никого не убивал!

- Два очка, - бесстрастно сказал Ямада.

- Я никого не убивал!

Ямада расстегнул пиджак. Под ним было надето что-то вроде наплечной кобуры, которую я видел у покемонов. Только вместо пистолета у Ямады был длинный нож. В чехле, прижавшемся к боку.

«Очень удобная штука», - отстраненно подумал я.

Ямада неуловимым движением выхватил нож. Я даже толком не разглядел, как он это сделал. Легкий шелест, когда сталь скользнула по коже чехла, и готово! Нож, такой же, которым

разделяют рыбу, только без отверстий в лезвии, в руке у фокусника-Ямады.

Он остался доволен произведенным эффектом.

- Видишь эту штуку?

Идиотский вопрос, но, тем не менее, я кивнул.

- Ты представляешь, что она может сделать с твоим телом?

Снова кивок. На этот раз я почувствовал легкое посасывание под ложечкой.

- Тебе ведь это не понравится, так?

Я помотал головой. Еще как не понравится... Хотя пугал меня не столько нож, сколько глаза этого психа. Я увидел в них десятки кошек с выколотыми глазами, сотни бабочек с оторванными крыльями, жестоко изнасилованных девочек в школьной форме и еще кучу всяких мерзостей.

- Тогда прекрати играть со мной, червяк.

Следующий вопрос нашего шоу: для чего вашему шефу перчатки и этот остро отточенный нож? Раз, два, три... Ваш ответ?

Он собирается убить меня...

Отлично! Поздравляю, вы справились. Удивительная проницательность. Давайте поаплодируем нашему игроку! Надеюсь, вы хотите продолжать игру?

Разумеется.

- Давай попробуем еще раз, червяк. Много у них улик против тебя?

- Они думают, что много... Но я никого не убивал, - визгливо сказал я, не сводя глаз с поблескивающего лезвия. - Да, я был в этой дерьмовой клинике... И оглушил тех парней... Но я не убивал их! Это сделал кто-то другой.

- Да?

- Да!

- И кто же?

- Не знаю... - ответил я. Хотя это было неправдой. Теперь я точно знал, кто зарезал тех парней...

Мы переходим к следующему вопросу. Вопросу на миллион иен: почему он хочет убить вас? Раз, два, три... Ваш ответ?

Это совсем просто... Потому что он зарезал тех людей в клинике!

Бинго! Вы в одном шаге от суперприза. Хотите попытать счастья?

Конечно.

Но это будет очень трудный вопрос... Вы готовы? Тогда поехали! Зачем ему было убивать тех людей, и зачем ему убивать вас?

Он псих.

Это не ответ. Даже если он совсем психованный псих, наверняка у него были причины так поступить.

Я хочу взять время на размышление.

Хорошо. Думайте... И оставайтесь с нами!

- Неужели даже не догадываешься, кто бы это мог быть? - удивленно поднял брови Ямада.

- Нет.

- Ай-ай-ай.

Ямада прошелся по комнате, поигрывая ножом. Ничего зловещего в этом не было. Ни капли. Сделай какой-нибудь нехороший парень такое в кино, он мигом превратился бы в картонного героя. Типа мистера Зло... Ямада же смотрелся очень естественно и непринужденно, вышагивая по комнате и жонглируя ножом. Так же естественно Вик проводила рукой по волосам...

Вик... Почему она не звонит? Неужели два часа еще не прошли? Или телефон где-то потерялся? Его вполне мог вытащить из моего кармана Ямада. Скорее всего, он меня обыскал, пока я был без сознания. Так что телефон может быть и у него. Очень возможно. Очень...

Только сейчас я осознал, насколько плохи мои дела.

- Значит, не знаешь, кто убийца?

Я покачал головой.

- А ведь это третье штрафное очко, - улыбнулся Ямада.

- Нет!

- Да, да... Третье очко. Мне жаль, червяк.

С этими словами он подошел и схватил меня за волосы. Я попытался вырваться, но ничего не получилось. Раздался звук, словно кто-то разорвал тонкий шелковый платок над самым ухом. Звук этот шел будто из головы, как бывает, когда слушаешь музыку в наушниках. Она просто звучит в голове...

Через несколько секунд пришла боль. Резкая, точно к уху поднесли горящую спичку.

- Сволочь! - завопил я.

- Мы договаривались, - флегматично сказал Ямада.

- Чертов псих!

- Кто еще из нас псих...

Я задыхаюсь от боли.

Я задыхаюсь от страха.

Я задыхаюсь от ярости.

- Дерьмовый маньяк!

- Кто еще из нас маньяк...

Я впиваюсь зубами в разбитую губу.

Я бьюсь затылком о подголовник кресла...

...И как сквозь сон слышу пиликание своего телефона.

- Ого! - Ямада сунул руку в карман. - Смотри-ка, кто-то звонит тебе. Хочешь, я угадаю, кто?

Он вытащил телефон и посмотрел на дисплей.

- Гм... Я так думаю, что это твоя сучка. Ну, мне ответить? Или ты сам хочешь с ней поговорить?

- Да, - скрипя зубами, ответил я.

- И все будет как в кино, да? Ты крикнешь ей: «Эй! Я в той больнице! И он отрезает мне уши! Звони в полицию!»... Ну, что-то в этом роде... А через несколько минут мы услышим вой сирен. И я начну нервничать. Угадал?

Телефон не унимался.

- Но ведь возможен и другой вариант. Ты говоришь, что с тобой все в порядке. И мы спокойно продолжаем разговор. Как тебе такой план? Я тоже смотрел детективы. Маньяки всегда так делают... Приставляют к горлу придурка нож и заставляют его говорить в трубку, что причин для волнения нет. Хочешь сыграть в такую игру?

Я промолчал. Честно говоря, ни о чем, кроме отрезанного уха, в этот момент я думать не мог. Пытался. Изо всех сил пытался, понимая, что от правильного ответа зависит моя жизнь. Но ничего, кроме истерического «этот сукин сын отрезал мне ухо», в голову не приходило. Вик, полиция - все это было бесконечно далеко. В другом фильме, идущем в соседнем кинотеатре. А здесь было отрезанное ухо и тихий вкрадчивый голос Ямады. Я различал только голос. И еще исходящую от маньяка угрозу. Понять, что именно он говорит, было выше моих сил.

Где-то я читал, что в пытках самое страшное для человека не боль, которую ему причиняют. А осознание того, что кто-то калечит его тело. Чем сильнее увечье, чем ярче у пытаемого осознание того, что восстановить здоровье будет уже невозможно, тем эффективнее пытка. Иными словами, если у тебя есть уверенность, что останешься цел, боль терпеть гораздо легче. И наоборот. Отрезанное ухо производит намного более сильное впечатление, чем избиение резиновой дубинкой. Хотя во втором случае объективно боль сильнее.

Сейчас у меня появилась возможность проверить эти выкладки на собственной шкуре. Должен сказать, что тот, кто написал о пытках, понимал толк в этом деле.

Если вдруг, в один миг, лишаешься какой-то части тела, это здорово деморализует.

И мне было почти все равно, как поступит Ямада. Ответит он на звонок Вик или даст мне поговорить с ней – какая, к чертям, разница? Этот сукин сын отрезал мне ухо – вот что важно!

Ямада, наверное, понял, что от меня толку не будет. Поэтому нажал на кнопку сам.

– Нет, – сказал он в трубку. – Нет, это не Котаро... Совершенно верно, это я... Да-да, мы мило беседуем... О, он жив, не волнуйтесь. Правда, не совсем цел, но это суший пустяк... Полиция вряд ли чем-то сможет помочь... Что?! Ах, ты... До тебя я тоже доберусь, сучка! И отрежу твой поганый...

Ямада медленно отнял трубку от уха, постоял, шевеля губами, а потом, широко размахнувшись, швырнул мой NEC в угол. Судя по звуку, телефон разлетелся вдребезги.

На мгновение я забыл о своем ухе. У Ямады было лицо человека, только что заметившего, что он целый день проходил с выглядывающими из ширинки трусами. Кажется, я даже ухмыльнулся... У этого парня не было опыта общения с Вик. Интересно, что она ему сказала? Наверное, что-то особенное.

Огорчение Ямада выместил на мне. От удара у меня потемнело в глазах.

Кажется, я погорячился, когда подумал, что отрезанное ухо страшнее побоев.

– Ну что, червяк, вернемся к нашему разговору? – сказал Ямада, снова принимаясь жонглировать ножом.

Теперь это получалось у него как-то нервно и потому не очень изящно.

– Что она тебе сказала? – спросил я.

Говорить, когда у тебя разбиты губы, не очень удобно. Впечатление такое, что на них налипли куски соевого творога. Рот толком не открывается. Нормальная артикуляция невозможна. Из-за этого звуки получаются глухими.

– Не твое дело! – В голосе Ямада прорезались визгливые нотки.

– Ты чем-то расстроен?

– Закрой свою пасть!

– Что же она тебе сказала? Мне просто интересно...

Новый удар. На этот раз в солнечное сплетение. Пару минут я с успехом изображал окуня, вытасченного из воды. Похоже, это станет моим коронным номером.

Когда получаешь сильный удар в область солнечного сплетения или печени, весь воздух выходит из легких в момент удара. Беда в том, что сразу сделать вдох, как того требует мозг, невозможно. Поэтому несколько секунд ты просто бестолково разеваешь рот, рефлекторно пытаешься втянуть хоть немного воздуха. Но вдох не получается. Рот открывается без всякого толка. Мышцы живота напряжены так, что их вот-вот сведет судорогой. На тебя накатывает страх смерти от удушья. Тебе кажется, что ты уже никогда не сможешь вздохнуть. Иррациональный страх – самый сильный из всех страхов. Ты говоришь себе, что все в порядке, скоро боль пройдет и ты сможешь дышать. Но нутро визжит от ужаса.

– Штрафное очко, червяк. Ты только что заработал штрафное очко. Помнишь, что у нас идет

после ушей?

- Иди в задницу, - прохрипел я.

- Твоей сучке я тоже отрежу палец. И язык. Ее грязный язык.

- Что ты от меня хочешь?

- А на чем мы остановились? - задумчиво сказал Ямада, прохаживаясь по комнате. - Ах, да! Ты хотел мне сказать, кто зарезал тех людей... Прежде чем ты соберешься отвечать на этот вопрос, помни, что за прошлый ответ ты лишился уха. И еще помни, что у тебя уже есть одно штрафное очко. Итак, кто это сделал? Ты или твоя сучка?

- Мы не убивали их! Просто оглушили...

- Какого черта вас вообще занесло сюда? Ты что, наркоман?

- Нет... Нам нужны были лекарства.

- А купить было нельзя? Впрочем, это не мое дело. Итак, вы оглушили их, а потом...

Он остановился напротив и вопросительно посмотрел на меня.

Мне чертовски не хотелось лишиться пальца. Но я не знал, какого ответа он от меня ждет. Я вдруг понял, что происходит что-то очень странное, с точки зрения логики. Когда я увидел его нож, у меня отпали последние сомнения в том, что убийца он. Я не знал, как он связан с этой клиникой и зачем ему понадобилось убивать тех парней. Но в том, что это именно его работа, - я был уверен. Но тогда к чему весь этот спектакль? Почему он так настаивает на том, что убийца я? Почему? Ответив на этот вопрос, я, возможно, смогу спасти свой палец.

Ямада поигрывал ножом и терпеливо ждал. Надолго ли хватит его терпения? Вряд ли... У меня было еще одно штрафное очко в запасе. Придется рисковать.

- Хорошо, - вяло сказал я. - Хорошо, расскажу тебе... Мне уже все равно. Да, это я убил их. Я. Девчонка здесь ни при чем... Мы оглушили их, она взяла лекарства и ушла... А я остался.

Глаза Ямады блеснули. Он чуть подался вперед. Я напрягся, ожидая удара, но ничего не произошло. Он просто стоял и слушал, только нож замелькал чуть быстрее.

- И что было дальше?

Его голос чуть дрогнул, и в нем появились какие-то новые нотки. Раньше я их не слышал... Так убежденный онанист выпрашивает подробности особенно извращенного полового акта у старого педофила.

- Я зарезал их, - тихо сказал я, не сводя с него глаз.

- Как? Как ты это делал?

Он подвинулся ближе ко мне.

Однажды я видел дохлую змею. Змея была крупная. Она лежала поперек лесной тропинки. Лежала, видимо, дня два. Брюхо было распорото. Сизые с красными прожилками внутренности, какие-то белесые нити, синеватые комки - все это влажно поблескивало на

солнце. Поблескивало и непонятным образом шевелилось. Присмотревшись, я понял, что это копошатся черви... Или опарыши, кто его знает... Самое мерзкое было то, что я чуть не наступил на нее. На мне были сандалии, надетые на босую ногу. Я живо представил себе, как нога касается мягкой осклизлой массы, с чавканьем размазывает ее по земле, вонючая жидкость просачивается между пальцами ног... Тогда меня чуть не вырвало.

Сейчас, видя лицо Ямады, его приоткрытый рот, нервно двигающийся вверх-вниз кадык, мутные, словно закрытые дополнительным веком, как у земноводных, глаза, я испытал то же самое чувство. Смесь страха и отвращения.

- Как ты это сделал?

Сделав над собой усилие, я все же ответил:

- Ножом. Таким же, как у тебя...

- Да, - прошептал Ямада, - нож - это самое лучшее... Нож для сасими. Он входит в тело легко и свободно, да? Ты почти не чувствуешь сопротивления кожи и мышц.

Я борюсь с тошнотой.

Я сглатываю жидкую, как вода, слюну, но она тут же снова заполняет рот.

Я пытаюсь расслабить мышцы живота, но их сводит судорогой.

Чертов псих! Чертов псих! Чертовпсихчертовпсих! Дерьмовый извращенец!

- Скажи... - Он приблизил лицо вплотную ко мне. - Что ты чувствовал, когда убивал их? Что? На что это было похоже?

Я уловил слабый запах *TimeforPeace*. Не слишком подходящий к ситуации аромат. Для *Kenzo* требуется обстановка поспокойнее...

- Ты и сам должен знать, что чувствуешь, когда убиваешь.

- Я хочу услышать это от тебя. Скажи мне... Скажи... - он почти умолял. - Это произошло здесь? В этой комнате?..

Глаза прикрыты, мокрая нижняя губа чуть отвисла, прерывистое учащенное дыхание.

Мне показалось, что он вот-вот кончит. Самым натуральным образом.

Новый приступ тошноты согнул меня пополам.

- Это произошло здесь? Скажи...

- Да, здесь. - Слова пришлось выдавливать, как засохшую васаби из тюбика. Они вылезли зеленоватой густой массой.

- Здесь... - как эхо повторил Ямада.

Я посмотрел на его руки. Он водил указательным пальцем по лезвию, словно гладил обнаженное бедро женщины.

Чертов псих!

- И что же ты чувствовал?

- Ничего, - ответил я.

Я знал, что это неправильный ответ. Но заставить себя дальше играть в эту игру не мог. Хватит с меня. Всему есть предел. Даже страху смерти... Плевать мне на все.

Я будто опять оказался на трассе, в несущемся по встречной полосе «порше». Черт с ним, пускай я умру сегодня. Этот день ничуть не хуже для смерти, чем любой другой.

Усталость делает из нас героев.

Усталость и омерзение.

Я понял, что больше не боюсь Ямаду. Как с той змеей... Сперва я испугался, увидев на тропинке здоровенную гадюку. Но страх исчез, как только я понял, что змея дохлая. И осталось лишь отвращение.

Вот и сейчас мне было противно, противно до рвоты, но уже не страшно.

- Неужели ничего? - он прошептал мне это в искаленное ухо. - Ты лжешь... Ты лжешь мне. Скажи, скажи, что ты чувствовал? Они ведь кричали... Не могли не кричать, когда ты начал разделывать их, как свиные туши. О чем ты думал, слушая их крики? Нет-нет... Крики были только в начале, верно? Потом они начинали визжать...

Он сам не заметил, как слишком сильно нажал на лезвие пальцем. Его рука была в крови... Мне показалось, что палец разрезан до кости. Хотя, возможно, рана была и не такой глубокой. Ямада не чувствовал ничего.

...Ничего, кроме приближающегося оргазма, - подумал я и постарался отодвинуться от него.

- Они ведь визжали, да?

Чертов псих!

- Они визжали и умоляли тебя прекратить это...

Полоумный маньяк!

- Но ты не собирался останавливаться... Ты продолжал медленно резать их...

- Да заткнись ты! - заорал я, срывая голос.

Он отпрянул, будто ему в лицо плеснули кипятком, и непонимающе захлопал глазами.

- Ты маньяк! Ты спятивший ко всем чертям маньяк! Дерьмо! Ублюдок! Извращенец!

Мне было не остановиться. Омерзение, душившее меня, превратилось в животную ярость. Вот так, сразу, словно кто-то повернул у меня в голове выключатель. Щелк! И я сам стал опаснее любого маньяка, вооруженного ножом для сасими. Доктор Джекил ушел. Его место занял мистер Говнюк. И этот Говнюк чувствовал себя очень неплохо, несмотря на скованные за спиной руки.

Наконец Ямада пришел в себя. Взгляд прояснился, нижняя губа перестала мелко трястись. Зато затряслись руки...

- Ах, вот как? - тихо сказал он.

- Да, ты траханый ублюдок! Твое место в психушке!

Ямада прошелся по комнате, глядя под ноги.

- Сейчас ты начнешь здорово раскаиваться в своих словах, червяк. Подумай об этом. Через несколько секунд ты начнешь жалеть, что появился на свет. Но будет уже поздно о чем-то сожалеть и будет поздно раскаиваться... Я хочу, чтобы ты проникся этой мыслью, червяк.

Он стоял в шаге от меня. Прямо напротив. Похлопывая по бедру ножом.

Ну и черт с ним... Я уже знал, что нужно делать. Мой психованный шеф сделал одну большую ошибку. Нельзя так сильно давить на человека. Особенно на человека, который провел пару недель в обществе такой девушки, как Вик. На человека, жизнь которого неожиданно слетела в кювет. На простого тихого парня, который держал в руке окровавленный Mag-Lite, разбивал яйца полицейскому и говорил с обезьяной. На такого Говнюка давить не стоит. Результат может быть обратный ожидаемому.

Я знал, что сделаю с этим прилизанным извращенцем. Но медлил, выжидая момент. Ошибиться было нельзя. Второй попытки у меня не будет. Если я сейчас сваляю дурака, завтра в новостях сообщат об очередном изуродованном трупке. Пойдут разговоры о проклятой больнице. Покемоны жутко огорчатся, поняв, что главный подозреваемый обеспечил себе стопроцентное алиби и их версия лопнула. Вик придется искать другого душеприказчика... Если только я сейчас сваляю дурака...

Впрочем, как ни странно, это меня волновало не очень сильно. Куда сильнее было желание всадить кулак в ухмыляющееся лицо моего психованного босса.

Я напрягся, прочитав по глазам Ямады, что он вот-вот начнет действовать. Видимо, рассудил, что я уже проникся мыслью и полон раскаяния...

Специалисты по самообороне утверждают, что пытаться нанести мужчине удар в пах - не лучший способ вывести противника из строя. Мол, любой, даже самый заторможенный и неуклюжий мужчина почти всегда инстинктивно закроет наиболее уязвимое место.

...У покемона на этот счет вышла промашка.

У Ямады тоже.

В тот момент, когда он сделал шаг ко мне, я резко выпрямил ногу, целясь в пах. Он успел среагировать. Но сделал ошибку. Вместо того чтобы отскочить, он подставил ладонь. Удар это, может быть, и смягчило, но явно недостаточно.

Его глаза повторили тот же трюк, что и глаза покемона. То есть попытались вылезти из орбит, как кенгурята из сумки матери. Им это почти удалось. Глазам, а не кенгурятам...

Болевой шок - штука неприятная. Ямада проиллюстрировал это весьма наглядно. Он замер в нелепой позе - одна рука прижата к промежности, вторая, вооруженная ножом, застыла на уровне груди, будто он защищался от колющего удара, рот открыт в беззвучном крике. Глаза

бессмысленно таращатся куда-то поверх меня...

При сильном ударе в пах первое мгновение боли как таковой не чувствуешь. Но организм уже понимает, что произошло. И застывает в ожидании грядущих неприятностей. А потом приходит сама боль. Она накатывает волнами, поднимаясь все выше и выше. Кажется, что тело сейчас развалится на куски... И с каждым мгновением тяжелая свинцовая боль усиливается, постепенно становясь нестерпимой. В конце концов человек падает на колени, потом заваливается на бок и начинает с воплями кататься по полу. Каким бы закаленным бойцом ты ни был, эту боль превозмочь нельзя. Конечно, при условии, что удар был действительно сильный.

Я ударил очень хорошо. Настолько хорошо, насколько можно ударить, зная, что от этого зависит твоя жизнь.

Не дожидаясь, пока Ямада рухнет, я вскочил и нанес еще один удар. В то же место. Теперь он вряд ли сможет когда-нибудь кончить, слушая рассказы об убийствах.

Он упал на пол. Никаких криков не было. На секунду он, видимо, потерял сознание. А потом молча забился в судорогах. Несмотря на все пережитое, я испытал нечто похожее на сочувствие. Но тут же вспомнил про отрезанное ухо... Как следует прицелившись, я ударил его носком туфли в подбородок. Раздался хруст, и Ямада затих в позе эмбриона.

Чертов псих...

Теперь нужно было освободиться от наручников. Припомнив виденные мной детективы, я скользнул скованными руками вниз по ягодицам, потом ниже и согнулся так, чтобы руки оказались на уровне колен. Это оказалось просто. Сделать шаг назад через наручники оказалось сложнее. Мешали туфли. Пришлось их скинуть. Без них перевести руки вперед было секундным делом.

Я опустился на колени над Ямадой. Ключи от наручников нашлись в кармашке для часов. Ругаясь вполголоса, я кое-как попал ключом в скважину. Повернуть его было сложнее. На это ушла почти минута.

Я ждал, что Ямада вот-вот придет в себя. Кто знает, в каком состоянии он будет? Я вспомнил, как он порезал себе палец и не обратил на это никакого внимания. Может быть, психи лучше справляются с болью? Наконец замок щелкнул. Я потер затекшие запястья. Точь-в-точь, как это делают ребята в фильмах. Теперь я их понимал.

Пора было убираться отсюда. Ко всем чертям.

Я схватил фонарь и кинулся к двери. Но, взявшись за ручку, остановился. В таком виде я вряд ли уйду далеко пешком. И ни один нормальный таксист не возьмет парня, заляпанного кровью с ног до головы, да к тому же с отрезанным ухом... Я бы такого точно не взял, будь таксистом.

Делать этого не хотелось, но выбора у меня не было. Я вернулся к расprostертому на полу Ямаде. Брелок с ключами он носил в кармане брюк. Плохая привычка, подкладка протирается очень быстро. Впрочем, о таких пустяках он не скоро сможет задуматься. Взяв ключи, я нащупал у него на шее артерию. Пульс был. Слабый, но все же... Мне вовсе не хотелось становиться убийцей. Пускай даже я защищал свою жизнь.

Преподаватель, который читал у нас в университете курс психологии, на одной из первых лекций сказал: «Человек должен сделать три вещи в жизни – не убить, не быть убитым и не

сойти с ума». Тогда мне это показалось надуманным и чересчур пафосным... Но постепенно, познавая реальность, в которой приходится жить, я понял, что эту программу выполнить не так-то просто... Надо хорошо постараться.

Взяв фонарь Ямады, я подошел к двери. Мой бывший босс по-прежнему лежал не шевелясь. Перед глазами снова возник Mag-Lite, заляпанный кровью, с налипшими волосами. Интересно, как я буду жить дальше, после всего того, что со мной случилось за последнее время. Я успел сделать не так уж и мало для простого сочинителя слоганов. Но все, что я делал, было саморазрушением... Вопрос в том, появится ли что-нибудь новое на месте разрушенного?

Я бросил последний взгляд на комнату. Трижды я был здесь. Один раз это стоило человеку жизни. Ямаде повезло больше. Но и тогда, и сейчас я открыл дорогу чему-то новому в себе. Хорошему или плохому - в этом мне еще предстоит разобраться. Но потом, потом, когда вся эта история закончится и у меня будет достаточно времени и сил, чтобы задать себе правильные вопросы. Ведь правильный вопрос - это почти готовый ответ.

Не мешкая больше, я выскользнул в темный коридор. Уже закрывая за собой дверь, я увидел... Нет, наверное, мне показалось... Вернее, я заставил себя думать, что это всего лишь игра света и тени. Словом, то темное пятно, которое едва не добралось до меня в прошлый раз... Оно опять было там, на середине комнаты... И, кажется, двигалось в сторону Ямады. Двигалось куда быстрее, чем прошлый раз...

Чувствуя, как волосы шевелятся на затылке, я захлопнул дверь.

Эту больницу я уже знал, как свои пять пальцев. До кабинета, в котором было выбито окно, я мог бы дойти и без фонаря. Уже спускаясь по ржавой пожарной лестнице, я подумал, что Ямада никак не мог проникнуть в клинику этим путем. Я не слишком крупный, но затащить шестьдесят семь килограммов по узкой вертикальной лесенке на второй этаж... Ямада не был похож на чемпиона по тяжелой атлетике. Наверное, у него был ключ от входной двери. Откуда? Боюсь, узнать это будет очень непросто. Во всяком случае, вряд ли я приду к нему с этим вопросом...

Оказавшись на земле, я первым делом огляделся. *Toyota Lexys LX 300* Ямады стояла рядом с черным входом. Поблизости никого не было. Впрочем, другого я и не ожидал. Очень хороший квартал. Если бы Ямаде удалось все-таки разделаться со мной, я пролежал бы здесь чертову уйму времени... Разве что Вик догадалась бы, где меня искать, и сообщила в полицию.

Вик. Что она сделала, после того как поговорила с Ямадой? Если и правда сообщила покемонам, где меня можно найти, дело плохо... Они могут появиться здесь с минуты на минуту. Прекрасная получится встреча. «Ребята, не волнуйтесь. Мы тут немного повздорили с одним парнем. Он лежит наверху, с разбитыми яйцами, позаботьтесь о нем, а мне пора лечить уши».

Или никуда не звонила? Такое тоже вполне возможно. Пожала плечами и отправилась спать. Наверняка, по ее логике, то, что проделал со мной Ямада, должно пойти мне на пользу. Так чего мешать?..

Как бы то ни было, мне следовало поскорее убираться отсюда. Но прежде чем забраться в машину, я подошел к водосточной трубе, подставил ладони под крошечный водопадик и кое-как смыл с лица и шеи кровь. Осторожно коснулся того места, где раньше было ухо... Оказалось, что оно и сейчас там. Точнее, его большая часть. Нож Ямады срезал лишь верхушку. Если бы я знал это раньше, был бы повежливее с яйцами своего бывшего босса. Но

теперь уже поздно...

Закончив приводить себя в порядок, я направился к «лексусу». В замок двери удалось попасть с пятого раза. Я рванул дверцу на себя и чуть не подпрыгнул от неожиданности...

На водительском сиденье, положив лапы на руль, сидела обезьяна.

Несколько секунд я стоял, тупо глядя на нее, не в силах пошевелиться.

Когда первый шок прошел, к глазам подступили слезы. Да, самые настоящие слезы. Мне стало до чертиков жаль себя. Столько пережить, чудом остаться в живых, лишиться половины уха – и вдруг понять, что это всего лишь разминка. Неприятность, и только... Ничего еще не закончилось. Есть проблемы куда серьезнее. Например, обезьяна за рулем. Обидно. Очень обидно... Все равно, что стать олимпийским чемпионом, а наутро обнаружить, что это всего лишь сон.

- Стоишь что? – пропищала обезьяна, показывая крупные желтоватые зубы. – Садись.

Я прикусил разбитую губу.

- Давай, давай, садись.

- Куда? – в полном отчаянии прошептал я.

- Голова тыква, да? Хочешь куда садись.

- За руль можно?

Обезьяна замотала головой, пришлепывая губами.

- Только не говори, что ты поведешь...

- Ми-и.

- Это идиотизм...

- Ми-и ехать.

- Не говори ерунду. – Я протянул руку, чтобы вытащить свой глюк из машины. Будет очень здорово, если сейчас появятся покемоны. Их ожидает незабываемое зрелище: парень, из которого весь последний час делали отбивную, пытается выдернуть из машины кусок пустоты. Умора...

Я схватил обезьяну за переднюю лапу. Глюк дико заверещал и вцепился зубами мне в руку. Я тут же подхватил его визг. Галлюцинация кусалась чертовски больно. На ладони остались следы ее клыков. Один из них прокусил кожу.

- Ми-и ехать!

Упрямая тварь.

Понимая, что поступаю как законченный псих, я обошел машину и сел на пассажирское сиденье. Будь что будет! Мне вдруг стало на все наплевать. Обезьяна так обезьяна... Все равно ничего поделать я не могу. Надо просто подождать, пока она исчезнет сама. Другого выхода

нет. Это я знал по опыту.

Странно, я давно уже должен был привыкнуть к ее появлениям. Но каждый раз она ухитрялась довести меня чуть ли не до истерики. Наверное, совсем привыкнуть к галлюцинациям невозможно. Особенно, когда полностью осознаешь, что это глюки.

- Ключи есть? - спросила обезьяна.

Я молча кивнул и протянул ей брелок Ямады.

Ну надо же было так свихнуться!

Обезьяна вставила ключ в замок зажигания. Коротко мигнули и вспыхнули ксеноны. Двигатель мягко заурчал.

Я почувствовал, как к горлу подкатывает истерический смех. Если мы сейчас тронемся, я слечу с катушек окончательно. И поеду выращивать репу.

Но автобус-то она водила...

Спокойноспокойноспокойно...

Я поймал себя на мысли, что, несмотря на сюрреализм происходящего, меня занимает вопрос, как обезьяна сможет дотянуться до педали газа. По моим прикидкам лапы для этого у нее были коротковаты.

Господи, неужели я об этом думаю всерьез?

Я следил за обезьяной краем глаза. Хитрая тварь подвинула свое сиденье вперед до упора. Мордой она теперь почти касалась руля. Вытянула заднюю лапу, пытаясь нащупать педаль. Ей не хватало пары сантиметров. Тогда она просто немного сползла вниз. Глаза оказались чуть выше приборной панели.

Все это она проделала с таким видом, будто каждый день разъезжала на машинах. Впрочем, и я, наверное, выглядел, как парень, которого частенько катают обезьяны... По идее, я должен был биться в истерике. Но вместо этого я просто щелкнул замком ремня безопасности.

Возможно, я был так спокоен, потому что не верил, что мы поедem. Но у обезьяны было свое мнение на этот счет. Она мягко нажала на газ и отпустила педаль сцепления.

- Кон... Конци... Конди... ционер включить? - спросила она, переключая свет фар на ближний.

В ответ я лишь вздохнул и закрыл глаза.

Я просто не мог выносить этого зрелища. Обезьяна за рулем... Та еще картина, мать твою.

Некоторое время мы ехали молча. Я старался ни о чем не думать. Все равно это было бы бесполезно. Все мои рассуждения свелись бы к уже надоевшему вопросу: сошел я с ума или столкнулся с чем-то необъяснимым с точки зрения привычной модели мира? Ни то ни другое мне не нравилось. Но еще больше не нравилось то, что дать на этот вопрос исчерпывающий ответ невозможно.

Обезьяна же была поглощена делом.

Я приоткрыл глаз. Мы действительно ехали. То есть перемещались в пространстве. На дороге были и другие машины. Но почему-то никто не кричал и не показывал на наш «лексус» пальцем. Будто обезьяны-водители встречаются на каждом шагу. Нас обгоняли, мы кого-то обгоняли... Один раз проехали даже мимо поста дорожной полиции. Никакой реакции.

Они тоже психи, – пронеслось в голове.

Весь мир сошел с ума. И катится к концу. Мир психов катится к концу.

Я посмотрел направо. Обезьяна сидела, вцепившись лапами в руль и внимательно следя за дорогой. Нижняя губа оттопырена, шерсть на холке чуть вздыблена.

«Пожалуйста, не разговаривайте с водителем во время движения».

Почувствовав мой взгляд, обезьяна на мгновение повернулась ко мне. Машина рыскнула.

- Осторожнее! – сказал я.

- Почему сразу к женщине пошел не? – спросила обезьяна, не сводя взгляда с дороги.

- Подумал, что лучше сперва решить вопрос с Ямадой.

- Решил?

- А то ты не знаешь.

- Ми-и не знаем. Ми-и ждали в машине. Везти. Везти к женщине. Туда надо.

- А-а... Ну-ну...

Красная «хонда» перед нами резко снизила скорость. Обезьяна ударила по тормозам. Я чуть не ткнулся лбом в стекло. Чудом не сработали подушки безопасности.

- Ты что делаешь?!

- Не мешай ми-и! – визгливо ответила обезьяна.

- Сама не болтай.

Тварь надулась.

Не слишком ли много я требую от своего глюка? Для обезьяны она водит просто здорово. Я нервно хихикнул.

- Голова тыква!

- Почему?

- Смеешься чего? Ми-и трудно. Лапам тяжело – короткие. Трудно, а ты смеешься.

- Зачем тогда села за руль?

Она щелкнула зубами и промолчала. Обиделась. Но извиняться было бы совсем уж глупо. Черт с ней! В конце концов, это моя собственная галлюцинация. И я вправе делать с ней то, что захочу. Без всяких угрызений совести.

- Можем успеть не, - озабоченно сказала обезьяна.
- Не успеть куда?
- К женщине.
- Почему?
- Она уйти может. Раньше приедем чем.
- Уйти куда?
- Совсем уйти.

Ох, только не это... Сейчас Вик была мне нужна как никогда. Только не это, Вик... Подожди хоть немного. Пожалуйста.

- Как думаешь, ее можно остановить? - спросил я.
- Зачем?

У нее получилось «зачема?».

- Ей не нужно умирать... Она должна жить.
- Всем умирать нужно.
- Да-да, я знаю... Но ведь не так, как хочет она. Не убивать себя. Понимаешь? Умирать нужно естественно. Жизнь - это как билет, понимаешь? Умирать нужно, когда заканчивается действие твоего билета... А она хочет выбросить еще действительный. Только из-за боязни, что он может стать недействительным в неподходящий момент. Это неправильно... Хотя, что я тебе объясняю? Ты всего лишь моя галлюцинация.
- Или ты моя.
- Что?
- Ми-и кажется, что ты кажется ми-и. Так быть может.
- Хочешь сказать, что, возможно, это я кажусь тебе?
- Да.
- Чушь.
- Кто знает?
- Я знаю!
- Если глюк приходит, то он приходит откуда-нибудь. Может быть, ты попал туда, где рождаются видения? - голосом негра сказала обезьяна.

У меня внутри все сжалось. Вот это да...

- Не смешно, - натужно просипел я.

- Я и не собираюсь тебя смешить. Очень надо! Все откуда-нибудь приходит и куда-нибудь уходит. И никто не даст тебе гарантий, что в какой-то момент ты не окажешься в одном из этих мест. Тут главное не слишком-то полагаться на здравый смысл. Он может и подвести. То, что сейчас я сижу за рулем автомобиля и на нас никто не обращает внимания, может означать разное. Возможно, ты сам сидишь за рулем и представляешь себе обезьяну. Возможно, что на самом деле как обезьяна я выгляжу только для тебя. Для остальных я обыкновенный негр. А может быть и так, что в машине открылась какая-то дыра в мир видений, и ты сейчас не в машине, а в ином слое реальности. И окружающие вообще ничего не видят в салоне, списывая это по привычке на тонированные стекла.

- Чуть, - сказал я. Правда, уверенности в голосе было маловато. В самом деле - почему никто не замечает, что за рулем черного «лексуса» сидит обезьяна?

- Ладно, не бери в голову. У тебя есть дела и поважнее.

- Например?

- Вернуться в свой лабиринт. Чужие лабиринты - не лучшее место для прогулок.

- А-а-а...

Все это сон. Сон...

Но боль во всем теле говорила, что это не так. Болело изувеченное ухо, болело лицо, болела подвернутая нога. Я пожалел, что под рукой нет аспирина. Надо будет попросить у Вик... Если он у нее есть. Будет ли человек, решивший покончить жизнь самоубийством, хранить дома аспирин? Хлороформ - другое дело. Или какой-нибудь амобарбитал.

Черт, с моим сознанием происходит что-то странное, нелепое... Я сижу в машине, которой управляет обезьяна, которая говорит голосом негра, который владеет баром, которого на самом деле не существует. Но все мои мысли заняты не этим прискорбным фактом. Нет. Я думаю о том, есть ли в аптечке Вик аспирин. Я думаю всего лишь о дерьмовом аспирине!

- Ми-и приехали. - Обезьяна снова запищала. - Ты выходить.

- Угу, - кивнул я.

Мы и в самом деле были напротив дома, где жила Вик. Тихая пустая улица. Лишь редкие машины. Реальность. Все по-настоящему. Кроме обезьяны.

- Ты иди. Ми-и спрячем машину. Потом будем пить пиво. Пиво хорошо...

Обезьяна довольно зажмурилась. А я подумал, что выпить сейчас действительно было бы очень неплохо. Не пива, конечно. Чего-нибудь покрепче.

- Там. - Обезьяна махнула лапой назад.

Я обернулся. На заднем сидении лежала бутылка. Я дотянулся до нее. «Джек Дениелс». Точно такая же бутылка, как та, что я взял в баре. Мелькнула дикая мысль, что встреча с Ямадой была лишь видением. Я потрогал ухо. Нет, мы действительно встретились.

- Ты иди. Ми-и хотим пива.

- Хорошо, - вяло ответил я и открыл дверь. - Пока.

- Пока.

Я перешел на противоположную сторону улицы и оглянулся. «Лексус» мягко тронулся с места, развернулся и неторопливо проехал в нескольких шагах от меня. Я смог разглядеть макушку обезьяны и одну мохнатую лапу на руле.

Пропади оно все пропадом.

Глава 20

Кнопки звонка рядом с дверью Вик не было. Я постучал и прислонился лбом к косяку. Единственное, что я сейчас чувствовал, – свинцовую усталость и опустошенность. Я был выпотрошен, как жертва врачей отряда 731.

Мысль, что сейчас мне предстоит непростой разговор с Вик, бодрости не прибавила. Мне самому нужен врач. Хирург и психотерапевт. Вик их не заменит. Во-первых, не захочет, а во-вторых, не сможет. Второе, в общем, не важно, учитывая первое.

Вик, Вик... Если бы я знал, как далеко все это пойдет, я бы не подошел к тебе тогда, в самом начале сезона дождей, когда ты сидела на скамейке напротив книжного магазина и смотрела на меня. Ни за что не подошел бы со своим idiotским вопросом: «Вы что-то хотите спросить?» Я прошел бы мимо, отправился спокойно домой, приготовил себе простой ужин и потом до вечера читал бы Чехова или этого сумасшедшего Достоевского... И остался бы тридцатилетним мальчишкой. Потом стал бы мальчишкой сорокалетним... А умер бы восьмидесятилетним мальчишкой. Тихо и спокойно. Никого не убив и не сойдя с ума. Вик, Вик, если бы я только мог знать, как далеко это все пойдет...

Тут я понял, что стою, прислонившись к косяку, и жалею себя уже с минуту. Мне стало тревожно. Она слишком долго не открывала дверь. Я постучал еще раз. Повторялась сцена у дома Ямады. Только затаенного облегчения я не испытывал. Наоборот. Внизу живота заныло, будто я получил удар по яйцам.

Я приложил ухо к двери. В квартире было тихо. Абсолютная, мертвая тишина. Неужели опоздал?.. Я несколько раз ударил в дверь ногой. Не слишком сильно, чтобы не привлекать внимания соседей. Будет не очень хорошо, если кто-нибудь вызовет полицию. Покемоны... Они все время дышали мне в спину.

Тишина. Только выше этажом что-то гроыхнуло. Я покрылся испариной и замер. Если кто-то сейчас спустится вниз... Выглядел я, наверное, так, что даже якудза позвонил бы в полицию. Но все было тихо. Больше никто ничем не гремел.

Осмелев, я постучал снова. И прикинул ухом к двери. Бесполезно. Или Вик нет дома, или... Или она уже мертва. Если это так, я никогда не прощу себе поездку к Ямаде.

Зачем же я отправился к нему? Чего добился этим? Убедился в том, что он убийца? Вроде бы похоже... Он оказался законченным психом, извращенцем, вполне способным на такой трюк, как уродование трупов. Но с другой стороны, какого черта он пытался внушить мне, что убийца я? Просто для того, чтобы послушать мое вранье? Ерунда... Хотя кто знает, что происходит в голове у маньяка.

А если у него был диктофон? Просто этот чокнутый решил провести собственное расследование. И записал мое признание... Возможно? Во всяком случае, если он пойдет с этой

записью в полицию, ему придется долго объяснять, зачем он отрезал мне ухо. Сукин сын!

Нет, скорее всего, у него тоже раздвоение личности. Одна половина – добропорядочный гражданин, который хотел отправить меня за решетку, потому что вбил себе в голову, что убийца – я. Вторая, чокнутая, половина по той же причине хотела услышать от меня и посмаковать подробности убийства. Только лишь потому, что сам Ямада никак не мог отважиться на преступление. Хотя, наверное, мечтал об этом, как подросток мечтает о настоящем половом акте. Подросток занимается онанизмом, разглядывая порнографический журнал. Ямада тоже хотел заняться своеобразным онанизмом. Я был вместо порножурнала. Отличная теория.

Или все-таки он и есть убийца?..

Как же все запутано... И Вик... Где же она?

Ты опоздал, парень, – прошептала какая-то часть сознания. Ты опоздал.

Нет! Я не мог опоздать... Негр сказал, что если встать на правильный путь, препятствий на нем не будет.

Ах, негр... Ну, конечно, к мнению этого парня следует прислушаться.

- Вик, – позвал я, наклонившись к замочной скважине. - Вик, это я, Котаро. Если слышишь, открой.

Бесполезно. Ни шороха в ответ.

Я опустил на пол и прислонился спиной к двери. Все кончено. Оставалось только сломать дверь. И пускай соседи вызывают полицию. Пускай. Может быть, это то, что мне сейчас нужно, – поговорить с покемонами. По душам...

Рука нащупала бутылку в кармане. Я отвернул пробку и сделал большой глоток. Дыхание перехватило, на глаза навернулись слезы. По пищеводу скользнула струйка жидкого огня. Я обхватил колени руками и положил на них голову. Закрыв глаза.

Все зря. Абсолютно все...

Внизу хлопнула дверь. Кто-то зашел в подъезд и начал подниматься по лестнице. На всякий случай я встал и убрал бутылку в карман. Впрочем, вряд ли это какая-нибудь добропорядочная старушка. Старушки не гуляют в три часа ночи... Три часа? Я посмотрел на «гамильтоны». Похоже, они стояли.

Шаги были все ближе. Наконец внизу в пролете показалась ярко-рыжая шевелюра Вик. Бегемот, которого я таскал на плечах весь вечер, вздохнул и лениво сполз на пол.

На Вик были протертые на коленях светло-голубые джинсы и застиранная футболка – когда-то, видимо, темно-синяя. Волосы как обычно всклокочены.

- Долго ехал, – недовольно бросила она вместо приветствия и открыла дверь.

- Где ты была?

- Звонила в полицию, придурок.

Она могла бы быть повежливее. Хотя, плевать. Главное, что она жива. Это все, что мне было по-настоящему нужно. Увидеть ее живой. И мне это удалось.

Я снял туфли, мокрый пиджак, вытащил из кармана бутылку виски и последовал за ней в комнату.

Она сидела прямо на полу, скрестив босые ноги, и смотрела телевизор. Я подошел к ней и сел рядом.

- Плохо выглядишь, - сказала она, не отрываясь от экрана.

- Чертов псих Ямада.

- Что с ухом?

- Этот сукин сын отрезал от него кусочек.

- Зачем?

- Хотел, чтобы я ответил на один вопрос.

- Пошли в ванную. Надо обработать твое ухо.

Такого проявления заботы я не ожидал. Что это с ней случилось?

В ванной я посмотрел в зеркало. Вид был и правда кошмарным. Лицо в кровоподтеках, губы распухли, одно ухо короче другого на целый сантиметр. Непонятно откуда взявшаяся ссадина на лбу. И повсюду засохшая кровь... Впечатление такое, будто я одолел в рукопашной схватке аллигатора.

Вик быстро и ловко промыла рану перекисью водорода, не обращая внимания на мой скулеж. Потом залепила ухо пластырем и принялась за остальные «подарки» Ямады. Покончив с первой медицинской помощью, она бросила мне полотенце.

- Давай, приведи себя в порядок.

Горячий душ. Об этом я даже не мечтал. Раздевшись, я внимательно изучил тело. Все оказалось не так плохо. Пара синяков на ребрах, распухшая лодыжка да ссадины от наручников. Голове досталось куда больше.

Из ванной я вышел человеком, победившим аллигатора и принявшим душ. То есть кардинально мое состояние к лучшему не изменилось. Но легче все-таки стало. Чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы вспомнить о виски.

Я зашел в комнату. Вик сидела перед телевизором в той же позе.

- Дай стаканы и лед, - сказал я.

- У меня нет льда.

- А содовая?

- Нету. Только простая вода.

- Давай простую воду и стаканы.

- Пожалуйста? - Она подняла бровь.

Я улыбнулся.

- Пожалуйста.

- То-то же, придурок.

Она поднялась с пола и вышла. Я огляделся. В прошлый раз комната была похожа на поле после битвы при Секигахара. Теперь это была операционная, подготовленная для проведения сложнейшей операции.

Что это с ней? - подумал я про Вик. И через минуту понял - она приготовилась. Убрала квартиру, привела все дела в порядок... Завершающий штрих перед последним актом драмы.

Меня вновь охватило чувство, которое я испытал тогда, на берегу моря. Еще до безумной гонки... Я снова был солдатом, дравшимся в окружении. И услышавшим, как замолчал автомат брата по оружию.

Только не сейчас, Вик, - пронеслось в голове. Черт, только не сейчас. Я не хочу остаться один на один со своими страхами. Мне нужна твоя поддержка... Только не сейчас, Вик.

Я был готов простить все ее выходки, которые сводили меня с ума. Готов был простить даже то, что благодаря ей я стал беглым преступником. Черт, да даже потерянный навсегда дом и пруд с карпами кои и отрезанное ухо...

Все это я простил ей в тот миг, когда понял, что конец уже близок.

Она вошла в комнату, держа в руках два стакана и пластиковую бутылку с водой. Я внимательно посмотрел на нее. Никакой «печати смерти», о которой так любят говорить поэты, у нее на лице я не заметил. Лицо как лицо. Только легкая усталость. Оно и понятно - на часах было уже двадцать минут второго. Пошло всего семь часов с того момента, когда меня встретили у дверей офиса покемоны. Всего семь часов в шкуре беглого преступника. Как ни странно, я начал смиряться со своим теперешним положением. Отчаяние больше не грызло мои внутренности.

Вик села рядом и поставила стаканы на пол. Я плеснул в них виски, разбавил водой и протянул один ей. Она поднесла его ко рту, чуть сморщила нос и сделала крошечный глоток.

- Пей смелее, я разбавил хорошо. Получилось не крепче sake.

Она молча поставила стакан перед собой, обхватила колени руками и уставилась в телевизор.

- Эй, - сказал я, - человек-невидимка, не исчезай.

- Не исчезну, - ответила она. - Просто мне немного грустно. Вот и все.

- Почему тебе грустно? - осторожно спросил я.

Она пожала плечами.

- Послушай, я кажется, догадываюсь...

- Вот и молодец, - отрезала она.

Я замолчал. В баре мне казалось, что все будет просто. Я приеду к Вик, мы с ней поговорим, и проблемы исчезнут сами собой. Конечно, думать так было глупо. Но на меня подействовал уверенный тон негра... обезьяны. Я почему-то безоговорочно поверил ей.

Что я должен сказать или сделать? Вот я рядом с девушкой, с которой все началось. И на которой, по словам обезьяны, все замыкается. И что? Что дальше?

Я глотнул виски. Вик по-прежнему смотрела на экран телевизора. Ей ничего не нужно решать. Она уже все решила. По большому счету, ее здесь и нет. В комнате осталось только тело. Сама она в пути. И все, что осталось в этой комнате, для нее уже не имеет значения. В том числе и я. Со своими страхами и сомнениями.

Надо заставить ее вернуться - вдруг понял я. Хотя бы на время. Свернуть с дороги, ведущей в серые пределы...

- Ты ужинала? - спросил я. Мне показалось, что это будет неплохим началом.

- Не помню, - тускло ответила Вик.

- У тебя не найдется чего-нибудь перекусить?

Я и правда был голоден. Заговорив о еде, я вспомнил, что ничего не ел почти двенадцать часов. Ну да, последний раз я поел на работе. Кажется, сэндвичи с индейкой... Или с тунцом? Не помню. Это было слишком давно. Еще в прошлой жизни.

Какой-то шутник схватил мой желудок и начал тянуть в разные стороны.

- Правда, давай поедим? - сказал я.

Вик, не говоря ни слова, встала и отправилась на кухню. Вернулась она с засохшим куском пиццы. Определить, с чем она, было уже невозможно.

- Больше ничего? Даже соуса нету?

- Нет.

Она опять уселась в свою любимую позу - колени подтянуты к груди, подбородок опущен на руки.

Вздохнув, я принялся за черствую пиццу. Однако, против ожидания, она показалась мне самым изысканным блюдом из всего, что я когда-либо пробовал. Исчезала она с небывалой скоростью.

Покончив с пиццей, я глотнул виски.

- Спасибо.

- М-м-м.

- Очень вкусная пицца.

- М-м-м. Зачем ты поехал к Ямаде?

- Хотел выяснить, не он ли убил тех парней в больнице.
- Ну и как?
- Никак. Вроде бы он. Во всяком случае, очень похоже. Он действительно свихнувшийся маньяк. Веришь, он там чуть не кончил, когда мы говорили об этом убийстве.
- Кончил?
- Да, самым натуральным образом. Но это мелочь... Зачем-то ему понадобилось, чтобы я признался в убийстве. Он мне и ухо-то отрезал потому, что я все отрицал. Вот это меня беспокоит. Он запросто мог убить. И изуродовать трупы. На него это очень похоже. В то же время, он вел себя так, словно был уверен, что убийца я. Или ты... Бред какой-то...
- Да уж...
- А что ты сказала ему? После разговора с тобой он чуть от ярости не лопнул.
- Да ничего особенного. - Вик со скучающим видом пощелкала пультом управления, переключая каналы. - Уже не помню...
- Жаль, хотел взять на вооружение. Вдруг придется еще раз с ним встретиться.
- Как ты выбрался?
- Разбил ему яйца. Одному покемону, кстати, тоже.
- Зачем?
- Не знаю. Что мне оставалось? Они сказали, что в больнице нашли отпечатки пальцев. Моих пальцев, понимаешь? Мне было не выкрутиться...

Вик хмыкнула.

- А откуда у них твои отпечатки пальцев? В смысле, как они могли узнать, что те отпечатки - именно твои?

Я замер с открытым ртом. Если бы меня огрели по голове фонарем-дубинкой, эффект был бы не таким сокрушительным.

Идиот! Как же я сам об этом не подумал? Они не могли сравнить отпечатки. Не могли... Это был просто блеф. И за этот блеф Рейчу поплатился яйцами.

Ха-ха-ха!

Я сам написал признание. Собственными руками открыл дверь камеры... Интересно, сколько лет мне дадут за мою глупость? Наверняка столько, что я успею десять раз поумнеть.

Мне хотелось завывать от отчаяния.

Но воем делу не поможешь. Все, что можно было испортить, я испортил. И ничего уже не исправишь. «Ребята, простите, я немного погорячился. Не оценил вашу шутку»...

М-да... Молодец, нечего сказать.

- Что ты сказала покемонам? - спросил я, чтобы хоть что-то спросить. Я знал, что если буду дальше думать о своей глупости, свихнусь.

Что сделано, то сделано.

- Кому?.. А-а... Сказала, что тебя в данный момент убивает маньяк. Что происходит это в той самой клинике, которую показывали по телевизору. Ну, или в доме маньяка. Еще сказала, что фамилия маньяка Ямада, а твоя Ито... В общем, все, что знала.

- А откуда ты узнала, что мы можем быть в клинике?

- Догадалась. - Она пожала плечами. - Вы оба психи. Догадаться, что может сделать псих, очень просто.

- Понятно, - сказал я.

Хотя, ни черта мне было не понятно. Но выяснять, что к чему, я не стал. Сейчас было важно другое.

- Я говорил сегодня с обезьяной... Кстати, это она меня довезла. Обезьяна за рулем, представляешь?

- Поздравляю. Можешь быть спокоен, смирительную рубашку тебе уже подобрали.

- Она сказала, что ты знаешь ответы на все мои вопросы.

- Много вопросов?

- Не знаю, - сказал я. - Честно говоря, пока ни один в голову не приходит. Наверное, она имела в виду те вопросы, которые нельзя озвучить. Они есть, но не в голове, понимаешь? Не сам вопрос, а лишь ощущение того, что должен быть какой-то ответ, который все расставит по своим местам. Ответ без вопроса... Такое ведь бывает.

- Бывает, - как эхо повторила Вик.

- Вот такой ответ ты и можешь мне дать. Так сказала обезьяна.

- И ты ей поверил.

- Кажется, да. Это единственный выход для меня. Даже если он иллюзорен. Лучше уж такой выход, чем никакого. И потом, ты же сама видела обезьяну. Значит, должна меня понимать. Когда она говорит, не верить нельзя.

- С чего ты взял, что я ее видела? - спросила Вик и впервые за весь вечер посмотрела на меня.

- Ты сама мне об этом сказала. Помнишь? Когда мы лежали на берегу моря, и спустился туман. В этом тумане ты мне и сказала, что разговаривала с белой обезьяной.

- Туман на берегу моря? Это что-то новое... В тот раз ты просто поднялся и ушел. Даже не попрощавшись. Лежал, лежал, кажется, плакал... А потом встал и пошел к дороге. Вот и все.

- А туман? - растерянно спросил я.

- Тумана на берегу моря не бывает.

- Постарайся вспомнить. Ты еще сказала, что хотела научить меня умирать...

Вик вздрогнула.

- Что?

- Что - «что»?

- Как я сказала, придурок?

- Ты сказала, что хотела научить меня умирать. И это тебе разрешила сделать обезьяна.

Вик ткнулась лбом в колени. Некоторое время она сидела молча, покачиваясь взад-вперед, как китайский болванчик. Потом, не поднимая головы, сказала:

- Не было там никакого тумана, Котаро. Не было. Ты просто встал и пошел.

Голос ее звучал глухо. Почти как в том тумане, которого, по ее утверждению, вовсе не было.

- Но знаешь, что самое интересное?

- Что?

- В своем глюке ты слышал то, что я на самом деле думала, когда разгоняла машину. Я действительно хотела научить тебя умирать. И знаешь, почему?

- «Пока не умеешь умирать, жить плохо получается», - повторил я слово в слово то, что произнесла Вик в моей галлюцинации.

- Точно.

Мы помолчали. Никогда не замечал за собой способности читать мысли. Было что-то пугающее во всем этом. Похоже, я зашел очень далеко в своем помешательстве. Осталось только посмотреть пару пророческих видений - и готово дело. Я выйду на площадь перед Токио-но То и начну вопить о грядущем конце света. А потом поеду выращивать репу. Может быть, встречу парня, мешавшего мне спать со своим футоном. Не удивлюсь, если в скором времени к нам присоединится Ямада-сан. В такой компании мне скучно не будет... Во всем можно найти хорошие стороны. Если как следует поискать.

Кстати, это идея. Надо было рассказать покемонам о том, что я умею читать мысли и разговариваю с обезьяной, которая очень любит пиво. И вместо тюрьмы я оказался бы в психушке. Все-таки условия получше. Наверное...

- Ты, оказывается, еще больший псих, чем я думала, - оборвала мои размышления Вик.

- Честно говоря, я и сам не знал, как далеко зашло дело.

- Ладно. С психами даже интереснее. Во всяком случае, с тобой. Когда мы познакомились, ты был почти нормальным. И скучным... Как вспомню наш разговор в ресторане, когда ты пытался мне внушить мысль, что убивать себя нехорошо, так смеяться хочется. Помнишь? Вид у тебя был такой важный... А говорил глупости. Умора.

Она натянуто хохотнула.

Разговор сам собой свернул в нужную мне колею. Теперь главное удержать его там. Не дать Вик опять уйти в себя.

- Да, тогда я был нормальным... Ни обезьян, ни проблем с начальником.

- Вообще никаких проблем, да?

- Ну, были какие-то, конечно. Как у всех, впрочем. Но не то, что теперь...

- Ты считаешь, это я виновата?

- Да нет... Не знаю. Не то чтобы виновата. По обезьяньей теории, я вошел в твою жизнь для того, чтобы выполнить какую-то миссию. Громко звучит, но другого слова найти не могу. Что именно я должен был сделать - непонятно. Но что-то должен был. И не сделал. Отсюда и все неприятности. Понимаешь? Как бассейн... Нырнул - плыви, шевели руками и ногами. Иначе утонешь. А я нырнул и замер. Теперь иду ко дну. Не знаю, можно ли уже что-то исправить...

Виски в моем стакане закончилось. Я налил себе еще и разбавил водой. В голове уже шумело. Вик к виски почти не притронулась.

- И ты считаешь, что я могу тебе помочь? - спросила Вик.

- Нет, не так. Я сам должен себе помочь. Вернее, помочь тебе, и тогда вернусь в свой лабиринт. Только вот я даже не представляю, что должен делать.

- Ты веришь, что когда, как ты выражаешься, вернешься в свой лабиринт, твои неприятности закончатся?

- Так сказала обезьяна.

- Ты сам себя послушай! Сидит взрослый мужик и говорит, что обезьяна обещала ему решение всех проблем, если он поможет какой-то девушке. Ключевые слова: обезьяна обещала. Шизофрения. Самая настоящая шизофрения... Чертов псих! Полицейские и твой мерзкий шеф должны будут лопнуть, как мыльные пузыри, да? Как только ты что-то сделаешь для меня - бамс! И их нету. Ты так думаешь?

- Конечно, нет, - горячо начал я, но тут же замолчал.

А действительно, как я представляю себе будущее? Преступление было, побег был, Ямада тоже был и есть... Никуда все это не денется, помоги я всем чокнутым девушкам в мире. Да и так безоговорочно верить обезьяне... Типичный случай шизофрении. «Доктор, обезьяна велит мне послать вас к черту...»

Единственный вариант - я уже давно целиком и полностью живу в мире своих иллюзий. Нет на самом деле ни Вик, ни моих преступлений. Все это - плод больного воображения. Нужны эти глюки, чтобы я мог избавиться от какого-то комплекса. Тщательно подавленной психологической проблемы... Для этого мое сознание придумало новую реальность, в которой я обязан помочь девушке. Помогая девушке, я избавляюсь от своей душевной травмы. И как только помогу - проблема уйдет и я вернусь в реальный мир. В котором нет и никогда не было Вик, покемонов, обезьяны, бара... Отличная теория. Она могла бы все объяснить. И, пожалуй, сработать. Но есть одно «но». Ямада. Он работал в конторе уже тогда, когда я только в нее пришел. Ямада не может быть галлюцинацией. А учитывая, что он очень плотно взаимодействует с другими элементами реальности, с теми же полицейскими, например, - все

остальные неприятности тоже не иллюзорны.

Такое вот хитрое доказательство того, что я по уши в дерьме. В свежайшем дерьме.

Или нужно допустить мысль, что и пять лет назад, когда я начал работать в этой фирме и познакомился с садистом Ямадой, я уже был болен. Уже тогда жил в собственном бреде. Ого! Так можно додуматься до того, что в данный момент я лежу в отдельной палате, спеленатый по рукам и ногам. И вся моя жизнь – всего лишь галлюцинация, иллюзия.

Очень, очень интересно...

- Я не знаю, Вик, – сказал я. – Совсем запутался. Даже не уверен в том, что ты настоящая...

- Настоящая, будь спокоен.

- Откуда мне знать? Обезьяна тоже выглядит и говорит, как настоящая. У тебя когда-нибудь были галлюцинации?

- Нет. По крайней мере, не помню.

- Ну вот. В них все, как на самом деле. От реальности не отличишь.

- И что ты предлагаешь? К чему вообще весь этот разговор? Псих ты или нет – это твои заботы. Мне на это наплевать.

- Понимаю, – кивнул я и отпил из стакана. – Давай не будем выяснять, псих я или нет. Поговорим лучше о том, что я должен сделать для тебя. В твоём лабиринте... У тебя есть какие-нибудь мысли?

- Ни одной. Могу сказать только одно – если хочешь что-то сделать, поторопись.

- Почему?

- Я умру сегодня на рассвете. У тебя есть несколько часов.

Я моментально протрезвел.

- Подожди... Ты не можешь так...

- Мы с тобой договаривались. Ты не будешь меня уговаривать. Помнишь? Только на этих условиях я согласилась встретиться с тобой. Если собираешься спасти мою молодую жизнь – можешь сразу убираться.

- Почему так неожиданно?

- Неожиданно для тебя, придурок. Ты все это время не относился ко мне всерьез. Думал, что я просто экзальтированная дура. Так ведь?

Я промолчал.

- Можешь не отвечать. Я и так знаю... Ты даже не слушал меня. Может быть, – сказала она задумчиво, – в этом-то и заключалась твоя роль. В том, чтобы принять меня всерьез и попытаться что-то понять. Меня, себя... Изменить ты ничего не мог. Но мог просто быть рядом. Сделать мои последние дни не такими дерьмовыми. И чему-то научиться. Не исключено, что

самому важному в своей жизни. Тогда, в машине, ты был к этому близок. Но предпочел опять закрыть глаза. В общем, все понятно – полиция, Ямада... Тебе было не до меня. К тому же, чего обращать внимание на дуру, так? Она того не стоит. Вот психопат-шеф – это да, это важно. Ведь это и есть моя жизнь... Хоть теперь не напрягайся.

Я подавленно молчал. Вик повторяла слова обезьяны, но от этого было не легче. Я налил себе виски и залпом выпил. Напиться – единственное, что мне оставалось. Как следует напиться. Похоже, я и правда опоздал...

- Давай попробуем начать все сначала, – робко сказал я и почувствовал себя непроходимым тупицей.

Вик расхохоталась. На этот раз почти искренне.

Ощущение собственной глупости усилилось.

- Отложи все, – попробовал я зайти с другой стороны. – Не убивай себя сегодня. Подожди какое-то время...

- Кусотарэ! Самоубийство – это не поход в парикмахерскую. Его нельзя отложить... Не ты приходишь к нему, а оно к тебе. Тебе остается только открыть дверь.

Она говорила о действии, как о живом существе. Было в этом что-то жутковатое.

- Но все-таки, – не сдавался я. – Хотя бы на немного... Скоро первое июля... Начнется ямабираки. Мы могли бы отправить твоему отцу открытку или письмо. [51]

Идея показалась мне не такой уж и плохой. Может быть, из-за виски. Но я, наверное, так бы и сделал, если бы собрался наложить на себя руки. Поднялся бы на гору, разослал всем знакомым письма с ее вершины, а потом спустился вниз и приставил ствол пистолета к виску.

Я увидел, что Вик чуть заколебалась. Едва заметно. Похоже было, что ей самой такая идея в голову не приходила.

- Ведь ты никогда не отправляла отцу письма с вершины Фудзи, верно? Это было бы неплохим прощанием... И с ним, и вообще.

- Нет, – тряхнула головой Вик. – Я не могу больше ждать. Чувствую, что еще день-два, и я не успею...

- Как можно не успеть умереть, Вик? Что ты такое говоришь?

- Если можно прожить не свою жизнь, то можно и умереть не своей смертью. У меня не было своей жизни. Это очень тяжело – не иметь собственной судьбы. Настолько тяжело, что даже говорить об этом не хочется... Все равно, что быть бездомным. Не можешь сказать себе: «Что бы ни случилось, я вернусь домой, и все будет хорошо». И никогда не скажешь: «Ну, вот я и дома». Я бродяга, Котаро. Всегда была бродягой. И я устала от этого. Мне хочется, наконец, обрести свой дом. Прийти, скинуть обувь и спокойно вздохнуть, ощущая надежность и тепло родных стен. Так что у меня одна надежда на смерть. Если я сваляю дурака и с ней...

Она замолчала. В комнате было темно. У меня вдруг мелькнула бредовая мысль, что герои фильма так же смотрят на нас с той стороны экрана. Смотрят и сетуют, что у нас темно и из-за этого им не найти что-то очень нужное. Возможно, герой так же сидит и думает, а может,

говорит своей собеседнице: «Единственный источник света – мерцающий экран телевизора. Но там, в беззвучном фильме, тоже ночь». Мне даже захотелось включить свет, чтобы тем ребятам стало светлее.

Усилием воли я отогнал эти мысли. Чего только не лезет в голову по ночам, когда сидишь с девушкой, которая собирается умереть через несколько часов, и пьешь виски, стакан за стаканом, потому что тебе больше ничего не остается делать. Да, в таком положении мысли могут быть самыми разными...

Ну и дельце.

Вик тихо плакала. Я этого не видел, но знал, что плечи ее мелко подрагивают в такт срывающемуся дыханию, а по щекам текут слезы, полные отчаяния, страха, жалости к себе, жажды жизни и решимости оставить эту жажду неутоленной. Успокаивать ее было не нужно. Я это понял сразу. Некоторые вещи просто знаешь и все. Они не требуют объяснений или доказательств.

Я сидел рядом и пил виски, зная, что Вик уже в пути. Сердце ее гонит по венам и артериям кровь. Печень исправно очищает ее. Легкие поглощают кислород. Щитовидная железа деловито вырабатывает гормоны. Но Вик в пути. Она уже простилась с этим миром. И теперь прощается со своей короткой жизнью.

Поэтому я и не стал ее успокаивать. Сейчас любые мои слова и действия были бы абсолютно бессмысленны. Я был лишним. Что-то вроде третьей ноги. Или шестого пальца на руке. Беспольный, мешающий отросток. Неудавшийся эксперимент природы.

Так что я просто сидел и пил виски.

Сидел и пил виски.

Сидел и пил...

Вик не переставала плакать. Почти беззвучно. Но в этих едва различимых всхлипываниях была такая тоска и обреченность, что становилось страшно. Это плакала маленькая жизнь, не нашедшая себе места в мире живых.

Постепенно на меня накатила такая тоска, что даже виски не могло с ней справиться. В окно робко стучался дождь. Будто родственник-бедняк в дом к забывшим о всяком родстве богачам. И от этого стука становилось еще тоскливее.

Солдат все-таки остался один в окопе. Несмотря на мольбы и старания вызвать огонь на себя. Со всех сторон приближаются чужие каски, и некому прикрыть спину.

Я представил себе, какое одиночество сейчас должна чувствовать Вик, и по спине пробежал холодок. Мое одиночество, наверное, не шло ни в какое сравнение с ощущением человека, заглянувшего в бездну. Оставшегося с ней один на один... Я почувствовал себя парнем, который жалуется на зубную боль у постели умирающего от рака желудка.

Мне было жаль ее. И тех, кто, как Вик, решил умереть. Не потому, что не захотел сдаваться. А потому, что понял – конец все равно будет тем же самым. К чему тратить лишние патроны? Но мне было жаль и себя. И всех тех, кто продолжает драться в окружении, зная, что помощи ждать неоткуда.

Кажется, я и сам плакал. Как тогда в тумане. Глаза, вроде, были сухими, но на губах я чувствовал солоноватый привкус.

Наконец Вик пошевелилась. Она больше не плакала. Прощание закончилось. Уезжающий вошел в вагон и занял свое место. Поезд еще не тронулся, но все мысли уже только о дороге...

Все это чертовски неправильно. Свежайшее дерьмо. Вот уж точно. Точнее не скажешь.

Я потер лоб. Куда ни посмотри - оно. Свежайшее дерьмо.

И буквально через несколько секунд этого дерьма стало еще больше.

Я тупо смотрел на экран телевизора. Фильм уже закончился, теперь шли ночные новости. Я следил за мелькающими картинками, видя и не видя их. Так смотришь на пламя костра. Психологи утверждают, что для современного мужчины телевизор в какой-то степени является тем, чем был костер для наших предков. То есть объектом, на который можно бездумно потаращиться после тяжелого дня. Может быть. Сейчас я смотрел на телевизор именно так.

И вдруг почувствовал, как по спине побежали мурашки. Целый выводок. Ладони вмиг стали влажными, а сердце сделало кульбит и выдало короткую дробь по ребрам.

На экране крупным планом показывали ту самую больницу. Можно было даже разглядеть вновь появившуюся на двери надпись FUCK OFF. Кто-то заботливо ее обновил...

Выйдя из секундного оцепенения, я схватил пульт и прибавил громкость.

- ...В которой сегодня произошло уже третье кровавое убийство. Труп мужчины изуродован до неузнаваемости так же, как два найденных ранее тела. Причем, что интересно, нож, которым были нанесены ранения, в этот раз принадлежал самой жертве. Теперь полиция не сомневается, что имеет дело с опасным серийным убийцей...

вернуться

51

1 июля - открытие сезона восхождений на гору Фудзи (*Ямабираки*). На вершине горы находится почта, и любой желающий может отправить письмо, чтобы доказать знакомым, что он действительно был на вершине Фудзи.

Я выключил звук. Пальцы не слушались.

Мой страшный сон. Господин Ямада. Маньяк-садист. Кто-то превратил его в мазохиста, проделав в нем десяток дырок бритвенно-острым ножом. Вжик-вжик.

И сделал это сразу после моего ухода. У этого парня было не так много времени. Полиция должна была приехать самое большее через час-полтора после того, как я ушел оттуда.

- Дерьмо, - сказал я.

- Почему? - спросила Вик.

На нее, похоже, известие о бесславной кончине господина Ямады особого впечатления не

произвело. Я понимал, почему.

- Значит, Ямада не убийца. Неужели непонятно?

- Ну и что?

- Да то, что я остаюсь подозреваемым номер один у полиции. Только теперь у них куда больше оснований заняться мной всерьез. Это раз. А главное - настоящий убийца следует за мной по пятам. И я не уверен, что тот третий, который был у больницы тогда, ночью, убийца.

- Почему?

- Да потому что. Убийца должен был знать, что мы с Ямадой появимся там сегодня. Знать, понимаешь? В совпадения я не верю... Для этого он должен был либо следить за кем-то из нас, либо жить в этой чертовой клинике. Нет, это кто-то из ближайшего окружения Ямады. Или из моего окружения...

- Слушай, а не ты это сделал? - спросила она.

- Ты в своем уме? Я что, похож на убийцу?

- Если бы все убийцы были похожи на убийц, они бы уже перевелись. Как динозавры. Если бы те меньше высывались, может, дожили бы и до наших дней. Убийцы сделали правильные выводы из этого. Они не высываются.

Резонно. Не про динозавров, конечно, а про убийц.

Она немного помолчала. Я подумал, что сейчас, наверное, глаз у нее косит особенно заметно.

- А может, убийца все-таки ты? Знаешь, как бывает в триллерах. Живет себе человек тихо-мирно, никого не трогает. А потом бац! У него съезжает крыша. Раздвоение личности. Одна половинка не знает, что вытворяет другая. Одна, к примеру, сидит днем в офисе, а вторая по ночам режет начальников. Как тебе такая теория? Между прочим, все сходится. Началось с пустяка - обезьяны мерещились. Потом дело дальше зашло... Вроде как доктор Джекил и... как его?

- Говнюк, - мрачно сказал я. - Мистер Говнюк.

- Ну, примерно.

- Не говори чушь. Я не убийца.

- Ты в этом уверен?

- Да.

- Как и в том, что разговариваешь с обезьянами?

Я не мог понять, говорит она серьезно или издевается. В любом случае, ее слова мне не понравились. Ее теория и правда все объясняла. У меня заныло внизу живота.

Доктор Джекил и мистер Говнюк.

А если она права?

Что, если она права?

Тогда я опасный для общества псих. Меня отправят в специальную клинику, где такие же психи сидят в палатах с зарешеченными окнами. Принудительное лечение. Уколы, электрошок... Я слабо представлял себе, как живется психам-преступникам в этих заведениях. Но в одном был уверен – репу мне там сажать не придется. Об этом останется только мечтать.

Правда, поверить в это трудно. Одно дело кино, другое – жизнь. Сомневаюсь, что такое раздвоение вообще возможно. То есть, раздвоение до такой степени.

Надо было сразу идти к врачу. Как только увидел эту обезьяну. Теперь поздно. «Доктор, я вот сомневаюсь, не убил ли я трех человек в моменты помутнения рассудка. Может, пропишите мне успокоительное?»

- Не расстраивайся. Может быть, убийца я, – сказала Вик.

- Что?

- Ну ты ведь не можешь гарантировать, что это не я убила тех парней. Я была с тобой в клинике тогда, я знала, где ты находишься сегодня... Запросто.

- Глупости...

- Как знаешь. Больше вариантов у меня нет. Только не вали все на знакомых Ямады. Это дело касалось только нас троих. Теперь касается нас двоих. Вроде как метод исключения. Ямаду из списка подозреваемых придется исключить.

Я понял, что она просто забавляется. Ей было весело. Точнее, ей было все равно, поэтому она могла позволить себе повеселиться. Да, именно так.

Она скоро уйдет. И оставит меня одного разгребать это дерьмо.

А что, если убийца действительно она? Я искоса посмотрел на нее. Она безмятежно смотрела беззвучные новости. Нет, я не верил, что она способна на это. Вернее, способна, но вряд ли стала бы заниматься подобными вещами. И потом, убить – да. Но уродовать трупы?.. Для этого надо быть больше чем просто психом. Надо быть свихнувшимся ко всем чертям психом. Как Ямада. Или... Как я?

Что, если она права?

Я снова посмотрел на Вик. Ясно, что продолжать разговор бесполезно. Она будет и дальше забавляться. Она уже не здесь.

Влип. Очередной раз я мог сказать себе это со всей определенностью.

Парень, ты здорово влип.

Готя-готя.

Еще один вопрос нашему игроку: кто же зарезал всех этих людей? Вашего начальника, по известным причинам, мы исключаем из списка кандидатов на почетное звание серийного убийцы. Он доказал свою невиновность. Итак, ваш ответ? Раз-два-три...

Не знаю. Я уже ничего не знаю. И, пожалуй, не хочу знать.

Очень жаль, но вам придется покинуть игру. Вы не получаете приз. Вы вообще ни хрена не получаете.

- Ты сделаешь то, о чем я тебя просила? - выключив телевизор, спросила Вик.

Теперь в комнате стало совсем темно. Виден был только темно-серый прямоугольник окна. Вик превратилась в бестелесный голос.

Я вспомнил, что совсем скоро должно произойти то, что гораздо серьезнее и важнее моих дерьмовых сомнений. Вик умрет.

Вик умрет.

Так какого же хрена ты думаешь только о том, как спасти свою задницу?

Вик скоро умрет. Она умирает уже сейчас.

Почему же тебя заботит только собственная шкура?

- Эй, не молчи... Ты сделаешь?

- Открытки отцу?

- Да.

- Сделаю.

- Обещаешь?

- Обещаю.

- Утром тебя ожидает неприятное зрелище. Ты готов?

- Кажется, да.

- Приходилось видеть мертвых?

- Нет.

- Плохо. Я не знаю, как буду выглядеть после хлороформа... Надеюсь, что это будет не слишком мерзко.

Она немного помолчала. А я мог запросто замораживать воду в ладонях.

- Чтобы позвонить в полицию или врачам, тебе придется выйти на улицу. Дверь не закрывай. Телефон через дорогу. Направо... Увидишь.

- Увижу, не волнуйся.

- И... Котаро... Понимаю, что это глупость, но... Приходи иногда ко мне, хорошо? Нет ничего безнадежнее, чем заброшенные могилы. Хоронить меня не прошу. Знаю, что это может у тебя не получиться... Но хотя бы приходи, ладно?

- Конечно.

Я кусаю себе губы.

Я сжимаю стакан так, что стекло вот-вот лопнет.

Я хочу, чтобы оно лопнуло. Хочу, чтобы осколки вошли в ладонь, разрывая кожу и сухожилия.

- И прости меня за то, что втянула тебя в это. Я была сукой.

- Нет. Ты не была сукой.

- Все равно прости.

- Ты тоже меня прости Вик.

- Тебе не за что просить прощения. Если бы дело было только в одиночестве, ты бы мог помочь. Но одиночество – это лишь следствие. Так что, как бы ты ни старался, ни к чему бы это не привело. Не вини себя. Все, что ты можешь сделать, – изредка вспоминать обо мне и отправлять открытки отцу. Не так много, правда?

Я мог только кивнуть.

В комнате снова стало тихо. Я медленно сосчитал до десяти. Потом в обратном порядке, стараясь ни о чем не думать. Лапа, сжимавшая горло, чуть ослабила свою хватку.

- Котаро... - позвала Вик из темноты.

- Что?

- Ты по-прежнему не хочешь со мной переспать?

Я вспомнил, как она стонала в клинике, вспомнил ее губы, мягко берушие соломинку, вспомнил ее крик «трахни меня» там, на берегу моря...

Внизу живота тяжело и сладко заныло. Может, это было безумием, но я ее хотел. В этом желании не было ни капли жалости или стремления выполнить последнюю волю умирающего. Но и животного зова плоти в нем было немного. Ровно столько, чтобы мозг начал вырабатывать эндорфины и смог запустить механизм эрекции.

Просто сейчас это была последняя возможность сказать без слов что-то очень важное. Я оставался, она уходила. Но мы оба знали, что выигравших в этой игре нет. Ее ждала неизвестность, меня – ожидание неизвестности...

Наши хищные губы...

...наши переплетенные тела на полу темной комнаты...

...наши медленные плавные движения...

...пот на нашей коже...

...наши стоны и хриплое дыхание в ночной тишине...

...Все это было последним пожеланием друг другу мужества перед лицом бездны.

Вик ушла незаметно.

Я лежал на спине, глядя в темноту, и вдруг почувствовал, что остался один в комнате. Не было слышно ни шагов, ни шуршания одежды... Она просто растворилась.

Я провел ладонью по лицу. Оно было мокрым от слез. Да, мы оба плакали. Я и Вик. Мы были такими маленькими, а бездна, разверзшаяся перед нами, такой огромной... И нам было страшно. Страшно от того, что никакого мужества не хватит, чтобы этот страх преодолеть.

Кажется, в эту ночь я заглянул за черту. И то, что я там увидел, уничтожило меня. Одним лишь взглядом.

Я перевернулся на бок и дотянулся до бутылки. Потом кое-как сел, прислонившись к стене. И начал пить прямо из горлышка. Мне смертельно хотелось напиться.

Но виски превратилось в воду. Я не чувствовал ни вкуса, ни крепости. Механически подносил горлышко ко рту, делал глоток, опускал руку с бутылкой вниз, чтобы через минуту повторить этот цикл. Но опьянение не приходило. Я был трезв, как буддийский монах.

Один раз мне послышалось, что Вик прошла мимо двери комнаты. Шаги были почти неслышны. Лишь тихо скрипнула половица. Может быть, это и не Вик. Обычные звуки старого дома...

А может, это прошла смерть. Прокралась в комнату, где ее ждала Вик. Чтобы побеседовать по душам. А потом взять за руку и повести за собой.

Мне не хотелось об этом думать.

Как не хотелось представлять себе, что сейчас делается за стеной.

Там, в нескольких шагах от меня, за тонким слоем бетона, происходило что-то чудовищное. Творился темный обряд, веками окутанный мрачной тайной. Человеческое жертвоприношение... Смерть сидела у изголовья Вик. Сидела и ждала, когда, наконец, возьмет то, что причитается ей по праву.

Когда дверь в комнату приоткрылась с резким скрипом, я с трудом подавил вопль.

Но это была не Вик с посиневшим лицом. И не смерть в белых одеждах.

Это была всего лишь обезьяна.

Да. Было бы глупо думать, что она упустит такой момент.

Обезьяна вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Двигалась она медленно и торжественно, насколько торжественно может двигаться обезьяна.

- Что ты здесь делаешь? - спросил я и не узнал своего голоса.

- Ми-и не знаем. Ми-и прийти были должны. Звал ты, - пискнула она.

- Я тебя не звал.

- Пива нет?

Мне захотелось запустить в нее бутылкой. Удержало только то, что на дне еще оставалось виски.

Обезьяна прошествовала через всю комнату к окну и запрыгнула на подоконник. Села на него, свесив задние лапы и хвост. Я удивился, как она ухитрилась уместиться на узкой полоске дерева.

- Молчишь чего? Нету пива?

- Нет, - устало сказал я. - Есть виски. Тебе ли не знать...

Обезьяна фыркнула и посмотрела в окно.

- Рассвет скоро совсем, - сообщила она.

Меня передернуло.

- Не ходи к ней. Что увидишь, не понравится. Плохо там будет. Не понравится. Не ходи. Скажем, можно когда будет.

Я сделал глоток виски. Глоток получился больше, чем нужно. Я тяжело закашлялся.

- Ответила на вопросы она? - спросила обезьяна.

- Кажется, да. Я пока не все понял, но со временем пойму.

- Понимать необязательно уже.

- Почему?

- Больше не в ее лабиринте. Ты. Ушел. Совсем ушел. К себе.

- Хочешь сказать, что я все-таки сделал то, для чего пришел в ее жизнь?

Обезьяна закивала. Мне показалось, что она сейчас свалится с подоконника.

- Что же я такого сделал?

- Неважно. Не все равно понять ты.

- Мне все равно не понять? - переспросил я.

- Ну да. Ты не понимать. Даже ми-и не понимать. Хотя ми-и понимать много. Куда больше ты чем. Ушел просто все и. Не надо знать больше. Не понять ты.

- Может быть, и так, обезьяна. Может быть, и так... Впрочем, это уже и неважно. Сделал и сделал. Но она все равно умрет. Ведь умрет, да?

- Умрет, да. Все умирать. Ты. Даже ми-и умирать.

- Да я понимаю... Но от этого не легче.

- Смерть помогать жить. Нет смерти, жить плохо.

- Почему это?

И тут обезьяна еще раз удивила меня. Хотя это казалось уже невозможным.

Она тяжело вздохнула и опять заговорила голосом негра. Без всяких идиотских «ми-и» и перестановки слов.

Она сказала:

- Если смерти нет, то ты не оторвешь от дивана свою задницу, чтобы хоть что-то сделать. Ведь любая цель в бесконечности будет достигнута, поэтому пропадает интерес целеполагания. Понял? Предоставь в твое распоряжение вечность, ты палец о палец не ударишь. Неизбежность смерти заставляет тебя быть хоть в какой-то степени человеком. И хватит стонать. Прими все, как есть. Эта девушка сделала для тебя то, чего не могли сделать родители и учителя, вместе взятые. А ты сидишь и тоскуешь непонятно о чем, вместо того чтобы радоваться.

- Чему?

- Тому, что обрел опыт, который другие смогут получить только в последние мгновения жизни. Когда уже поздно что-то менять. Ты счастливчик. Ты еще можешь успеть...

- Успеть что?

- Ми-и устали, - снова запищала обезьяна. - Морда устала. Ми-и уходим.

Она спрыгнула с подоконника.

- Подожди, - сказал я. - Что я могу успеть? Скажи мне.

Но обезьяна, не обращая на меня никакого внимания, прошла криволапым привидением к двери.

- Да стой же ты!

Я попытался встать, но у меня ничего не получилось. Ноги не слушались. Мозг раз за разом посылал им четкую команду, но они откровенно плевали на все приказы. Будто кто-то перерезал все нервные волокна. Оказывается, я все-таки здорово напился...

- Да подожди же... Скажи, что я могу успеть?

Обезьяна, взявшаяся было за дверную ручку, передумала, обернулась и подошла ко мне. На задних лапах. У нее не было проблем с прохождением нервных импульсов.

Она остановилась напротив меня. В одном шаге. В нос ударил уже знакомый обезьяний запах. Она немного постояла, покачиваясь на лапах и пристально глядя мне в глаза.

А потом широко размахнулась, будто собиралась соскрести краску с потолка, и изо всех сил ударила меня кулаком прямо в лоб.

Комната на мгновение осветилась голубоватым светом, как при вспышке молнии. И в этом невыносимо ярком свете я вдруг увидел как бы со стороны самого себя, сидящего на полу с почти пустой бутылкой виски в руке. Впечатление было такое, что часть сознания покинула тело и зависла под потолком.

Стены квартиры растаяли, а может, просто стали прозрачными, и я увидел соседнюю комнату... Она вся была убрана белым. На татами лежала Вик в белоснежном кимоно. Не в обычном юката, [52] а в настоящем кимоно, которое, судя по всему, стоило ненамного дешевле, чем моя «тойота». Лицо Вик было накрыто куском какой-то ткани. Что-то вроде марлевой повязки. Только закрывала она все лицо. От лба до шеи.

Рядом с Вик стояла ваза с голубыми гортензиями. Это было единственное цветное пятно в белой комнате.

Мне не понадобилось подлетать поближе к девушке, чтобы понять, что все кончено. Вик была мертва.

Та часть меня, которая висела под потолком, не испытала никаких эмоций. Наверное, просто не могла. Она просто констатировала факт: Вик мертва. Точно так же она могла подумать: идет дождь. Или: за окном светает.

Кусочек «Я» еще немного покружил под потолком. Но за пределы комнаты вылететь не смог.

Когда ему надоело изображать дирижабль, он стремительно метнулся вниз и врезался в сидящее на полу тело полуголого мужчины лет тридцати, с почти пустой бутылкой виски в руке.

И тогда навалилась темнота.

Когда я очнулся, было раннее утро. Комнату заливал тусклый серый свет. Из-за него, а еще из-за дикой головной боли все вокруг казалось нереальным. Будто я спал и видел сон, в котором я спал и видел сон...

вернуться

52

Традиционное летнее кимоно из тонкого хлопка. В отличие от обычных кимоно, юката стоят недорого и доступны каждому.

Предметы расплывались, двоились, меняли очертания, словно были слеплены из густого вязкого тумана. Или как если бы я смотрел на них сквозь толщу воды...

Тело затекло так, что я его почти не чувствовал. Оно представляло собой мешок, набитый песком. Или опилками. Выяснить это можно было только встав. Но данная задача казалась мне невыполнимой.

Во рту тоже был песок. Полный рот песка. Мелкого речного. Он царапал язык и нёбо, наждачил горло. Сам язык, судя по всему, пытался изобразить футбольный мяч. Это ему удавалось неплохо.

В моем черепе сидело маленькое злобное существо и самозабвенно наяривало на тамтамах. Задними лапами оно пыталось выдавить мне глаза. Видимо, ему было тесновато.

Я застонал и прикрыл глаза, чтобы они не вывалились из орбит.

Существо тут же выбило особенно зажигательную дробь и принялось визжа раскачивать мозг. Голова закружилась, и я почувствовал, что меня вот-вот стошнит.

Пришлось открыть глаза и попытаться сфокусировать зрение на каком-нибудь предмете. Этим предметом стала пустая бутылка из-под виски, валявшаяся рядом. Я бы предпочел что-нибудь поэстетичнее...

Но, несмотря на чудовищное похмелье, способности соображать я не потерял.

И благодаря этой сохранившейся способности чувствовал себя полнейшим дерьмом.

За стеной лежит мертвая девушка. Она умерла совсем недавно. Ее тело еще не остыло. Оно лежит рядом, в нескольких шагах от меня. А я мучаюсь от похмелья. От самого обыкновенного похмелья. И оно занимает все мои мысли.

«Дерьмо», – подумал я.

Надо было попытаться встать. Но сначала нужно решиться на эту попытку. Вот как раз последнее мне и не удавалось. Воли хватало только на то, чтобы сидеть на полу, привалившись спиной к стене, и время от времени шепотом повторять: «дерьмо».

С другой стороны, попробовал я себя утешить, нет необходимости спешить. Что я буду делать, когда встану? Пойду к Вик? Да. Но что я буду делать там?.. И главное, могу ли я опоздать? Уже нет. Я опоздал везде, где только мог. Так чего уж теперь... Вик все равно, подойду я к ней сейчас или через пару часов. Вик уже все равно...

Дерьмо. Такого похмелья у меня никогда не было. Сколько себя помню. Правда, я никогда и не выпивал целую бутылку виски.

А может быть, во всем виновата обезьяна? Неимоверным усилием воли я заставил оторваться одну руку от пола и пощупать лоб. Пальцы были словно из резины. Но я все равно нащупал огромную шишку на том месте, куда угодил обезьяний кулак.

Не устроила ли она мне сотрясение мозга?

Обследование лба отняло у меня все силы. Я тяжело уронил руку на пол и замер.

Какое-то время я сидел, тупо уставясь в противоположную стену. Потом глаза сами собой закрылись и я опять нырнул во мрак.

А когда очнулся, почувствовал себя лучше. Голова по-прежнему болела, но существо, игравшее на тамтамах, похоже, выдохлось. Сил у него хватало лишь на вялые похлопывания.

Я осторожно пошевелился. Организм неуверенно запротестовал. Но я медленно, держась за стену, встал. Комната сделала карусельный круг, я пошатнулся, но на ногах устоял. А сделав несколько шагов, понял, что в этой жизни нет ничего невозможного.

Надо было привести себя в порядок. Я вышел из комнаты и отправился в ванную. Там меня вырвало. Прямо в раковину. Остатки виски пополам с желудочным соком. Отличный коктейль. Рецепт приготовления: бутылка виски накануне, без закуски, в полнейшем одиночестве. Для любителей покрепче можно добавить труп за стенкой.

Дерьмо.

Я тщательно прополоскал рот водой, пытаюсь смыть горечь. Затем надолго припал к холодной струе. Мне казалось, что я могу выпить весь водопровод...

Неплохо было бы принять душ. Но я представил себе, что пару часов назад под ним стояла Вик, и не решился. Плеснул в лицо водой. Потом засунул под воду голову. Постоял так, пока затылок не заломило от холода.

С мокрой головой я вернулся в комнату и вытер волосы рубашкой. Расчески не было, и я пригладил волосы ладонью. Надел влажную рубашку, застегнул ее на все пуговицы. Теперь я был похож на человека. Во всяком случае, я на это очень надеялся.

Настало время сделать то, чего делать вовсе не хотелось.

Я знал, что увижу, когда открою дверь в комнату Вик. Но все равно мне пришлось остановиться на пороге, чтобы немного унять дрожь.

Все было так, как в моем вчерашнем видении. Белая комната. Вик в белом кимоно, запахнутом на левую сторону. Голубые гортензии рядом с ней. Ткань, закрывающая лицо...

Добавилась лишь одна деталь, которая ускользнула от меня вчера. Тяжелый запах хлороформа. Им была пропитана вся комната.

И еще посиневшая кисть Вик с неестественно скрюченными пальцами.

При виде этой кисти меня опять замутило. Я прислонился к косяку, борясь с рвотными спазмами.

Через несколько минут желудок успокоился. Я вытер пот со лба. Надо было открыть окно. Запах был невыносим. У меня закружилась голова.

Стараясь не смотреть на Вик, я прошел через комнату. Распахнул окно и немного постоял, вдыхая сырой утренний воздух. На улице шел дождь. Уже всю шумели уборщики, намывая мостовые. Там жизнь шла своим чередом. Никому и дела не было до того, что сегодня не стало девушки по имени Вик. И уж тем более не было дела до меня, стоящего у окна и не знающего, что теперь делать.

Постепенно головокружение прошло. Я вернулся на середину комнаты и сел рядом с телом.

Вик больше не пугала. Вид людей, подметающих улицу, странным образом успокоил меня. То, что вчера казалось таким мрачным и загадочным, сегодня выглядело совершенно обыденно. Передо мной лежит девушка в кимоно. Девушка мертва. Вот и все. Такой вот печальный факт.

Чувствую ли я что-нибудь?

Да. Мне жаль ее. Я знаю, что мне будет ее не хватать. Поэтому мне немного жаль и себя.

Что-нибудь кроме сожаления?

Похоже, что нет.

На всякий случай я внимательнее прислушался к себе. Нет. Ничего. Осознание факта и сожаление.

Как просто... А я думал, что все будет намного драматичнее.

Но я так и не смог заставить себя снять тряпку с лица Вик. Хотя какое-то извращенное любопытство не давало мне покоя. Несколько раз я протягивал руку и убирал обратно.

Я не знаю, сколько времени провел в этом бездумном оцепенении. Несколько минут? Или часов? Не знаю... Время перестало существовать.

Был я. Была комната. Было тело. Все это вне времени. И в каком-то отделенном от остального мира кусочке пространства. Постепенно исчез и этот островок инопространства.

Это напоминало медитацию в дзен. Абсолютное спокойствие духа-разума. Выход за пределы обыденного сознания. Парение в иной реальности. Точнее, парение в отсутствии всякой реальности. Даже пустоты не было...

Наконец оцепенение прошло. Я потянулся, хрустнув суставами. В тишине комнаты этот звук был нереально громким и четким.

Только сейчас я заметил, что рядом с Вик, около посиневшей руки лежат два узких голубых конверта.

Один был подписан моим именем. Другой вообще без подписи. Поколебавшись, я взял конверт, адресованный мне, и вскрыл его. Внутри лежал сложенный вдвое листок бумаги. Хорошей рисовой бумаги.

Мне не хотелось читать то, что там было написано. Но я должен был это сделать. Не для себя. Для Вик.

«Мяу! Ты читаешь это письмо? Отлично. Значит, я выиграла. Надеюсь, ты не льешь слезы и не напился, как свинья. Я слышала, что ты разговаривал с кем-то этой ночью. Опять обезьяна? Ладно, можешь не отвечать. Это уже неважно.

Ты помог мне. Спасибо. Без тебя мне было бы страшно уходить. А так, зная, что ты сидишь за стеной, болтаешь с обезьяной и пьешь виски, я уйду легко. Даже не думала, что это будет так просто. Спасибо еще раз.

Но услуга за услугу, верно? Не хочу оставаться в долгу. Ты помог мне, я помогу тебе. Ведь я втянула тебя в эту историю, верно?

Видишь второй конверт? Это для полиции. Не вскрывай его. Это моя последняя просьба. Как бы ни хотелось тебе это сделать, не вскрывай его. Просто отдай полицейским.

Все, Котаро, больше писать нечего. Чувствую, что если не остановлюсь сейчас, то не сделаю то, что собираюсь сделать. С каждым написанным словом моя решимость слабеет.

Больше всего я хочу прийти к тебе и лечь рядом. И знать, что у нас есть завтра.

Но это не моя судьба. Больше я не хочу занимать чужое место.

Прощай».

Внизу стояло число и ее печать.

Я пожалел, что прочитал это письмо. «Больше всего я хочу прийти к тебе и лечь рядом. И

знать, что у нас есть завтра».

Этой ночью Котаро Ито, которого я знал тридцать лет, умер. Вместо него родился другой человек. И я не знал, смогу ли я с ним жить. У меня на этот счет были серьезные сомнения.

Я взял второй конверт. Отнести его в полицию, Вик? Конечно, конечно... Я ведь знаю, что там. Отлично знаю, мне даже не нужно его вскрывать. И так все предельно ясно.

И очень трогательно, Вик. Правда, очень трогательно.

Странная девушка по имени Вик, я не могу принять твой подарок. Просто не могу... Даже если написанное в том письме - правда. Хотя в это я не верю... Я не верю, что ты могла это сделать. И никогда не поверю. Даже думать об этом не хочу.

Я повертел конверт в руке. Прислушался к себе. Нет, у меня не было ни малейшего желания вскрыть его. Все равно я не поверю ни единому слову.

Другие, возможно, поверят.

Но покупать свободу за такую цену? Нет. Быть может, еще несколько дней назад я бы отнес это письмо в полицию. Отнес бы, придумав по пути дюжину оправданий этой гнусности. Теперь же мне было наплевать на свою шкуру. Теперь я знал, что есть вещи куда важнее. И за это можно было сказать спасибо только Вик.

Медленно, очень медленно, я разорвал конверт на мелкие кусочки. Я понимал, что в ладонях у меня обрывки моей жизни. Я понимал, что сам подписываю себе приговор. Я понимал, что с каждым тихим «ри-и-ип» тают мои шансы остаться на свободе.

Но иначе поступить я не мог.

Это был мой боевой вылет камикадзе, это был окоп, который я защищал, прикованный к пулемету...

Вик, ты не просто девушка, которую я мог бы полюбить. Ты павший в неравном бою товарищ по оружию. И ты должна понять, что иначе поступить я не могу. Мне приходится нарушить твою последнюю волю. Иначе твоя смерть окажется напрасной. Вообще все окажется напрасным.

Я вышел на улицу и выбросил обрывки письма в ближайшую урну. Потом добрал до телефона и позвонил в полицию.

Они приехали быстро. Я едва успел вернуться в квартиру Вик. Видимо, патрульная машина была совсем рядом. Следом за полицейскими подъехали врачи.

Вик положили на носилки, накрыли простыней и погрузили в машину «скорой помощи».

Меня вывели из квартиры в наручниках. Спускаясь по лестнице между двумя дюжими парнями в форме, я думал о том, что конец у этой истории получился не слишком веселым.

Эпилог

У меня не было ни сил, ни желания как-то выкручиваться. На первом же допросе я рассказал все, что знал. Про Вик, про Ямаду, про ограбление и фонари-дубинки... Не стал говорить

только про обезьяну. Это было ни к чему.

Пикачу и Рейчу обрадовались, увидев меня. Особенно Рейчу. Он очень старался, чтобы мне не пришлось скучать во время следствия. У него неплохо получалось. Почти так же хорошо, как у Ямады.

Ну и черт с ним.

Доказать, что это я развлекался с ножом, покемоны так и не смогли. Им пришлось довольствоваться тем, что я рассказал. Ни больше, ни меньше... За ограбление мне дали три года тюрьмы. Не так уж и много, если подумать.

Кто был настоящим убийцей, я так и не узнал. Вариантов ответа было три, и два из них мне очень не нравились. Настолько не нравились, что я запретил себе думать об этом. В жизни должны быть тайны. Без них никак...

После тюрьмы я не вернулся в Токио. За три года изоляции отвыкаешь от суеты. Я отправился на Хоккайдо. Исколесив его вдоль и поперек, я решил остаться в Немуро. После ограниченных пространств и решеток мне хотелось простора. А где можно увидеть настоящий простор, кроме как на море?

И я остался в этом морском городе. И стал рыбаком. Ведь надо было как-то зарабатывать себе на жизнь. А это, как оказалось, не самый плохой способ. Простой и честный.

Постепенно я начал рисовать. Сначала для себя. Не думая о том, что это может стать моей работой. Если возвращался с моря не слишком уставшим, я брал бумагу, карандаши, находил местечко поспокойнее и сочинял всякие истории. Какие-то получались лучше, какие-то хуже. Для меня это не имело значения. Я просто рисовал то, что мне хотелось. Если это кому-то нравилось, я радовался. Вот и все.

Со временем от комиксов я перешел к картинам. Никогда не думал, что из меня выйдет хороший художник. Но, продав первую картину, понял, что, наконец, нашел свое место.

Очень скоро я сделал себе имя. Обо мне много писали. Что-то было правдой. Но вранья, как водится, было на порядок больше. Со мной советовались, мое мнение ценилось среди художников... За мои картины платили неплохие деньги. Одним словом, я стал крутым парнем. Появились какие-то друзья... И, конечно же, враги. Врагов, как и вранья, было больше. Я не расстраивался. Когда не боишься жить так, как хочешь, тебя мало что может расстроить или напугать. Единственная штука, которая имеет значение, - свобода. Свобода быть собой.

Меня звали в столицу. Но я по-прежнему жил в маленьком прибрежном городке. И по-прежнему ловил рыбу. Для собственного удовольствия. Это называли причудой...

Мне же просто нравилось выходить в море.

Каждый год, одиннадцатого февраля я отправлял открытку отцу Вик. Каждый год я собирал дорожную сумку, садился в поезд и ехал в Токио. Чтобы навестить Вик. И ее могила не выглядела заброшенной. Это были все мои обязательства. Остальное я делал только потому, что хотел это делать. Впрочем, и открытки, и визиты на могилу Вик - тоже не были чистой воды «ты должен, потому что». «Ты должен» удачно совпало с «я хочу».

Конечно, я допускал мысль, что все может измениться. Что рано или поздно мне станет тесно в том мирке, который я заботливо создал за эти годы. Но если станет тесно, никто не сможет

удержать меня в нем. Так что и это не было проблемой.

Обезьяна больше не появлялась. Я знал, что она и не появится, пока я живу своей жизнью. Если вдруг меня опять занесет в чужой лабиринт, она тут же даст о себе знать. Придет и начнет клянчить пиво. На всякий случай я всегда держу в холодильнике несколько бутылок.

Иногда я ворочаюсь всю ночь без сна. И тогда ко мне приходит Вик.

Она просто сидит рядом с моей постелью и смотрит куда-то сквозь меня. Мне кажется, что ее лицо вот-вот превратится в маску. Меня прошибает пот, и я сажусь на постели с колотящимся сердцем. И Вик исчезает. Конечно, она же человек-невидимка...

Порой я слышу ее голос. Она все время произносит одно и то же слово. «Придурок». Случается это, как правило, во сне. «Придурок», – зовет меня она. Получается у нее это очень печально. Странно, чтобы произнести это слово печально, нужно постараться. Но у нее это получается очень хорошо. Настолько хорошо, что, бывает, я плачу во сне...

Так проходит день за днем, месяц за месяцем, год за годом. В суете дней я редко возвращаюсь в мыслях к той истории. Дела, дела... Никуда от них не денешься, пока живешь.

Но каждый раз, когда начинается сезон дождей, я вспоминаю об обезьяне и странной девушке по имени Вик. Тогда я выхожу на берег, сажусь на камень и смотрю, как волны лениво лижут песок.

Передо мной взлохмаченное море. Дождь омывает потемневшую листву вечнозеленых дубов и серые валуны на побережье, жемчужно-серая пелена застилает горизонт...